Трансмит

литературно-художественный и общественно-политический журнал фантастики

3-2012

В номере:

Ст. Бескаравайный
О смысловых скелетах фантастических городов

Владимир Васильев
Душа освобожденная

Александр Варакин
Восточные сказки

Интервью номера
"чего фантасты не предвидели"?

Павел Амнуэль
Простые числа

Содержание

С. Бескаравайный. О СМЫСЛОВЫХ СКЕЛЕТАХ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ . . . 3

Владимир Васильев (ВАСИЛИД 2) ДУША ОСВОБОЖДЕННАЯ ИЛИ БЕССИЛЬНЫЕ МИРА ИНОГО 15

Леонид Моргун. ПРОБЛЕМА СМАЗКИ 33

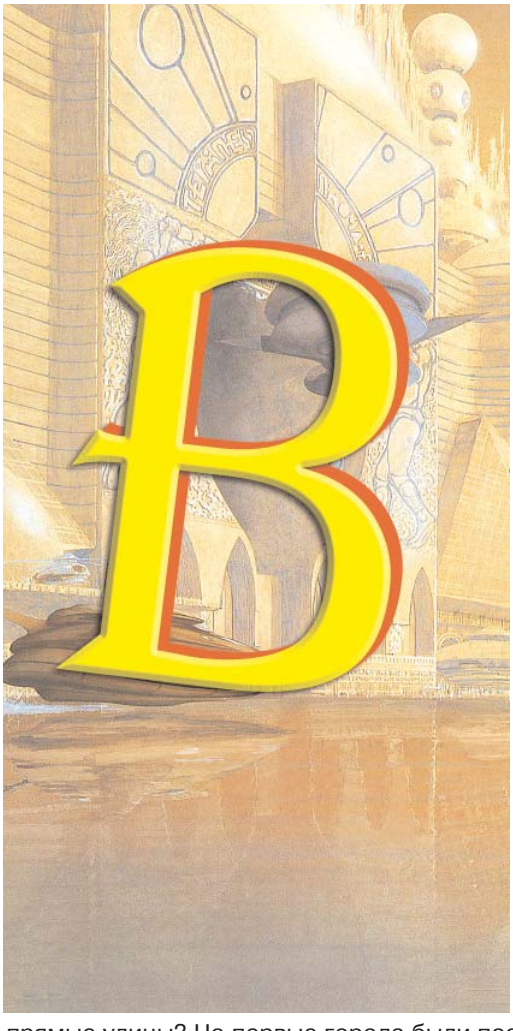
Александр Варакин. ВОСТОЧНЫЕ СКАЗКИ 49

Интервью номера. «ЧТО ЗНАЧИТ «ФАНТАСТЫ НЕ ПРЕДВИДЕЛИ»? 64

Павел Амнуэль. ПРОСТЫЕ ЧИСЛА 71

С.С. Бескаравайный

О СМЫСЛОВЫХ СКЕЛЕТАХ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ



В фантастической литературе авторы часто используют образ города. Это необычное место, которое должно перенести читателя из мрачной действительности в радостную сказку или в еще более мрачную действительность. Порой такие города очаровывают, а иногда кажутся плохими картонными декорациями. Попытаемся определить, на каких основах можно выстроить правдоподобный, но несуществующий город.

С чего начать? С основных понятий.

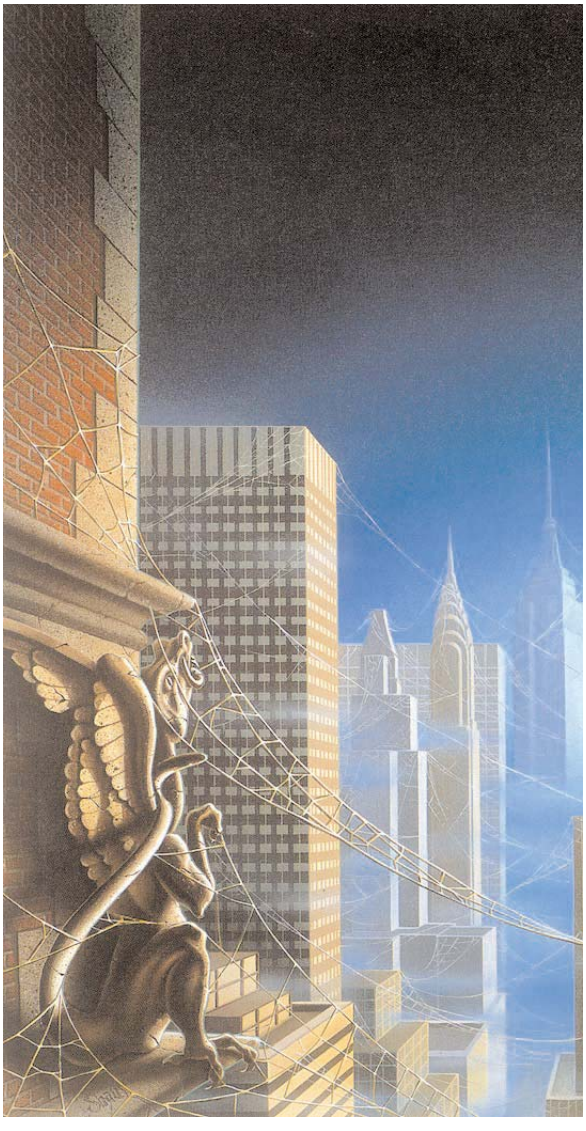
Что такое фантастика? Её определений так много и они столь противоречивы, что можно смело вводить новое, и пусть читатель рассудит, насколько оно достоверно. Фантастика — это мечты и страхи эпохи, запечатленные в художественных образах. Фантастика устраняет, снимает или обостряет противоречия, присущие обществу. Отодвигает линию рассуждений от благоразумной середины или наоборот, окрашивает все в розовый цвет. Но она никогда не оставляет всё, как было раньше.

Что такое город? Место, где живет много людей? Но тогда и деревня, и лагерь, и вокзал — все будут городом. Может быть, это большие дома и прямые улицы? Но первые города были построены из глинобитных одноэтажных мазанок; да иная современная деревня может похвастаться архитектурой лучше, чем у тогдашнего города.

Если сравнить крестьянина и горожанина, то последний может всю жить прожить, вращаясь среди людей и только по человеческим законам. Рассвет и закат могут ничего не значить для горожанина. Крестьянину надо ухаживать за скотиной, засевать поля, собирать плоды — и сроки работ нельзя изменить простым указом, как статью в уголовном кодексе.

Город — пространство обитания множества семей, где часть жизненно важных природных закономерностей замещена искусственными правилами.

Какое основное противоречие лежит в основе любого города? Что дает возможность ему существовать, а не превращаться в склад теней, бродящих по раз и навсегда прочерченным улицам? До появления города человек противостоял природе — и для дикарей это было основное, движущее противоречие. Можно сказать, несущее. Противостоит ли в городе человек — человеку? И да, и нет. По большому счету противостоять кому-то другому, не человеку — глупо. Разве что воевать с тараканами и клопами. Однако, города редко превращаются в арену индивидуальных поединков, в место войны всех против всех. Между человеком и человеком встает городская структура, новые правила, которые сменяют законы природы и не дают каж-



дому отдельному индивиду «заполнить собой весь существующий объем», не позволяют его страстям выйти за некие пределы. Человек откликается на это — стремиться переделать себя, измениться, обойти и новые законы. Горожанин не чета крестьянину, во всех смыслах.

Основное противоречие города — между изменением природы и изменением человека.

И тут фантастика вмешивается первый раз. Авторы стремятся буквально поломать ситуацию. Во-первых, противостояние между людьми, заменяется противостоянием людей и не-людей. Нечисть оккупирует улицы города — привидения выползают из канализации, вампиры выходят из комы, мутанты вырываются из лабораторий. Тут все ужасы межчеловеческих проблем забываются, их отставляют временно в сторону — и начинается война без сомнений и тревог. Прекрасный сюжет, добрые и веселые герои. Города для этого сюжета могут подбираться любые. Единственное, чем они различаются серьезно — это степенью разрушения. В комедии «Охотники за привидениями» все ограничивалось косметическими беспорядками в Нью-Йорке. Годзилла и Кинг Конг в том же Нью-Йорке производят значительные разрушения. Роман «Элайзабел Крей и темное братство» — представляет картину Лондона позапрошлого века. Город изрядно разрушен агрессивными призраками, а многие кварталы опустели. Тот же Лондон превращен в руины и совершенно утратил население после того, как там проснулись драконы — в фильме «Власть огня».

Показатель реалистичности в этом случае: то, как люди думают жить после всех событий.

Во-вторых, альтернативным способом выступает угроза городской системе, опасность уничтожения инфраструктуры. Здесь и призраков никаких не требуется — хватает землетрясений, пожаров, ураганов, похолоданий и тому подобного. Большая часть подобных фильмов и романов, к сожалению, это одна сплошная операция спасения.

Впрочем, есть город, который объединил вредности стихий и нечеловеческих существ. Это единственное поселение на планете Пирр. Полный климатический хаос, а, вдобавок, телепатически объединенная биосфера, которая стремиться только к одному — уничтожить жителей города. Роман Г. Гаррисона так и называется «Неукротимая планета». Так что каждый горожанин на Пирре — это эксперт по выживанию и превосходный стрелок. Социальных проблем в этом городе не существует, что автор романа неоднократно подчеркивает.

Третьим способом, противоположным первым двум, выступает слияние человека и при-

роды. Противоречие просто «забывается», цивилизация и самую малость окультуренная природа вполне мирно сосуществуют. Возвышенные мысли на фоне естественности окружения. Здесь вне конкуренции эльфийские поселения. Классический образец — Лориен (Дж. Р. Р. Толкиен «Братство кольца»). Город и лес, фактически, сливаются. Туда же гнет А. Сапковский, описывая поселения брокилонских дриад. Дома и деревья неразделимы. Однако, это чисто внешнее, косметическое устранение проблемы — потому как эльфы и дриады не являются людьми в обычном понимании этого слова . Нормальный человек перемалывает под себя любую природную среду.

Наконец, весьма экзотическим вариантом устранения противоречия между человеком и системой города выступает заселение территории одним единственным мыслящим субъектом. Весьма яркую картину подобного исхода демонстрирует фильм «Матрица: Революция»: все виртуальное пространство было занято единственным агентом Смитом в миллионах воплощений.

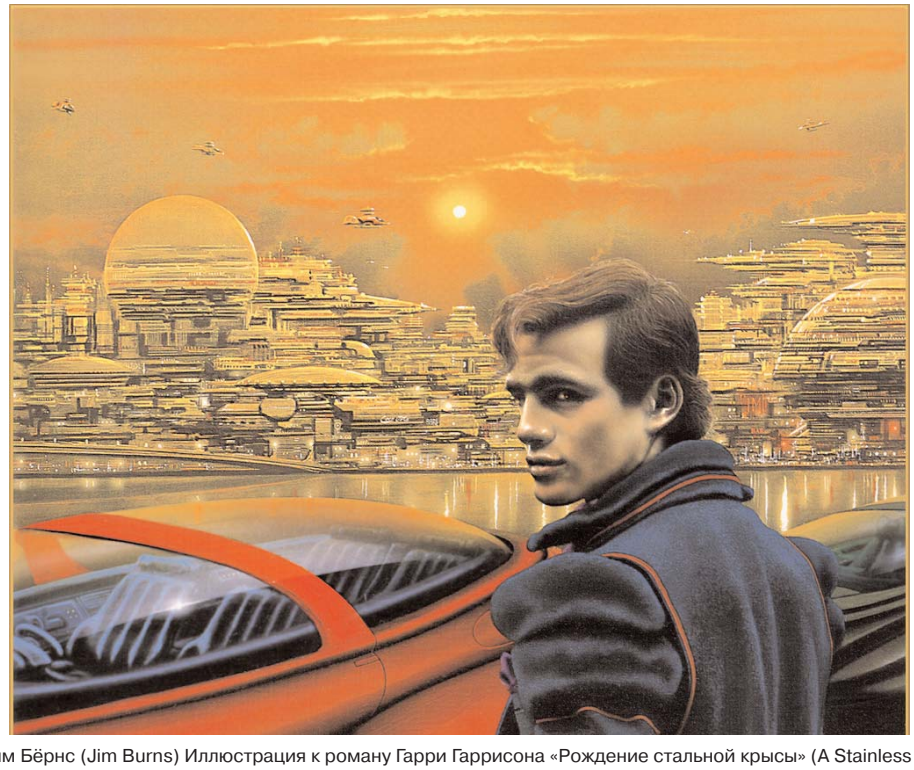
Конфликт при этом не устраняется абсолютно, но лишь становится внутренним. Система оказывается заключенной в сознании индивида. Фантасты раскрывали сложность подобных конструкций, правда, используя многих похожих индивидов: на примере религиозной секты, члены которой не хотели отличаться друг от друга, и на примере города, заселенного клонами миллиардера, да и в некоторых других сюжетах. Такие системы оказываются неустойчивыми.

Но если несущее противоречие все-таки воплощается, и у нас есть поселение, где люди противостоят системе? Что будет первой проблемой, первым конфликтом, отражающим его? Это вопрос о размерах города.

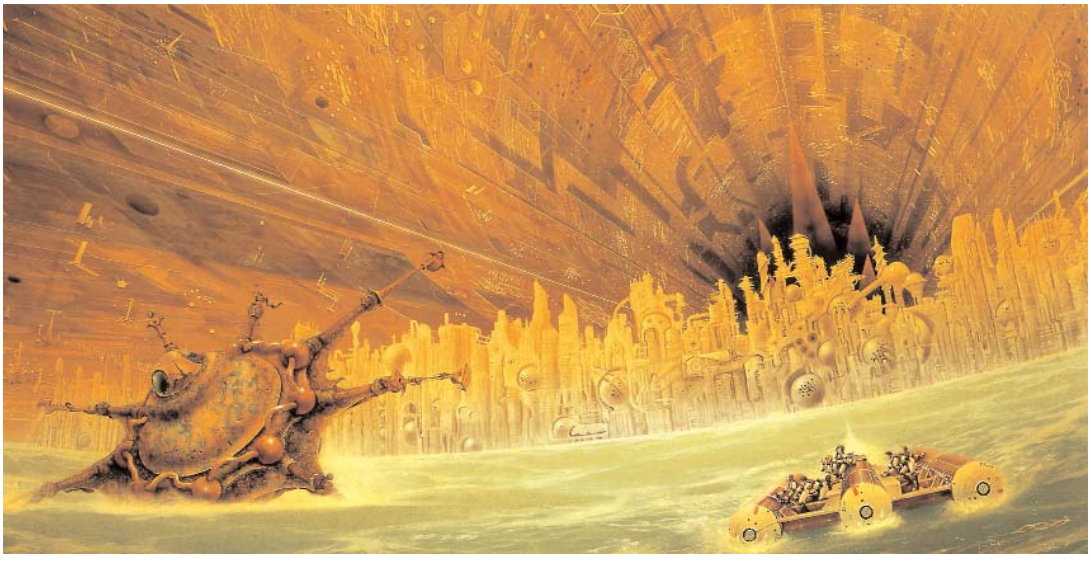
Первое частное противоречие — между стремлением поселения к бесконечности и к минимальным его размером. С чего начинаются минимальные размеры? В абсолютных величинах городом можно посчитать даже муравейник — а если сделать разумными микробов, то линейные размеры стремятся к нулю. Обратимся к профессиональной структуре города: там не живут только лишь крестьяне или только лишь шахтеры. То есть набор профессий ограничен уже не прямым взаимодействием с природой, но взаимными претензиями людей, более сложными потребностями. Система принципиально автономна от земли, грубо говоря — город возможен и в пустыне, лишь бы провизию подвозили. Таким образом, настоящие горожане должны владеть столь многими ремеслами, что перестанут добывать провизию непосредственным общением с природой, а будут обмениваться продуктами труда с крестьянами. Го-

роду нужен минимальный «пасьянс» профессий, и этот «пасьянс» целиком определяется автором: тем уровнем культуры, что он задаст. То есть мы опять упираемся в изменение природы. Но ведь природы уже нет, есть культурная среда? Верно. Поэтому в ход идет отличие культурной среды от природы, как бы странно это не казалось.

Минимальное отличие такой среды от естественной — дает биоинженерия жилища. Генетическое конструирование, селекция и прочее. Дикие растение превращаются в дома — управляемые и послушные. И дома эти человек не выращивает год за годом, а покупает, как обычный коттедж. Подобную картину нарисовал Джек Вэнс в романе «Дома Исзма» — генетически программируемые растения, которые вырастали в дома и улавливали настроения своих хозяев. Дачный поселок для людей умственного труда, составленный из подобных домов — и станет минимально возможным городом.



Джим Бёрнс (Jim Burns) Иллюстрация к роману Гарри Гаррисона «Рождение стальной крысы» (A Stainless Steel Rat is Born)



Джим Бёрнс (Jim Burns) Иллюстрация к роману Артура Кларка «Свидание с Рамой» (Rendezvous with Rama)

Максимальный размер населенных пунктов — не ограничен. В книгах можно найти образы планеты-города. Таков Гелиор, столица галактической империи (Г. Гаррисон «Билл — герой галактики»), такова столица еще одной империи в сериале «Звездные войны». А одна из самых ранних в смысле создания оригинального произведения — столица империи из «Основания» А. Азимова. Впрочем, имеют эти планеты свойство, обычное для всякого земного города, но уже опасное для бесконечного — провизию и отчасти воздух им доставляют извне. В данном контексте — с других планет. А ведь теоретически город поглощает пространство целиком, даже не планету, а галактику. Если так, откуда взять провиант и кислород?

Необходимо внутреннее производство пищи, переработка отходов и, желательно, регулирование численности людей — то есть замыкание природных циклов на искусственные системы, полное устранение природы как естественной среды. Фактически, это создание целиком искусственного мирка, городского космоса. Так что с еще большим основанием на статус бесконечного города могут претендовать космические поселения — такие как астероиды, описанные у А. Паншина в «Обряде перехода». Пусть живет в них тысяч тридцать человек — но они составляют замкнутый мир, семечко, из которого может вырасти сверхмегаполис. Действительно бесконечным Городом, сочетающим в себе качества замкнутости и всеохватности — выступает Блис. Его образ дан Р. Желязны в романе «Порождения света и тьмы». Это город, в который слились все крупные города планеты — и не осталась на этой планете больше свободного места, равно как и нет общения с другими планетами, не откуда получать еду. Все на самообеспечении. Аналогична планета, описанная Ф. Лейбером в «Страннике» — с той только разницей, что она могла путешествовать в космосе самостоятельно, совершая прыжки через подпространство.

Такие города отдают дурной бесконечностью: в них есть своеобразные модули, секции, блоки, которые можно приставлять друг к другу, пока хватит пространства.

Но будет ли эта бесконечная шкала — от сотни домов до планет и звездных систем — както зависеть от качеств человека? Конечно, будет! Человек, который мыслит природными циклами, не может построить мегаполис. Необходима некая культурная обработка городского жителя.

На низшей её стадии стоят даже не крестьяне, но гавроши. Люди, для которых городское

пространство приобрело свойства дикой природы — они либо не понимают принципов, на которых оно построено, либо не воздействуют на них, как человек не может влиять на бури и смерчи. Если таких людей в городе оказывается слишком много, то город умирает. Пример тому — роман Г. Л Олди «Войти в образ»: ранее зажиточный и большой город после исчезновения магии, на которой держалась в нем дисциплина, скатился к состоянию хаоса. Отдельные группы ремесленников враждуют друг с другом, но система как целое — умерла. Главный герой — трупожог, безграмотный, забитый бомж, и вокруг он видит таких же.

Но кто стоит на высшей стадии? Это человек идеально соответствующий среде. Только вот как соответствующий? Есть типаж городского жителя, который будет процветать и в городах «1984»-го, и в «Замке» Кафки. Это винтик, без которого город жить не может, но и который совершенно беспомощен в природной среде. Он идеально знает параграфы и на «ты» с любой инструкцией, он не попадается на глаза начальству и всегда правильно мыслит. Однако есть и другой тип — это почти животное. Тот же «Блис» дает нам образец поведения людей, которые утратили способность критически мыслить, а только развлекаются и размножаются. Есть и третий тип — это пронырливый обитатель киберпанковских городов. Это герой романов Б. Стерлинга или У. Гибсона — он знает толк в компьютерах и очень нестандартно мыслит. По-другому нельзя существовать в кварталах, наполненных изощренной техникой. Значит, соответствуя среде, человек будет подгонять себя под уровень «дружественности техносферы».

Противоречие размеров — задает самые общие рамки города и горожанина. Актуальное состояние, «мгновенную скорость», которую мы наблюдаем во многих текстах. Но немедленно возникает второй вопрос — как долго может продолжаться бытие города? Насколько он устойчив?

И снова мы видим противостояние двух факторов, двух осей изменения качеств, пересечение которых и даст нам срок жизни города.

Первый из них — скорость изменения человека.

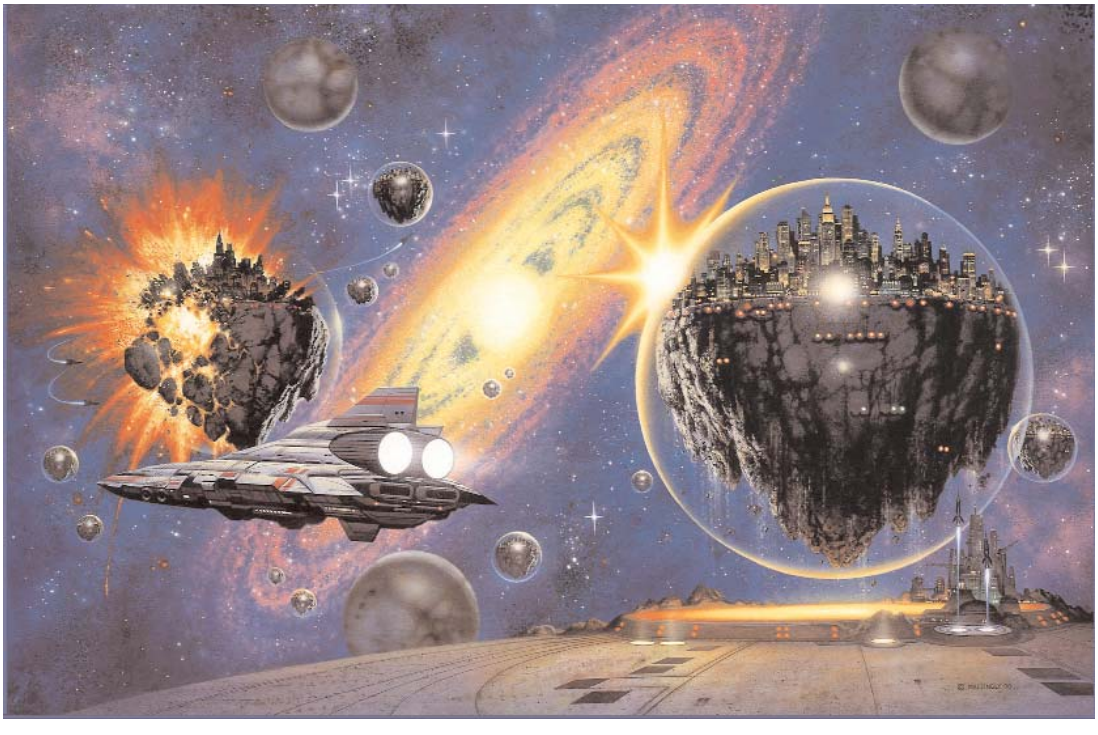
Бывают города, которые буквально пожирают, перемалывают каждого новичка. Таков мрачным Питер из фильма «Брат»: добрый и решительный человек в итоге становится расчетливым убийцей. Таков Платибор из романа А. Лазарчука «Жестяной бор»: там заводится некий

искусственный разум, который паразитирует на интеллектах прибывших, и требует в местный университет все большего числа иногородних студентов.

То есть человек, пребывая в город, за короткое время должен необратимо измениться и, главное, он уже не станет жить в этом городе. Не сможет или не захочет. Такой город будет существовать столько, сколько его снабжают человеческим материалом. Пока не высосет все возможные ресурсы и не сгниет в отчаянных попытках возродить былое величие. Как поздний античный Рим.

Обратный вариант городов, это громадные консервные банки. Поколения людей могут жить там, и ничего не произойдет, ничего не изменится. В «большой» литературе — это образ тихого провинциального местечка. Есть все городские атрибуты, но абсолютно нет самостоятельного развития — все новое приходит извне. В фантастике эти городки обрастают легендами, там заводятся привидения, духи, сохраняются проклятья. Иногда даже большие города становятся аквариумами без выхода, в которых можно только жить. Что-то подобное описал Р. Каттнер в «Ярости» — на дне морей и океанов Венеры стоят купола, и в этих куполах в относительной сытости живут остатки человечества. От поколения к поколению там ничего не меняется.

Некоторые фантасты пошли еще дальше — и дали образ вечного города, в котором всегда будут жить одни и те же люди! Это уже бродячий сюжет, и к одной из его типичных экранизаций можно отнести «Эон Флакс». После эпидемии на Земле остается лишь один город (вообще, одиночество подобных города — один из существенных признаков). В нем сохраняется чрезвычайно устойчивое общество: из-за всеобщей бездетности женщины вынашивают не своих детей, а собственных клонов. Круг воспроизводства не знает конца. Следующая ступень — обеспечение в подобных городах передачи части воспоминаний от поколения к поколению.



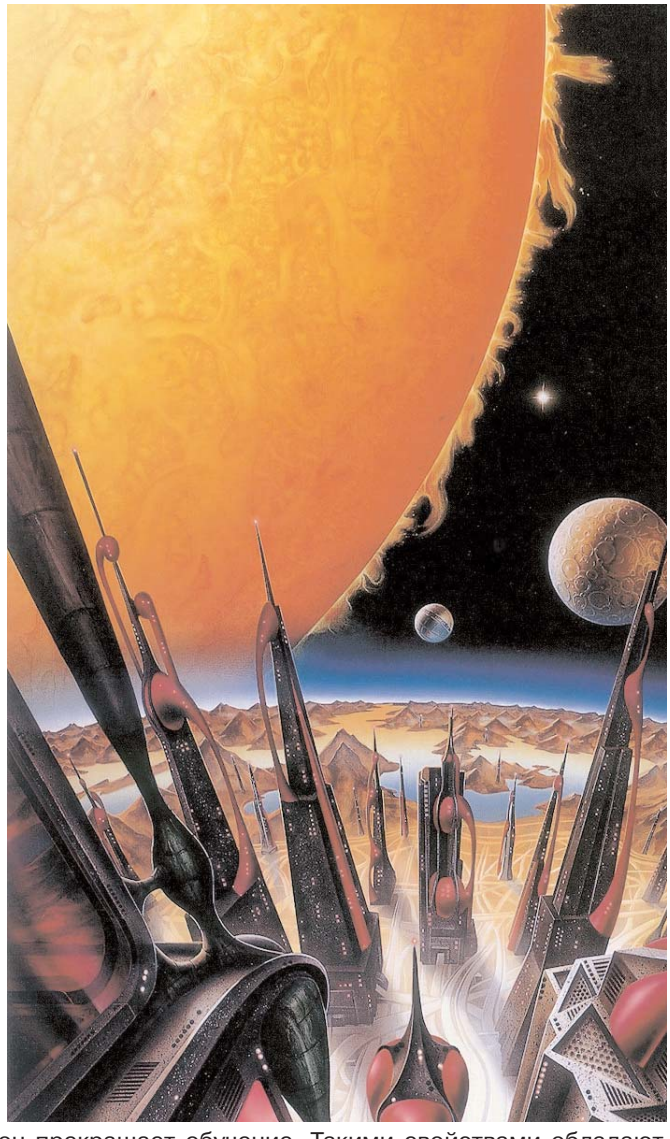
Дэвид Мэттингли (Davide Mattingly) «Города в полёте» (Cities in flight)

Но как же изменяется вторая составляющая города — его структура, как она зависит от срока жизни поселения? Там есть собственное противоречие: между мгновенным изменением города, ежесекундным его обновлением, и чем-то неустранимым, вечным.

Город-однодневка — это большой лагерь, в котором собрались свободные люди. Скажем, на чемпионат мира по квиддичу. Или на фестиваль бардовской песни. Даже большой круизный лайнер можно назвать своего рода городом. Такой город во всем подобен настоящему — есть управление, есть свобода от каждодневного добывания пищи, есть интриги, разводы, свадьбы, банкротства. Но все носит печать игры, понарошечности. Почему? Люди, которые собираются в таких городах, желают измениться только по строго определенному, заранее оговоренному набору признаков. Насладиться зрелищем матча и узнать имя чемпиона, прослушать песни и духовно просветлиться, наконец, просто завести интрижку и получить хороший загар. Но жизнь во всей её полноте на таких сборах принимать не желают. У такого города есть две альтернативы развития — или начать выходить за пределы игры, и становиться долгоживущим образованием, или сохранять игру, но устранять людей. Потому на курортах люди и живут по две недели, по месяцу — дольше нельзя отдыхать и жить одновременно. Вероятно, предел длительности «города-однодневки» — студенческие городки при университетах.

Фантастика и здесь пытается обойти противоречие: создаются образы картонных утопий. Это варианты райка, общего кисельного будущего, в котором плохие качества человека вдруг отмирают.

Все очень спокойно и чудесно, вежливые соседи даже не завидуют друг другу. Только когда туда прибывают герой со злодеем, местные просто не знают, что с ними делать. Пороки и добродетели вдруг выходят из ящика Пандоры. И в развитие сюжета город необратимо меняется.



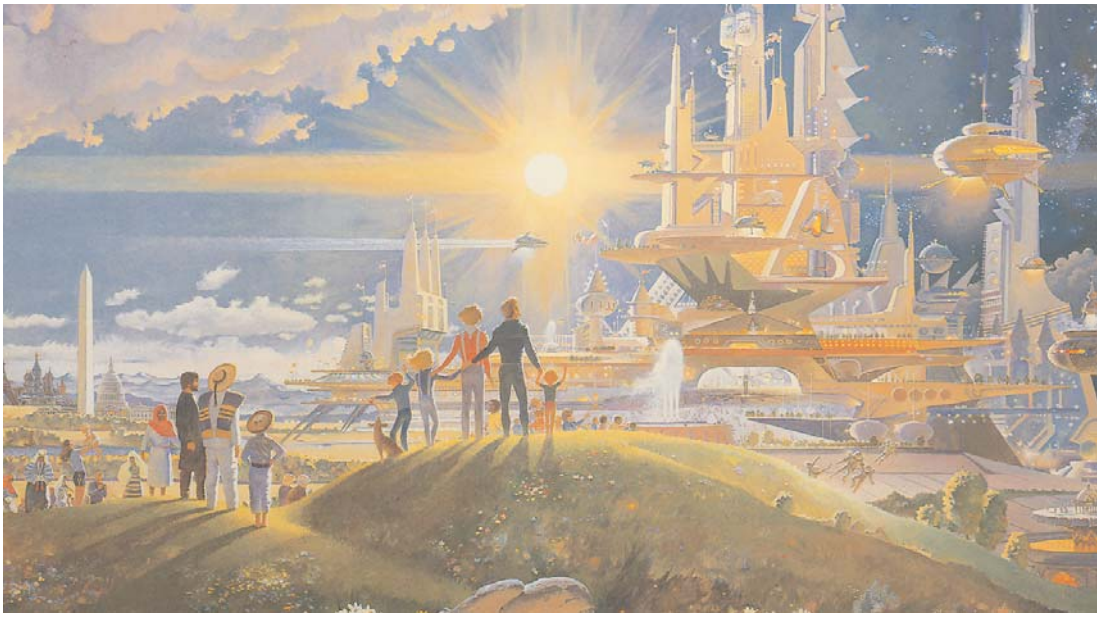
Но нашелся в фантастике странный выход из этого тупика — виртуальный город. Там нельзя жить постоянно (человек не может всегда находиться у компьютера), и жизнь там идут уж точно не во всем многообразии. Смерть, любовь, деньги — это лишь обозначения, лишь сигналы, и только человеческие убеждения делают их реальностью. Это тень жизни, но тень живучая настолько, насколько людям нужен мир знаков, который они сами создают.

Что же тогда считать «вечным городом», каким будет поселение, обратное лагерю? Это структура, которая перерабатывает любого индивида до бесконечности: не заставляет его пройти ускоренный курс бандитизма, но ставит его на путь беспредельного восхождения. Её невозможно познать в две недели, и даже за всю жизнь. Город из просто «квеста», приключения — становится бесконечной лестницей. Тот, кто покидает город, даже совершив ряд выдающихся дел, — не получает всех искомых качеств, не становится совершенным, ведь он прекращает обучение. Такими свойствами обладают священные города. Религия предоставляет некую тайну, которая постигается из поколения в поколение, но не может быть постигнута. Любое изменение в них лишь украдет часть недостижимого совершенства, лишь разрушит образ. Иерусалим, Мекка, Константинополь. Таких городов много.

Как бы странна не казалось аналогия — это еще и университетские городки. Только не для студентов, но для тех, кто посвятил себя науке. Лестница научного познания тоже не имеет конца.

Что же со всеми этим структурами делают фантасты? Кроме простого украшательства, почти всегда присутствует попытка продлить человеческую жизнь. Пусть не наделять обычных людей большими сроками существования, но превращать их в духов, в постоянных обитателей города.

Противоречие в сроках жизни города определяет «историческое время» любого дейст-



Роберт Мак-Колл «Введение и обещание»
(The Prologue and the Promise by Robert-McCall)

вия. Мы узнаем, молод город и ли стар, чего от него ждать, ощущаем вектор его развития. Но для чего это развитие? Какова его цель, каков смысл?

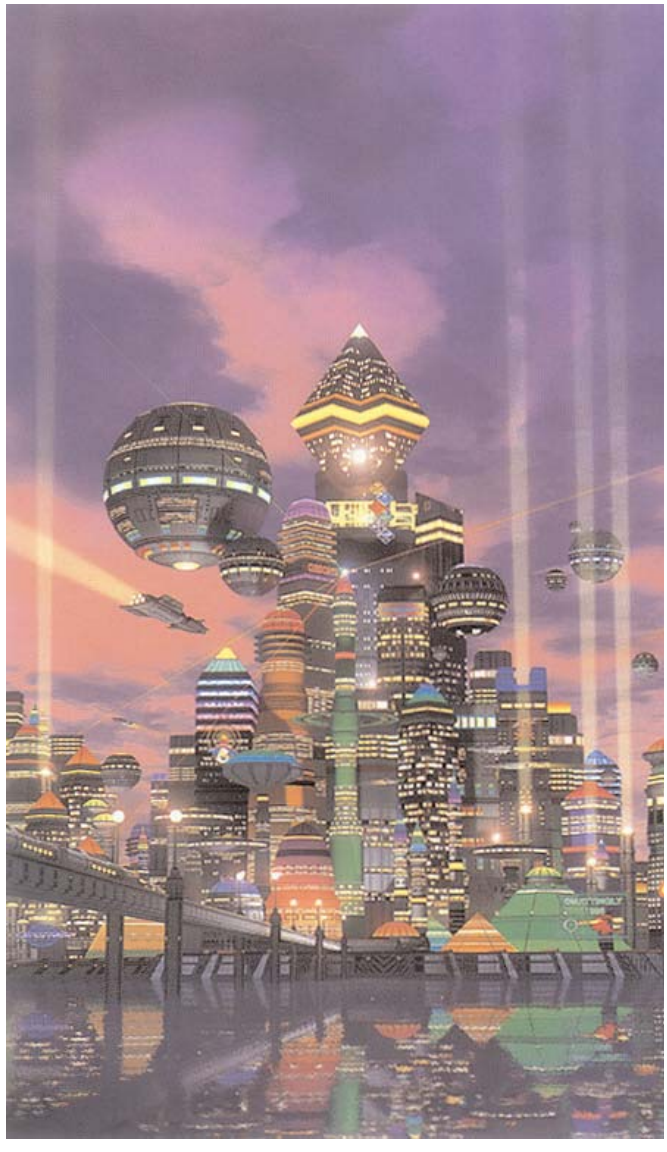
Здесь мы сталкиваемся с третьим противоречием, с третьим вариантом раскрытия основного несущего противоречия. Город может быть направлен на идеальное воплощение человека, или же город станет совершенной формой, самодостаточным изделием, в котором человека может и не быть, он окажется лишним.

В фантастических воплощениях это противоречие, пожалуй, самое страшное. Ведь чтобы раскрыть смысл, надо показать развитие ситуации, хотя бы намекнуть в сюжете на конечное состояние, к которому придет город. Все лучшее и худшее должно случиться — появляется конечный результат. И с точки зрения читателя эта цель может быть ужасна, отвратительна, безнадежна.

Однако что понимать под «идеальным воплощением человека»? Оно само таит в себе противоречие, само вытягивается в некую шкалу удачных проектов, края которой противоречат друг другу. Человека можно воплощать как объект некоей готовой, вполне завершенной идеи. Город обретает качества некоего абсолюта, но не вообще, а по отношению к конкретной личности — бюрократия может изменить себя и через час, но человеку надо будет измениться вместе с ней. Люди становятся заготовками, которые надо обтесать, они превращаются в винтики механизма. Подобных антиутопий создано множество. В XX-м веке фантасты изображали и победивший фашизм, и муравьиный социализм, и в тех антиутопиях хватало описаний городов . Даже если убрать человека, и поставить в эту схему просто разумное существо — то подобное противоречие все равно сохранится: его воплотил С. Лем в романе «Эдем». Некий грандиозный проект по генетической перестройке населения другой планеты оказался провален. Но тамошняя бюрократическая систем отказалась это признать. Анонимная власть просто вычеркнула проблемных индивидов. В результате есть заводы, которые ничего не производят, и поселения, в которых мелкие социальные группы уничтожают друг друга.

На другом конце шкалы человек предстает генератором идей, творцом. Эти образы воплощала социалистическая фантастика: тут и «Туманность Андромеды» И. Ефремова, и цикл романов А и Б. Стругацких о полдне человечества. Здесь происходит отмирание города, как

обязательной формы бытия культурного индивида — подлинный творец не ограничен рамками уже существующей структуры, даже больше, он должен научиться смотреть на неё со стороны. Потому в обществе, в основе которого свободные творческие люди — не чувствуется перехода между городом и деревней. Даже в чистом поле к услугам человека весь комфорт цивилизации, а в самом центре города — нет духоты от выхлопов. К сожалению, подобный творец идей — он так же нереалистичен, как и многие другие фантастические типажи.



Дэвид Мэттингли (Davide Mattingly)
«Город над горизонтом» (Beyond This Horizon)

А что с совершенной городской формой? К чему приводит попытка достичь её? К новому противоречию: между раз и навсегда прописанным образцом системы и её бесконечным развитием. Упрощение или скажем проще, закостенение такой системы — один крайний вариант. Правила установлены, они признаны совершенными, никто и ничего не поменяет. Поначалу из такого города уходят недовольные обитатели, потом энергичные, потом пропадают и живые. В итоге жителей в городе вовсе не остается — разве только редкие безвластные призраки. Фактически, это вымерший город, археологический призрак, который спасается от уничтожения силой таланта своих уже ушедших создателей. Дома и улицы продолжают выполнять свою функцию, но чтобы они могли работать не вхолостую, нужен посетитель. Гость.

Таков город из романа «Роковая кукла» К. Саймака. Это кварталы несокрушимых пустых домов вокруг космопорта и функция у них только одна — приютить на ночь путешественников, которые на этой планете должны перейти то ли в нирвану, то ли в параллельный мир. Нынешние обитатели этих кварталов не могут пройти трансформации, которой стремятся путешественники. Их очень мало, они случайны, они игрушки или «зайцы» на кораблях тех людей, что шли к свету. Им только и остается, что воровать вещи вновь прибывших, хотя сами они уже и не знают, для чего это делают. Просто имитируют жизнь на фоне застывших и вечных зданий.

Хотя, конечно, подобные города проще воплотить в «ужастиках».

Но вот другой конец шкалы дает неоднозначный ответ. Совершенная структура должна всегда развиваться. Потому город обретает разум, становится мыслящим. Многозначность в

том — нуждается или нет такой город в человеке? Если приводить в пример роман «Князя света» Р. Желязны, то «Небеса», созданные Вишну, были антропоцентричным разумным поселением. Городом, изначально построенным для обитания человекобогов. Пока самозванные боги изобретали что-то новое, пытались справедливо управлять людьми, «Небеса» развивались и были отблеском совершенства. Стоило «богам» окончательно наплевать на людей, развитие затормозилось. Началось искажение первоначального замысла поселения, проникло на «Небеса» запустение.

Может быть город чисто механический, электронный, бесчеловечный («Софтуха.exe» и «Мокруха.exe» Руди Рюкера). Где и как угодно могут существовать такие города. Хоть на Луне. Их противостояние с природой снять много проще, чем в рамках человеческого города — ведь электронная схема куда как неприхотливей биологического организма. Если положить в основу такого развития кроме электроники и еще и легкую мистику, то открывается большой спектр сюжетов в стиле «герой против механизмов». Один из впечатляющих образцов подобного представили Г. Л Олди в романе «Дорога»: дома, сложные приборы, система метро — понемногу обретают разумность, и этот разум вовсе не на пользу человеку. Если человек развивается вместе с таким городом, то постепенно утрачивает качества человечности. Люди становятся новыми существами, высокоразумными, перешедшими на следующую ступень развития. Таков один из городов в романе С. Лукьяненко «Звездная тень», упоминается такой город, даже целая планета просто «ушедшая вперед».

Итак, реалистичный город будет учитывать и аккуратно раскрывать все противоречия, указанные в данной схеме. Вовсе не обязательно, чтобы такой город походил на обычный — конкретные точки равновесия в противоречиях могут быть сдвинуты. Важно лишь помнить о компенсации, о иных качествах, которые необходимо будет ввести для равновесия. Кроме того, город, показанный читателю, может проходить через период смены цели, через качественную перестройку, словом — переживать большие изменения. В романе «Гадкие лебеди» А. и Б. Стругацких именно это и происходит — новое, как росток, разрушает старое, дети не признают образа жизни родителей.

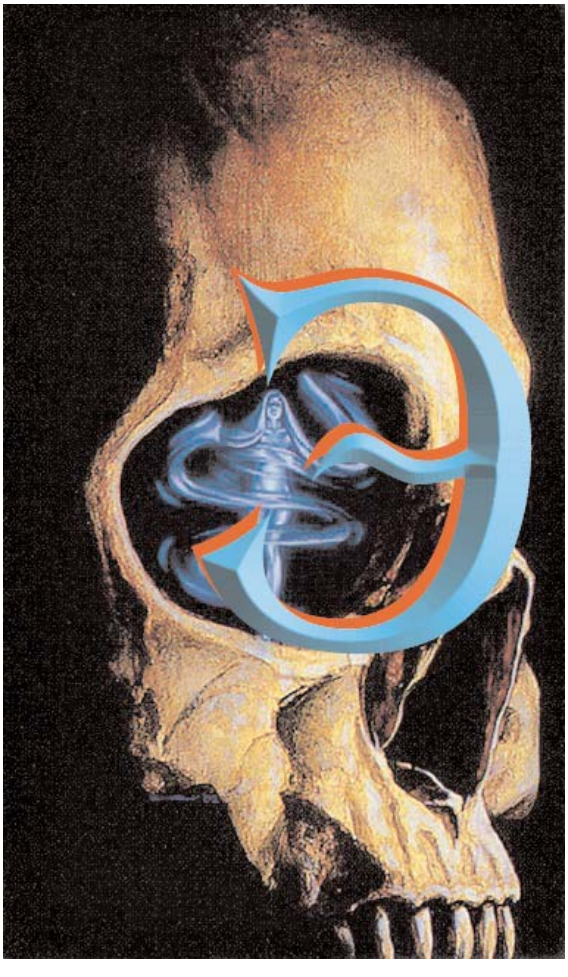
Данная работа, как очерчивание смысловых основ города, не исчерпывает проблему. Она задает предельно общий причинный скелет фантастического города, но не рассматривает изменение тех или иных образов поселения в истории литературы. Чтобы составить полную картину надо понять, как менялись конкретные воплощения мечтаний и страхов от эпохи к эпохе.

Декабрь 2006

Крис Мур «Новые легенды» (New legens by Chrise Moore)

Владимир Васильев (ВАСИЛИД 2)

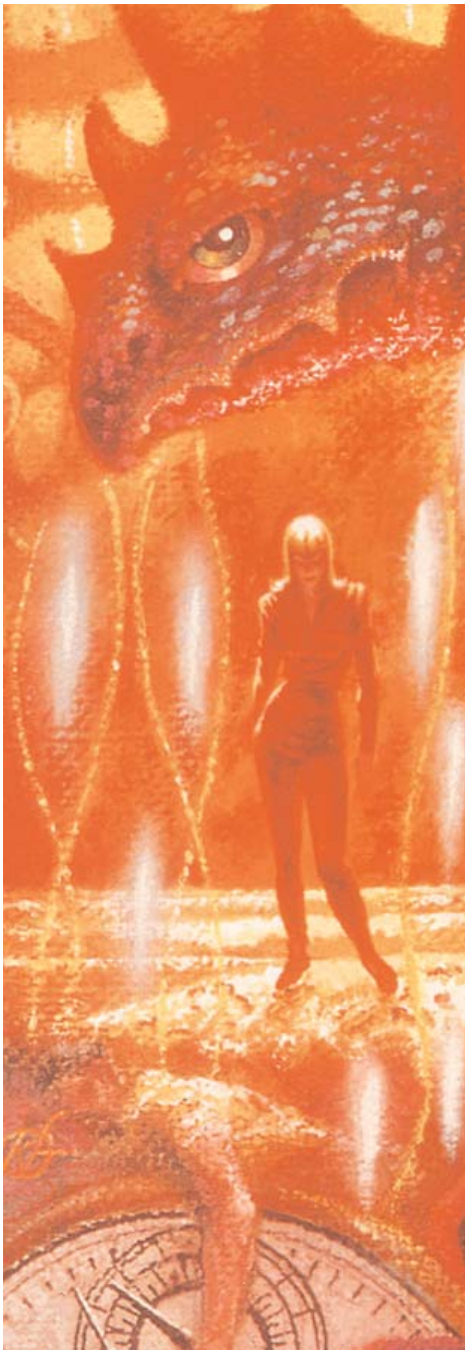
ДУША ОСВОБОЖДЕННАЯ ИЛИ Бессильные мира иного



За приливами — отливы:
То, что вечно, остается.
Отчего ж так сиротливо
Дух бессмертный к телу жмется?..
...Потому что одиноко
Квантом быть Души Вселенской,
Запасной ячейкой Бога,
Не мужскою и не женской.
Медитировать мирами,
Если быть доверят Богом,
Пот духовный утирая -
Это очень одиноко...

то оказалось больно. Ощущалось, будто связи рвутся с треском,. Словно руку от тела... живьем... Так мучительно рвались связи угасающих клеточных полей и центральной полевой структуры, в просторечии называемой душой. Этих связей насчитывалось десятки триллионов. Наверное, именно одновременность разрыва создавала ощущение боли, потому что и раньше связи рвались постоянно и множественно, но тут же на замену старым приходили новые, и процесс проходил безболезненно.

Душа мыслит, потому что является хранительницей разумной жизни. Причем, мыслит по-русски, потому что еще несколько мгновений назад она принадлежала русскому мужику. Но вот он скопытился, дал дуба и сыграл в ящик. Не слишком импозантный ящичек, да и тесноватый, но сам виноват — не заработал себе на полированного красавца и лимузинистый катафалк. Не браток, чать, и не политик, а нищий бывший ученый, а потом пенсионер с параноидальным уклоном в графоманию. Стишки на старости лет кропать при-



нялся — вспомнил молодость. В детство впасть еще не успел, но до юности добрался. Помню образчик на есенинские мотивы про катафалк, пророчество, так сказать:

И меня на желтом катафалке
Мощью в сто коней
Повезут по серому асфальту
Накормить червей.
Сыто чавкнет, гроб глотая, глина,
Прошуршит песок,
Матюгнется вдруг могильщик длинно,
Свой прозревши срок...

Тех, кто остался, жалко. Что умершему? Еще способное в нем чувствовать — вот оно: чувствует и соображает, сохраняя угасающие обертоны бывшей личности. И практически бессмертно, если забыть, что во вселенной нет ничего бессмертного, в том числе, и самой вселенной, но в определенных временных рамках можно и так постулировать. А вот те, кто остался, пребывают в неизвестности и тоске вечной разлуки. Их связи тоже рвутся по живому. Но для меня жизнь продолжается, пусть и совсем другая, а для Нее, для любимой, она фактически закончилась. По крайней мере, та, привычная, в которой был я. Хорошо, что дочка смогла приехать — она не даст матери глупость сотворить, удержит. Я ее заранее проинструктировал, чтобы в таком случае глаз не спускала и от себя не отпускала. Вот увезет к себе в Россию, в Петропавловск-Камчатский, где ее муж морским офицером служит, одарит бабушкиными заботами, которых мы тут не знали, может, тогда и полегчает на душе?

А ведь верно сказано — «на душе»: любящие души образуют мультисолитон* — единую устойчивую волновую структуру! Вот почему мне так больно!.. Не только в клетках дело, а в распаде мультисолитона на отдельные индивидуальные солитоны. Мне-то тут поможет вся структура мироздания, а там, у живых, еще неизвестно, чем кончится...

Да — клетки угасли, а боль осталась. Возможно, ослабла слегка, но осталась.

Вот уж никогда прежде не подумал бы, что волновая структура способна испытывать боль! Ее рецепторы — это точки приема информации. А сколько ее ко мне поступает — не берусь даже оценивать. Чувствовать вселенную — это вам не человеческим

* СОЛИТОН — это уединенная волна в средах различной физической природы, сохраняющая неизменной свою форму и скорость при распространении. Солитоны ведут себя подобно частицам (частицеподобная волна): при взаимодействии друг с другом или с некоторыми другими возмущениями они не разрушаются, а двигаются, сохраняя свою структуру неизменной. Это свойство может использоваться для передачи данных на большие расстояния без помех. Мультисолитон— несколько солитонов, движущихся как единое целое.

телом управлять. Другого уровня задачка. Хотя во плоти мне тоже приходилось ее чувствовать, но, скорее, как панцирю или защитному экрану: спасать клеточки тела требовалось от пагубного вселенского воздействия, ибо тело нежное не рассчитано на эти частоты, поля и их энергии. Приходилось для разных участков частот до семи экранов держать вокруг плоти трепетной. Иначе испепелили бы, с ума свели, муки адские дав отведать перед этим. Так что, на самом деле, человек в этих экранах, как космонавт в скафандре. Собственно, он и есть космонавт на космолете по имени Земля. У которого свои защитные экраны общего пользования.

Я начал различать, какие именно связи сейчас разрываются, к кому они тянутся. Вот эта — к жене, вместе с которой мы вершили духовное единство, к коему подключались остальные. Прежде всего, дочь.

Я чувствую растерянность дочери, привыкшей к тому, что родители всегда есть. Пусть далеко, но душой в любой момент можно потянуться и достать. Приобщиться к их жизни… Ох, береги мать, доченька! Береги ее, сколько сможешь! Она еще не выработала свой жизненный ресурс, я это хорошо вижу, хотя сейчас она искренне безутешна. Ей очень больно, но она полна жизни и вполне может стать частью нового вашего единства. Если ты ей поможешь, она и станет.

Зятя и внука я почти не чувствую. Юридические лица… Так уж сложилось — вроде и планета не слишком велика, да проезд кусается. Наш пенсионер финансовой удавкой к своей клетке прикован… Зять сочувствует жене, а для внука дед — пустой звук, который время от времени мама произносит. Нет живой связи. Зато и боли нет.

Друзья? Их много не бывает. У меня тоже один остался. Рассыпается старый пень, а еще стоит. Вцепился в землю. Молодец! С ним — да, многое связано в душе. Ему больно, мне — тоже. Но, вообще-то, мы, старики, заранее друг с другом прощаемся, свыкаемся с мыслью и неизбежностью. Спать ложимся, не зная, кто из нас завтра проснется.

А это чей одинокий солитон, ко мне прикипевший? Я-то думал, что это только мой вывих психики, болезнь старца, впавшего в юность…

Последняя любовь — печальная черта,
Отчаянный рывок из бренности в бессмертье…

Потом-то осознаешь, что:

Есть первая любовь, последняя любовь,
Но все они — лишь часть Единственной Любови.

Но это позже, а дух уже успел прикипеть, срезонировать, притянуть и этот солитончик к себе. Я-то был уверен, что это только моя внутренняя проблема, что меня лишь терпят, снисходя к моей старости и беспомощности перед стихией, а вот она, стихия моя, сидит у стола, смотрит на мой корявый стишок, не вникая в слова, и беззвучно плачет. Не пришла на похороны. Правильно — зрелище весьма не эстетичное, пусть лучше помнит меня живым и терпимозримым. Эта разлука у нее еще долго будет саднить — я был последним, кто ее любил, и на данном этапе ее жизни, увы, единственным. Хотя ей от этой любви ни жарко, ни холодно не было, разве что только чуть светлей… Дай Бог ей встретить хорошего человека и настоящую любовь!

Кстати, с Богом мне еще предстоит разобраться. Помню, когда-то уже все было ясно, но я пока еще не настолько просветлел, чтобы восстановить эту очевидность. Я с трудом выныриваю из боли, как из омута, облепленный водорослями, тиной и стекающими потоками воды, больше похожей на слезы.

Еще помню разнообразные ощущения человеческой боли, но нынешняя ни на одно не похожа. Потому, наверное, что она уже не человеческая. Пожалуй, это первый разумный шаг в осознании себя не человеком. Конечно, я уже с момента обнаружения себя в этой ипостаси, называл (или обзывал?) себя солитоном, душой, духом, но это были еще людские понятия. То есть я уже знал, что не человек, но еще ощущал себя человеком. Почти. Теперь, похоже, насту-

пил момент влипания в истину. От которой потом уже не отскребешься. Намертво склеивает — в прямом смысле слова. Или до влипания еще далеко, а это только первое легкое касание, асимптотическое приближение?..

Можно лишь сказать, что моя не человеческая боль — очень отрицательное ощущение, из которого чрезвычайно сильно хочется выйти. Возможно, это стимул для скорейшего перехода в новое состояние?

Могилу уже закопали, женщины свое отрыдали, друзья отскрипели зубами и вытерли очень скупые и очень мужские, и мне полегчало: у них — с глаз долой... и у меня связи истоньшали, но, что интересно, перестали идти на разрыв, а, достигнув некоторого минимума, остались в этом состоянии. Надолго ли? Возможно, до тех недалеких пор, пока они меня помнят и любят.

С исчезновением разрывного импульса, пропало и ощущение боли. Хорошо бы навсегда, но кто нас знает? В блаженстве ли мы купаемся или от укусов мироздания уворачиваемся. Скоро, видимо, узнаю... Эй, Мироздание, узнаю?..

Что ж, я скинул с себя одежду плоти... И стою я пред тобой голый-голенький... Интересно, как бы смотрелся солитон в семейных трусах?..

Еще вопрос, где я, вообще, пребываю? Только что был кем-то вроде соглядатая на собственных похоронах и барахтался в этом процессе, не обращая внимания на окружающее — боль не позволяла, все на себе концентрировала, хотя я знал, что в фоновом режиме ко мне поступает информация со всей вселенной. Физика у меня такая. Конечно, она одна для всех точек, но проявляется разными частными следствиями в разных проекциях мироздания: — одиннадцатимерных, шестимерных, четырехмерных. Человек во плоти, например, воспринимает только четыре измерения. А все остальное для него — математические абстракции. Великое чудо, что он их помыслить может и формулами описать. А теперь я живу в этом и ощущаю во всей полноте. Не исключено, что доступная мне часть информации о мире — только часть всей правды о нем. Это было бы логично, потому что полную правду может воспринять только субъект соизмеримый объекту, а я — лишь малюсенькая часть необъятной системы.

И теперь, интересуясь людьми, я вижу их мир, а, интересуясь вселенной, вижу ее, родимую. И что я, собственно, вижу? Если вы думаете, что я оглянулся несуществующей головой и узрел обалденно звездное небо в супералмазах, то категорически ошибаетесь. Я — полевая структура, воспринимающая мироздание через воздействующие на меня поля, а пространств и, тем более, объектов с субъектами без полей не бывает, и я их чувствую во всей полноте их физических характеристик. Переводя мои ощущения на язык человеческих чувств, можно примитивно сказать, что я вижу, слышу, обоняю, осязаю, ощущаю вкус вселенной, но дело в том, что мои ощущения не исчерпываются этими составляющими, а переходят в область высших чувств. Из понятных человеку — это любовь, блаженство, чувство прекрасного, чувство сопричастности мирозданию, чувство цели во всем спектре ощущений — от негативного до позитивного. Но это только очень ограниченное и приблизительное перечисление, остальные чувства не имеют человеческих аналогов и не могут быть объяснены человеку. К примеру, как объяснить чувство мерности, позволяющее воспринимать некий мир в том числе измерений, которое оказывается для него существенным? Причем, это обычно не только пространственные измерения, но и временные, коих тоже несколько.

Впрочем, в данный момент никаких таких экзотических миров я пока не ощущаю. Только-только отполз от своего недавнего четырехмерного пристанища. И предо мной — условный Океан Света, условный, потому что это не свет в узко электромагнитном смысле, а стихия полей, в которую я погружен. И, в первую очередь, в мое родное Информационное Поле, неадекватно названное людьми Темной Материей. Не знаю ничего светлее! Опять же — не в электромагнитном смысле. Потому оно для людей и «темное», что они не тем на него смотрят. Не глазами и не электромагнитными приборами смотреть надо! Впрочем, раз они его обнаружили, значит, наконец, правильно посмотрели. Чем надо. Со временем и до сути докопаются.

Это и, правда, похоже на океан: такие же, только разноцветные, горбики волн, бегущие примерно в одном направлении, такое же ощущение бескрайности, простора, мощи. А я — одна из этих волн. Тут же до меня доходит, что эти горбики — такие же солитоны, как я, и вижу я некий супермультисолитон. Или заготовку оного? Наверняка, заготовку, потому что я их не чувствую, каждый из нас остается сам по себе.

Да неужто все это — души только что умерших?! Сколько ж нас?!.. И куда мы спешим?.. На Страшный Суд?.. Кто не грешил, тому страшиться нечего, только кто без греха? И что есть грех? Не по человеческим, а по здешним меркам?

С шестимерного горизонта этого пространства на нас наползает клубящийся фронт тумана. Обычное океанское явление... Но почему-то полевой структуре становится тревожно. Что это — угроза существованию? Вроде бы души бессмертны?! Но эти сказки нам при жизни другие люди рассказывали, которые правды знать не могли. А из теории солитонов известно, что, несмотря на их устойчивость, и они со временем теряют энергию и затухают, как все в мире сем и ином. Ничто не вечно под центром галактики. И сами галактики, как мыльные пузыри, лопаются. Только «брызг» значительно больше.

Что за чушь?! Откуда туман там, где нет воды? Информационный туман? Какой же еще может быть в океане информационного поля? Бред сумасшедшего, мечты мечтателя, фантазии фантаста... Велика ли между ними разница?..

Астрал! Так сей туман величают эзотерики — великие туманисты современности. А по сути он — интеллектуальная мусорка человечества. Кто-то внутри бормочет про экскременты духа... Попрошу духа не касаться — это святое, ибо — я! Дух не искажает информацию, потому что по конструкции на это не способен. Весь мусор — от стохастичности ума. Во, ляпнул! Кто ж меня, кроме математиков, поймет? Скажу иначе: весь мусор от ума без царя в голове и без атамана тоже — от ума, который гуляет сам по себе туда, сам не зная, куда.

А туман клубится все ближе, заслоняя собой вселенную, и наши, пока неприкаянные, души неостановимо влечет в него. Не надо мне туда! Я все понял! Исправлюсь! Больше сам не допущу и другим не позволю!.. Ноль внимания. Закон простой: что наблевал, в то и мордой...

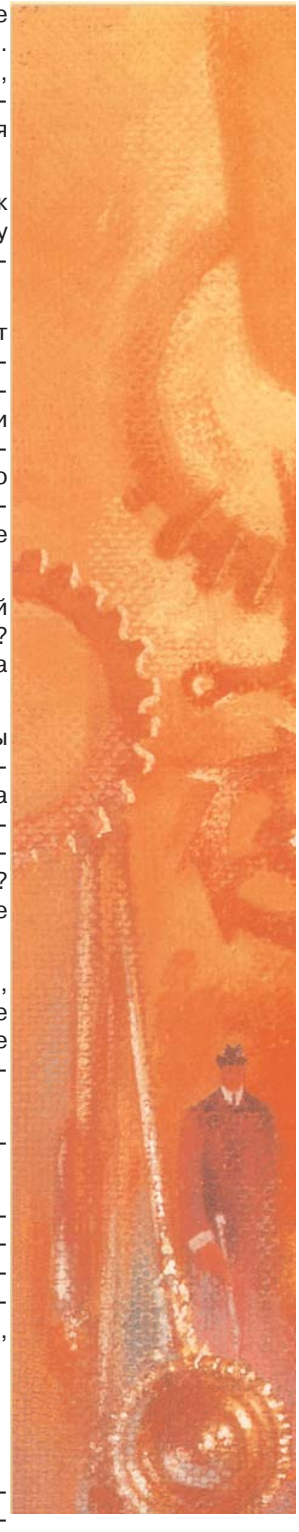
Как и обычный туман, этот навалился не сразу, а сначала коснулся своими полупрозрачными ошметками.

Первой пролетела Баба-Яга на метле. Чуть пониже махала крыльями сорока-ворона с котелком каши в лапах. А по земле астральной Колобок деловито поспешал от дедушки-бабушки к жизни молодой, самостоятельной. Откуда-то сбоку выскочил Заяц с АКМ наперевес, толкая дулом перед собой связанного Волка, который сипел, приглушенный кляпом:

— Ну, З-з-заец!.. Ну, по-го-ди-и-и!..

За что тут же получал прикладом в костлявый зад.

— Все, Волчара, — ухмылялся плотоядно Заяц. — Отольются тебе теперь заячьи слезки!.. Четыре сыночка и лапочка дочка... И семе-



ро козлят... Ты что, из голодного леса? Тебя в зоопарке не кормили, что ли?..

Волк тщетно пытался подобрать раздувшийся от обжорства живот.

А потом серая туманность скрыла все. Опять я один остался. Понятно — сюда каждый за своим приходит...

Из марева стало проявляться что-то громадное и красное. Со страшным скрипом через равные промежутки времени: Хрум... Хрум... Хрум... Хрум...

Из тумана вылетела громадная сосулька и вонзилась острием в снег прямо у моей ноги. Еле успел убрать, чтоб не проткнула — краем глаза заметил и дернулся. Рядом с сосулькой хрустко впечатался громадный красный сапог с налипшими снежными комьями. Увернулся. С красной же шубы, щедро покрытой морозными узорами, свисал снежно-ледяной занавес. Я испугался, что он вот-вот рухнет на меня. Но, отбежав подальше, понял, что нависала борода и что передо мной великан Дед Мороз. И тут надо мной камерой центрифуги со страшной скоростью мелькнул красный мешок и, резко остановившись, опустился в снег.

— Здравствуй, деточка! — услышал я громоподобное приветствие. — Я тебе подарочек принес! — и полез лапищей в мешок.

Меня обуял панический страх — раздавит же подарочком, и я с воплем: — Не хочу подарочка, мама-а-а! — бросился в чащу леса.

А тут и зима кончилась. Наоборот — жаром дохнуло. У подножия скалы, где я, оказывается, стоял, в жерле мини-вулкана, затыкая его, утвердилась громадная раскаленная сковорода диаметром метров в сто. По всей ее гладкой поверхности что-то подскакивало, будто шкварки от выбросов раскаленного жира или как саранча на поле. Присмотрелся: это были люди! Самые натуральные люди, в смысле: в чем ушли, в том и вернулись... Они-то и скакали, шлепаясь этой самой натурой на раскаленную сковороду и тут же выпрыгивая вверх, оставляя на ней быстро чернеющие шматки приставшего к металлу собственного мяса. Чад стоял густющий. Повсюду без видимого мне порядка были на нем подвешены топоры, вилы, грабли, лопаты, рогатины, пики и прочий сельхозинвентарь. Время от времени прокопченные чадом волосатые черти хватали инструмент и тыкали им в пытающихся вылезти из сковороды

грешников. И те с диким визгом низвергались вниз, принимаясь за свой нескончаемый танец: кто гопака давал, кто рок-н-ролл спортивный, кто брэйк, а кто и вовсе пытался птичкой стать, да только грехи, видать, не пускали — опять присковородивались. Чад, дым, стон, вой, визг, скрежет зубовный… И довольное всхрюкивание чертей, откровенно получавших удовольствие от своей работы.

— Ад… — выдохнул я вместе с клоком чада.

— Да нет, милейший, — раздался вкрадчивый голос сзади. Я вздрогнул и обернулся. — Это рай для мазохистов, — закончил фразу козлокентавр красно-черного цвета. Видать, тоже прикоптился.

— Здрасте, — по интеллигентской привычке кивнул я.

— Да уж здравствуем-ме, здравствуем-ме-е, уж которое тысячелетие отлично здравствуем-ме! — радостно сообщил он, потирая пальцы в золотых перстнях с большими кровавыми рубинами. — В последнее время, правда, гораздо веселее стало: чернушечников-триллерщиков трейлерами доставляют… Веселый народец! За тысячелетия такого не придумали, чего они лет за десять наваяли нам на радость, себе на оргазм. Видите, как блаженствуют?! До костей пробирает.

— Что ж, они только сковороду и придумали? — удивился я, вспоминая, что читывал ужастики куда круче этого древнего сооружения.

— Что вы, что вы, ми-ми-лейший! — обрадовался козлокентавр. — Извольте, провожу… Экскурсию, так сказать по фантазиям человеческим.

— Благодарю вас, любезный хозяин, — решительно отказался я. — Мне этого развлечения и в том мире хватило. Успеха вам в вашем благородном деле очищения и удовлетворения! Позвольте откланяться…

Я стал подозревать, что если не исчезну тотчас в тумане, то и сам на сковороде окажусь.

— У нас не неволят, — гордо ответил козлокентавр. — Свобода и демократия! И права человека!

— Вы бы еще на Киотский протокол внимание обратили, — посоветовал я, удаляясь. — А то чадно тут у вас, вредные выбросы в атмосферу…

— Увольте, батенька, — засмеялся мне вслед распорядитель аттракциона. — Где ж вы тут атмосферу обнаружили?

— Ноосферу, — пробормотал я себе под нос, — ноосферу я имел в виду… Ч-черт! Надо под ноги смотреть, а то угодишь с разбегу в озеро нечистот! Уж

их-то ассенизаторы человеческих душ нарыли изрядно…

— Вас проводить? — выскочил из тумана помянутый, утирая с морды черный чадный пот.

— Да нет уж, спасибо, — отказался я от помощи. — Предпочитаю сам мир исследовать.

Остановил меня крепкий удар лбом. В виртуальных глазах потемнело. Очнулся уткнутый лицом в шершавую кору дерева. Кора была более чем натуральная — на ней засыхала кровь с соплями из моего разбитого носа. Утерся, повернулся к миру лицом, а к дереву задом… и тут же сполз этим задом на землю, стараясь провалиться под нее. Не вышло. Наверное, корни не пустили. Или грехи?.. Дело в том, что на толстенной нижней ветке, свесив ноги, сидел страшный, совершенно бандитского вида одноглазый мужик в рогатом шлеме. А перед ним на другой толстой ветке висели в петлях три висельника, раскачивавшиеся на холодном ветру. Разной свежести висельники: у одного уже были выклеваны воронами глаза и пощипаны щеки, у другого вовсе лица не просматривалось, а третий — совсем свеженький, даже гримаса ужаса с лица не сползла и штаны не просохли.

Одноглазый хихикал и приборматывал:

— Ах вы, красавчики мои!.. Листья жизни на древе бытия… Я вот тоже когда-то эдак висел… Хорошо думалось о судьбах мира… И вы подумайте — потом обсудим…

— Эй, папаня! Посторонись! — раздался сверху звонкий мужской голос.

Любитель висельников задрал голову и нацелился на крикуна единственным глазом — на тороидальном облаке восседал здоровенный детина и раскручивал над головой огненный шар.

— Опять ты со своим дурацким молотом, — проворчал отец. — Не надоело?

— Не-а, — засмеялся сынок. — В метании молота тренироваться надо, чтоб отца родного не зашибить.

— Я тебе зашибу! — погрозил пальцем папаня, но отодвинулся от вероятной траектории молота.

Молотометатель гикнул, свистнул и метнул шаровую молнию в несчастных висельников. Только пепел от бедняг просыпался наземь.

Спортсмен довольно засмеялся и притянул молнию за плазменный шнур обратно, а любитель висельников, поморщившись, стряхнул пепел с бороды и посетовал:

— Мог бы и оставить отцу для приятной беседы.

— Да ладно, папаня! — засмеялся легкомысленно сын. — Они тебе их еще немерено-несчитано навешают… А это кто там у корней распластался?.. Повесь-ка его, папаня, а я молотом сшибу, пока еще дрыгаться будет… Так интересней.

Тут я и провалился сквозь землю — получилось, когда приспичило.

И стала мне земля пухом… Туманом то есть.

— У-у-х! — выдохнул я спазм страха. Казалось бы, чего бояться тому, кто умер, да только неизвестно, как здешнее бытие развиваться станет после того, как сумасшедший бог шаровой молнией тебя на кванты разнесет?.. Трансформирует полевую структуру к чертовой бабушке — сам себя потом не узнаешь.

От моего «У-у-х!» туман разбросало по сторонам, и мимо меня с похожим уханьем пролетела струя огнемета. Я шарахнулся в сторону, но жаром меня слегка опалило. Бросился бежать, но путь мне преградила новая огненная струя. Глянул туда, откуда в меня плевали пламенем — наполовину высунувшись из тумана, на меня выпучил буркалы Змей Горыныч. Зелененький он был. На крайних длиннющих шеях покачивались две попыхивавшие огоньком и дымом страшенные головы с громадными, надо понимать, огнестойкими зубами с металличес-

ким отблеском. Третьей головы не было. Вместо нее слепо раскачивалась шейная культя, вполне зарубцевавшаяся.

Я начал выбирать направление отступления. Горыныч явно разгадал мои потуги, потому что разом пыхнул двумя струями огня, не очень мощными, оставив меня внутри пламенного сектора.

Я повернулся лицом к Змею и спросил:

— Ну, чего тебе, уважаемый?

— Третьим будешь? — поинтересовались головы дуэтом.

— А буду! — от души согласился я, чувствуя, что созрел. Астрал достал.

Горыныч спрятал огненные языки и облизнулся обыкновенными. Тоже луженые, что ли — как они его полымя выдерживают? Или куда-то их проглатывает, когда полыхает? Змей полностью вышел из тумана, волоча за собой хвост и сложенные поверх него крылья. Две его рожи выражали полнейшее благорасположение. Но мои виртуальные поджилки тряслись так, что я и забыл, что они виртуальные. Хотя краешком сознания надеялся, что так не бывает, однако кто их знает — вдруг эвереттика права и все мыслимые миры существуют, а я вляпался в один из них? Намысленный большим тиражом…

Шейная культя Горыныча склонилась ко мне приглашающе, а змеиный дуэт предложил:

— Залезай!

Волнистая линия шейных позвонков образовывала нечто вроде седла, и я, не желая раздражать Драконище, резво заскочил в седло, свесив ноги. Культя, распрямившись, вознесла меня на несколько метров, заставив ухватиться руками за нее, дабы не улететь по траектории. Переведя дух, извиняюсь, дыхание переведя, я оглянулся — страшенные головы почти с любовью, ну, во всяком случае, с благодарностью взирали на меня.

— Спасибо, добрый человек! — поблагодарила одна голова.

— Смел ты, добрый молодец, и умен, — добавила вторая. — А то эти богатырчики да рыцарьки от страха начинают мечами размахивать с закрытыми глазами… Испепелять их приходится, чтобы не нервничали. А один дурень прихватил с собой лазерный резак. Мы и опомниться не успели, как одну голову потеряли… Э-эх… Тоже испепелили, но с тех пор тоска — выпить не с кем, а вдвоем — в глотку не лезет. Генетика у нас такая — на троих соображать.

В этот момент крылья горынычевы раскрылись, как-то хитро крутанувшись, и сошлись перед мордами и передо мной подобием стола необъятного. На «столе» красовались три хрустальных кружки с бочонок размером, в которых посверкивала пламенеющая жидкость.

— Изволь отведать, гость дорогой! — указали морды на среднюю кружку, а сами резво ухватили лапищами две крайние. Поднесли к пастям, вдохнули пары и зажмурились от удовольствия.

Я тоже ухватился за рукоять кружки и с трудом стал подвигать ее к себе. Крылья услужливо наклонились, и кружка сползла ко мне, а шея изогнулась таким образом, что я смог сунуть нос вместе с головой в хрустальный бочонок. Пахло, действительно, очень приятно. Я-то был уверен, что мне предлагают самогон, в лучшем случае, спирт подкрашенный, в худшем — бензин-керосин, которым они потом полыхают… Но из кружищи несло свежестью, цветами, травой, березовым соком — сразу всем!

— Что это?! — удивленно возопил я.

— Ты еще не понял? — удивились они дуэтом. — Это ж эликсир вечной жизни! Без него дальше ходу нет. Твое вечное здоровье, добрый молодец! — пожелали они и принялись заглатывать напиток.

Я вздохнул, решаясь, и, сунув голову в кружку, принялся лакать почти по-собачьи, хотя плохо получалось.

Горынычевы морды благодушно рассмеялись, и шейная культя извлекла меня из кружки, опустила чуть пониже, придвинула кружку к краю, а крыло наклонило сосуд аккуратненько, и мне в рот потекла слабенькая струйка, от которой я чуть не захлебнулся. Закашлялся, замахал руками, мне дали передохнуть. Но недолго.

— Я ж лопну! — честно предупредил я.

— Не пиво, не лопнешь! — добродушно рассмеялись страшно симпатичные морды.

И, правда, не лопнул. Не знаю, сколько продолжался процесс пития, но по глоточку-по капельке с горыньей помощью одолел я бочонок. Живот, конечно, раздулся, но не больше, чем от пары-тройки кружек пива. Вот что значит — виртуальное пойло!

— Ну, спасибо за компанию! — поблагодарили головы. — И себе помог, и нас поддержал...

Культя наклонилась, и я скатился с нее, аки Колобок. Выпитое все-таки сказывалось на габаритах.

Змей Горыныч взмахнул громадными зелеными крыльями, удивительно легко взлетел, заложив крутой вираж, и, гогоча в две глотки, скрылся в тумане, ошметья которого тут же залепили мне весь окоем. Меня слегка пошатывало. Эликсир эликсиром, а в голову шибает дай бог, да ноги подкашивает...

Довольно долго я блуждал в тумане, плохо представляя, куда несет меня нелегкая. Хмель понемногу отпускал.

Вдруг послышались патетические раскаты органа. Бах... тиби-да-ах... Наслушался я его и в соборах, и в записях. Нравилось нам с женой воспарять этак... Пошел на звук. Недолго шел — расступился туман, образовалось громадное светящееся пространство вроде внутренней поверхности шара, по которому под музыку воспаряли или парили на облакоподобных крыльях белоснежные человекообразные летуны без одежд и первичных половых признаков. То ли андрогинны в бесполом варианте, то ли андроиды летучие, то ли ангелы. Облачка без штанов... Красиво у них получалось под музыку. Не как стрижи шастали «вжик-вжик», а в соответствии с гармонией и вдохновением. Залюбовался я пространственным балетом. А в центре сферы за большим пультом, как у органа, сидел крупный седовласый и седобородый мужчина атлетического сложения в белом фраке и, неотрывно глядя на пюпитр, непрерывно перебирал клавиши и педали органа. Со всех сторон сферы летели белые листочки и друг за дружкой ло-

жились на пюпитр. Сначала я думал, что это снег идет или белые перышки с ангелов осыпаются, но, подойдя поближе, обнаружил, что это нотные страницы. Их извлекали из пространства летающие существа и направляли по адресу. А Органист исполнял музыку, на них написанную. Выходит, не танец это был, а работа… Красиво работали летуны!..

По мере того, как я приближался к пульту, Музыкант переключал взгляд с нотных листов на меня, и, когда я встретился с его взглядом, то и сам чуть не взлетел рядом с ангелами. Только я был разноцветный, как попугай, и нарушил бы их благолепие. Да Органист и придержал меня взглядом, не отпуская и не прерывая при этом своей игры.

— Здравствуй, Вечный Скиталец! — приветствовал он меня. — Да забрезжит пред тобою цель!

— Здравствуй, Музыкант, кто ты? — ответил и я.

— Я — тот, кого нет, и тот, кто всем нужен, — объяснил он загадкой и сопроводил ответ аккордом.

— Тогда ты не можешь не существовать, — сказал я. — Тот, кто всем нужен, материализуется.

— Я и есть, но здесь, а не там, где меня желают видеть, — грустно улыбнулся он, словно извиняясь. — Вот — отвечаю на мольбы страждущих, — показал он движением головы на нотные листочки и извлек из органа удивительной красоты звуки.

— А там тогда кто? — удивился я.

— А это тебе лучше знать, — вздохнув, ответил он. — Ты — часть, а я — продукт…

Я не совсем понял, что он имел в виду, но начинал догадываться.

— Ты никогда ни о чем не просил меня, ибо не верил, — продолжил он. — Не хочешь ли попросить сейчас?

— Пусть тем, кого я любил, и кто меня любил там, будет хорошо, — не задумываясь, попросил я. — Облегчи их страдания и научи радоваться мгновению всю оставшуюся жизнь. Ну, и привет от меня… Только чтоб они не испугались…

— А для себя?

— Это и есть для себя, — улыбнулся я. — Разве я еще не обрел все?

— Все еще никто не обрел и нескоро обретет, — кивнул он. — Но ты прав: ты имеешь больше, чем я могу тебе дать. Иди с миром и вспоминай обо мне… Впрочем, ты не умеешь забывать.

Я сделал шаг.

— Стой, — окликнул он.

Я обернулся. В его глазах было столько тоски и… мольбы.

— Ты не хочешь поменяться со мной? — с надеждой спросил Органист.

— Нет, — прикинув перспективы, ответил я. — У меня всегда было плохо с музыкальным слухом. Да и разве это возможно?

— Иногда да, — кивнул он. — Ты — одна из возможностей…

— Нет, — более решительно отказался я. — Это нечестно: не верить там и стать здесь. Это было бы издевательством над теми, кто верит. Они тебя создали, они пусть и решают твою судьбу. И свою заодно, как я понимаю.

— Иди, — согласился он. — Да наполнит тебя гармония мироздания!

Ангелы подхватили меня под грешны рученьки и вынесли к границе Сферы. Подтолкнули слегка в спину, а там я и сам дорогу обрел. Некоторое время еще доносились отголоски органа — мольбам несть числа…

Мне показалось, что путь мой в Астрале подходит к концу. Даже почувствовал, что волен покинуть сию юдоль несбывшихся надежд, но нечто меня еще удерживало здесь. И я упрямо шел сквозь туман.

На самом деле, я знал, что меня удерживает, но боялся признаться в этом себе. Не предполагал, что исконно мужская трусость останется при мне и в мире ином… Но здесь, в Астрале, я еще не вполне солитон, еще мужчина, хоть и виртуальный. Интересно, виртуальные дети у виртуальных мужчин и женщин родятся? Воистину — неистребимая козлиность!

Свершение в моей воле. Но я все не мог решиться, боялся увидеть не то, на что надеялся. Шел и шел сквозь туман, шел и шел…

И разверзся туман, и воссияло солнце, хотя по логике ему здесь неоткуда было взяться. И на пороге нашего дома меня встретила Она — жена моя возлюбленная, но не в том возрасте, в каком я ее оставил, а в каком встретил — юная, прекрасная, полная светлых надежд и веры в счастливое будущее со мной. Не думаю, что сбылось больше одного процента ее великих планов, но мы любили друг друга до самого конца. Моего. А разве сейчас все кончилось?.. Она протянула ко мне руку, и я понял, что если сейчас войду в этот дом, то уже никогда из него не выйду.

А зачем мне выходить? Для каких-то гипотетических вселенских целей? Кто их ставил и какой в них смысл? Не есть ли этот вселенский смысл и его цели — иллюзия? Иллюзия бессмертия и бесконечного круговорота жизни. Не есть ли истинная цель — этот дом и наше единство в нем до скончания веков?..

Сильно-сильно защемило сердце. Я протянул руку, наши пальцы встретились… Соло скрипки!.. Струнные рыдают… Сердце трепещет… Душа поет… Вот оно — райское блаженство!

Но что это? После моего прикосновения с Ней стало что-то происходить: сначала будто туманом легким подернулась, потом стала полупрозрачной, а затем черты Ее и фигура принялись изменяться. Как в кино — эффекты компьютерной графики. Руки мои, естественно, упали по швам. И перед моим изумленным взглядом проявилась моя Последняя Любовь, которая печальная черта и отчаянный прыжок из бренности в бессмертье… Похоже, допрыгался…

— Не ожидал? — спросила она.

— Надеялся… — ответил я. — Очень хотел встретить вас обеих. Но это слишком хорошо, чтобы быть правдой. В жизни так не бывает, только в мечтах.

Она улыбнулась и превратилась обратно в Первую Любовь. Та мне тоже загадочно улыбнулась. И опять вернулась в облик Любови Последней. Я хмыкнул. Женщины любят такие игры. Морочить нам голову — их любимое развлечение.

Теперь Последняя Любовь протянула мне руку. Я принял ее с волнением.

— Входи же, — пригласила Она. — Там ждет тебя сын.

От неожиданности я отдернул руку. Какой, вашу Машу, сын?! У нас не было сына!.. Я о нем только мечтал, но не мог позволить себе такой роскоши на склоне лет. Хорош бы я был, оставив его сейчас сиротой!.. У меня только дочь, взрослая…

— Как-кой сын? — спросил я вслух.

— Наш, — ласково улыбнулась Она.

Мои ноги вросли в землю или в туман, и я не мог сделать ни шага.

— Пусть... он... выйдет... — пробормотал я умоляюще. — Я... не могу...

— Сына-а, — позвала она, не называя имени. — Иди сюда! Папа зовет...

Пауза была хорошо выдержана, а потом Он появился сразу — возник в дверях. Мальчонка лет пяти. Когда успел? В чистом костюмчике: рубашечка, шорты, сандалики. Возник и уставился на меня вопросительно. Ну, и глазищи!.. Только в кино крупным планом снимать. И, главное дело, не мигая, смотрит. Минуту, может, две в гляделки играли. У меня даже глаза от напряжения заслезились. Я узнал его — точная копия меня в таком возрасте. Будто с моей детской фотографии сошел. Правда, одежка другая, по нынешней моде. Вопросительно и укоризненно смотрел на меня сын. В чем я провинился-то?

— Ну, входи, входи, — ласково подталкивала меня в спину Последняя Любовь, она же, как чувствовал, и Первая.

Возможно, я и вошел бы, но ноги так и оставались вросшими в то, на чем я стоял, а взгляд сына уперся мне в глаза и, казалось, отталкивал меня.

Он прав, вдруг отчетливо осознал я. Женщины добры, ибо любящи, им не понять.

Я протянул руку, желая похлопать сына по плечу, он отстранился. Молодец — настоящий мужчина.

Я вздохнул и сказал:

— Прости меня, сын, прости за то, что не дал тебе жизнь...

И увидел по его глазам, что он понял меня. А простить? Такое разве можно простить?! Я и не надеялся.

— И вы простите, любимые, — повернулся я к Женщине своей мечты. — Мне пора, труба зовет, Мальбрук в поход собрался... Вам нужен другой, он там, в доме, ждет вас. Он от мира сего, а я — от другого. Спасибо, что вышли проводить меня.

Женщина молча обняла меня, перетекая из одного облика в другой, от чего тело ее казалось пульсирующим и удивительно ласковым.

— Возвращайся, — прошептала она мне на ухо. — В этом доме тебя всегда ждут.

— Я знаю. Но я и не ухожу, лучшая моя часть остается с вами. Говорю же: он уже там, в нашем доме...

— Да, — кивнула она и прощально горько-грустно поцеловала меня в губы. — Но ты нам нужен весь... Мы будем ждать. Иди...

И я пошел опять в туман. Не выдержал — оглянулся. Женщина с любовью и надеждой смотрела мне вслед, а сын, не мигая, укоризненным взглядом толкал меня в путь. Заслужил и принял...

Туман стал истончаться, пока не рассеялся вовсе, оставшись за моей условной спиной облачным фронтом. А я опять ощутил себя волновой структурой, и предо мной раскинулся бескрайний океан, покрытый множеством шишастых волн. Правда, эти «шишки на ровном месте» были одиннадцатимерными, потому описать их можно только формулами, которым здесь не место. Всяк представляет в меру собственной топологической испорченности...

Мои недавние астральные псевдочеловеческие эмоции теперь стали тем, чем и были в сути своей: информацией, не отражающей объективной реальности, а являющейся формой существования реальности субъективной. У нее свое место в мироздании, но к моей дальнейшей судьбе она уже никакого отношения не имеет.

Теперь я знал о существовании множества таких «домов» в Астрале, которые остались от

прежних моих жизней, и куда я мог при желании в любой момент вернуться. Только подобных желаний не возникало. Там жили мои отражения. Возможно, когда-нибудь, в конце Пути, они мне понадобятся, но я знаю, что это будет нескоро.

А пока я постепенно начинаю ощущать свою включенность в эту грандиозную информационную систему, заново привыкаю чувствовать себя частью океана. Странное чувство — почти, как любовь. Всеобщая… А ведь сейчас я вспоминаю себя не только человеком, но и рыбой, и птицей, и зверем. Все это во множестве видов, родов, типов, классов и т.д., и т.п. А человеческое пробивается. Царь природы, блин…

Но при этом всеобщем соитии все равно все мои жизни с их последствиями остаются моей заботой, вселенский мультисолитон лишь задает общее направление движения. Мы — волны жизни, стремящиеся к резонансу, но он возможен, только когда все характеристики совпадут. А пока все мы живем своей жизнью, подпитываясь общей энергией. Потому и не затухаем. А резонанс? Не знаю, возможен ли он? Да и нужен ли? Потому что при резонансе выделятся такие энергии, что все погорит радужным пламенем. Предположительно, именно тогда возникнет новое Мироздание, которому понадобится новое зерно жизни. Мы и есть эти самые «зерна», из коих должны вырасти все формы живого в новых мирах, которые просто обязаны быть лучше прежних. Лучше — значит: во-первых, счастливей (счастье — духовная гармония с мирозданием), во-вторых, неуязвимей перед космическими катаклизмами, которым несть числа, в-третьих, многомерней. Разумная жизнь должна овладеть всеми измерениями Мироздания с тем, чтобы разумно его организовать и перейти на более высокие уровни бытия. Ну, это если нашему супермультисолитону удастся всеобщий резонанс… Есть такая гипотеза «панспермии» у человечества — вот над спермой и работаем. Над собой то бишь.

В идеале человек, или любое другое разумное существо, должен воспринимать информацию так же, как ее воспринимает его освобожденная душа, включенная в сложнейшую полевую структуру мироздания. И использовать эту информацию для усовершенствования материальной сферы.

Только останется ли он после этого тем, кем был?

Вот так постепенно идет моя самоидентификация, я познаю, кто я есть, и куда меня несет… Главное — это восстановление индивидуальной динамической памяти о своих прежних воплощениях во всех мирах, во всех временах. И моя полевая сущность некоторое время вибрировала от волнения — я даже начал опасаться, что частоту моих собственных колебаний собьет, но все-таки устояла частотулечка моя. Амплитуда только выросла. Число и качество прожитых жизней ее и определяет. И в положительную сторону, и в отрицательную.

А когда самоосознание завершается, я приступаю к анализу того, что натворил за свои жизни. Печальная иногда прорисовывается картинка. Вплоть до необходимости аварийного воплощения — для исключения вредных мутаций в направлениях, противоположных цели или, просто, тупиковых вариантов. Да и духовные ориентиры цивилизаций частенько принимали такие уродливые тенденции, что это начинало корежить и выворачивать наизнанку информационные поля душ. Приходилось воплощаться Духовным Учителем. Чаще всего с ним обходились очень грубо, но зерно он оставлял. Иногда прорастало. Духовное самосовершенствование — задача вселенская. И основная ее часть осуществляется здесь — на полевом уровне, а потом, при воплощении, полевые настройки превращаются в биохимические, исправляющие генетический код потомства на следующий период. А генетическая информация запоминается на волновом уровне. Круговорот информации в природе — и все благодаря информационному полю.

Собственно, уяснив задачу, я и занялся самоанализом на своем уровне, дожидаясь настоятельной необходимости воплощения в каком-либо из миров. Хотя на первых порах меня к этому совершенно не тянет.

Духовное часов не наблюдает... И времен не замечает при четырех-то измерениях времени. Но у тех, кого я оставил, оно шло.

И я по свежей памяти подглядываю за жизнью своих последних ближних. А ведь я, свежепреставившийся — прадед в четвертом колене своей жены и в седьмом — самого себя. Воплощался для генной коррекции. Что получилось, посмотрим на внуке, когда подрастет, и на правнуках.

Жена, установив памятник на моей могиле, через год окончательно переехала к дочери на Камчатку и налаживает социальные и духовные контакты с внуком. С трудом, надо сказать, потому что она была для него чужой бабкой. Я видел, что она переживает, но меня это, как я обнаружил, уже не трогало. У дочки обнаружились конфликты с мужем, который все откровенней спивался. Мне и это оказалось безразлично: скорей сопьется — раньше дочь освободит для иных вариантов жизни, да и сам быстрей вернется к «настоящей» работе. Наверное, он и пьет, чтобы ускорить процесс возвращения?

Моя Последняя Любовь нашла свою Долгожданную, как я и желал ей. Теперь сможет осуществить то, зачем воплощалась. Но и этот факт я констатировал без особых эмоций. Только взгляд сына постоянно прожигал насквозь мою волновую сущность. Особенно, когда я видел Ее. Поэтому старался делать это реже, лишь теперь осознав, что, струсив, не полностью выполнил свою задачу в этом воплощении. И другой возможности уже не будет... А родила она все-таки сына. Только он совсем не был похож на меня.

Я начал наблюдать не функционально, не как духовный контролер (рано еще контролировать), а по ностальгическим мотивам. Но потом, примерно через год их жизни, поймал себя на том, что слежу за ними по инерции, а не по истинному интересу. И все реже ощущал в себе малые резонансики сочувствия. Все скучней и скучней их жизнь становилась для меня. Пустыми казались все их хлопоты, потому что суета и есть...

На самом деле, все жизни — копии друг друга с небольшими случайными отклонениями. Родился, жил, умер, так и не осознав, зачем жил. Душа знает, человек — нет. Потому что лишнее знание будет мешать исполнить задуманное. А все случайные отклонения оседают в Астрале как малоинформативный мусор. Скука...Особенно, при четком знании, насколько все эти жизни функциональны, подсобны, промежуточны.

Однако я никогда прежде ничего подобного не испытывал. А относился с живейшим интересом к последствиям своих воплощений. Ведь они же — содержание моей солитонной жизни, назначенной быть судией и исцелителем.

Смешно, наверное, приписывать полевой структуре человеческие эмоции, но, надо полагать, то, что я называю скукой — некий волновой аналог человеческого чувства, возникающий при отсутствии внешних возмущений. И откуда им взяться, если всяк занят множеством своих жизней, и нисколько не интересуется чужими. Смысла нет интересоваться — вредные помехи. Опять противоречие: мы же коллективно творим, давно и прочно переплетены своими жизнями, потому и составляем единый мулитисолитон! Что-то со мной не то...

Прошло еще несколько человеческих лет.

Параллельно со вселенским всевременным соглядатайством я спокойно наблюдал, как умирает моя бывшая жена. Как истинно святая преставилась — во сне последнем, в вечность переходящем. Без мук и мелодрамы вокруг. Это в ее стиле.

Душа ее, в путь изготовившись, исправно транслировала информацию. Тоненькая ниточка-лучик связи осталась. Она и сигналила.

Увидела она в этом сне меня — будто бы звал я ее, и пошла на зов, поспешила, давно дожидаясь. Только не звал я никого. Это был ее астральный я, ею созданный для себя, чтобы с ума не сойти в одиночестве душевном.

Зачем мне ее звать? На Земле мы нашу общую задачу выполнили: в результате нашего полевого резонанса родилась новая полевая структура с заданными нами еще здесь до воплощения характеристиками — душа дочки.

А здесь... Явится — своим участком займется и мне от этого амплитуды ни убудет, ни прибудет да и длина волны не изменится.

Это еще если она доберется досюда, а не притормозит в Астрале. Такое с нами случается изредка: промежуточное искажение информационного потока с потерей направления. Я и сам чуть было не зашел в дом... А ведь она не удержится, если я тамошний позову. Побывав здесь, удержалась бы, а прямо из человечности...

А внук плакал на ее похоронах, горючими слезами заливался. Успел полюбить — с болью души разлучались.

В общем, пожелал я ей не сбиться с пути истинного и занялся своей вселенской текучкой, отправив эпизод в архив.

А потом я начал слепнуть. Или глохнуть? Ко мне стала хуже поступать информация из плотных (или плотских?) миров, необходимая для функционирования. Сначала перестали прослеживаться некоторые генеалогические линии, очень уж замысловатые и многокомпонентные из-за древности их начал. Потом принялись подергиваться туманом и свеженькие, относительно простенькие. В конце концов, и вовсе заклинило, заткнулось — потерял я связь со своими мирами и потомками, оставшись один на один с мирозданием.

Я принял это равнодушно, типа — баба с возу, кобыла вскачь, и двигался туда, куда нес меня сверхмультисолитон вселенной. Поначалу это было похоже на покачивание на океанских волнах, почти блаженство. Но и для человека сие занятие остается удовольствием полчаса, а потом начинаются проблемы: ручки-ножки зябнут, пить-кушать хочется или, наоборот, в туалет «по большому»... И у меня положительные эмоции быстро закончились. Получается, что у души тоже есть свои «физиологические» потребности. И главная из них — включенность в процесс жизни. Собственной жизни, которой я, оказывается, лишился. Да нет, как же лишился, когда процесс мышления продолжается: мыслю, следовательно, существую... Но это — то же, что быть свечой, которая не горит, или водой, не утоляющей жажды.

Услужливое Информационное Поле Мироздание подсказало мне, что такое с нами, солитонами, случается — выпадаем из своих мультисолитонов, продолжая индивидуальное движение в свободном полете. Душа освобожденная, называется... Свобода — это одиночество... И меня охватила такая тоска, что и вовсе исчезнуть захотелось. Ну, зачем мне это бессмысленное блуждание по одиннадцатимерной бесконечности, замкнутой на себя?

Какое занудство: и это оказалось обычным явлением в душеведении — усталость души, информационное переполнение памяти и каналов. Рекомендуется впадение в нирвану — слияние с Мультисолитоном Абсолюта, впитывающего всю информацию мироздания и замыкающую ее в себе. К свободным волновым структурам типа меня она, эта информация, не поступает, и что с ней происходит внутри Абсолюта, никому из нас неведомо — другой информационный уровень. Абсолют — информационный коллапсар. Остатками разума я понимал, что меня повышают в статусе, призывая к себе, но почему-то эти остатки сопротивлялись любезному приглашению. То ли они цеплялись за прошлое, то ли сопротивлялись будущему — очевидной потере индивидуальности и завершению этапа бытия.

Я чуял притяжение Абсолюта, которому ничто и никто не способен сопротивляться, но ощущал искорками и тоненькие ниточки связей с прошлой жизнью. Откуда они? Жена умерла, а с ней ушел в память наш семейный мультисолитон, дюпрасс, так сказать. Или я ошибаюсь?.. Последняя любовь меня забыла. Или я опять ошибаюсь?.. Дочь тоже своим занята. Да и обе они еще живы, так что здесь не играют. Все, в том числе, и последние мои воплощения со своими последствиями отключены от меня. Но я же чувствую, что имею два пути: очевидный — рекомендуемый, и сомнительный, призрачный — нежелательный... Даже и называть его — дурной тон в приличном полевом обществе.

Какая простенькая бифуркация: остаться существом (человеком в полевом смысле) или стать Богом... Впрочем, нет — термин дискредитирован, правильней — стать Абсолютом Вселенского Знания. Вариант Абсолюта, надо полагать, неизбежен, потому что Абсолют довлеет над всем, но и человеческое почему-то хочется испытать до конца.

А может, ну его? Чему бывать, того не миновать... Какая разница — когда? И там занудство, и тут нудятина... Наверное, в Абсолюте я перестану их ощущать, потому что стану Им? Но если в Нем слиты те, кто, можно сказать, умер от скуки, то не есть ли Абсолют одна Абсолютная Скука? Хотя это уже будут проблемы не мои, а Абсолюта.

Я сдался — мы бессильны перед смертью там, бессильны и перед бессмертием здесь. Пусть уж наступит — и больше никаких забот. Или у Абсолюта абсолютные заботы?

У коллапсара, как и положено, оказалась крепкая хватка. Я ее сразу ощутил, как только решил сдаться. Меня неудержимо повлекло к Нему, но вдруг в самый последний момент какими-то остатками моих волновых инстинктов меня выдернуло из воронки коллапсара, и я обнаружил себя в тумане. Это даже не квантовая телепортация, а свертка лишних измерений — Астрал существует в шестимерной проекции.

Я сразу понял, что нахожусь именно в нем, потому что он и был вторым подразумеваемым выходом из ситуации, призрачным и нежелательным. Но почему же инстинкты сунули меня сюда?

На последнем прямом пути из жизни в бытие я был здесь в ощущениях псевдочеловека. Сейчас же оставался нормальным солитоном со стандартным набором сенсоров и манипуляторов. Информационных, естественно. И ощущал Туман не как большую тучу, а как экран, еще больше ограничивший доступ ко мне внешней информации. Ну, вот — против чего боролись на то и напоролись. Что есть информационная полевая структура без информации?

Сам я не имел цели, не осознавал ее, но движение продолжалось. И постепенно мое ощущение тумана менялось: я все отчетливей видел его тучей, как при недавнем посещении. А это означает?.. Это означает, что, ограничившись в информации, я постепенно превращаюсь в псевдочеловека, то есть в его информационный образ.

И вот я ощутил почву под ногами. И со страхом начал догадываться, куда меня эти ноги ведут... Все правильно: кто не хочет быть в Абсолюте, оказывается на мусорке.

Туман становился прозрачней, шаги короче. Я притормаживал. Развиднелось.

Он стоял на крыльце Дома и вопросительно смотрел на меня. Я остановился. Правильно — здесь надо выдержать паузу, поиграть в гляделки. У него это получалось гораздо лучше, чем у меня. Я первый опустил веки — тяжесть вины придавила.

И все-таки я пошел к нему. Я понял, что хочу этого. Всегда хотел, даже когда был здесь на пути Туда, но мои солитонные устремления тогда оказались сильней внутренней потребности, которая еще только начала рождаться. Теперь я созрел.

Да, мы бессильны изменить что-то на оставленной планете в мире живых, да, мы бессильны противостоять своей полевой сущности в исполнении ее вселенского предназначения, да, мы бессильны против притяжения Абсолюта, когда информационно исчерпываем себя — мы везде бессильны. Но уж в мире, созданном только нами — нашей фантазией, мечтами, надеждами, нашим интеллектом, наконец, — в этом-то мире, ладно, скромней — в этом Доме я, пусть не царь и бог, но Хозяином-то должен быть! Я хочу быть Хозяином этого Дома…

— А где мамы? — деловито поинтересовался я, подозревая, что тех, кто встречал меня здесь, давно уже нет — они из другой мечты.

— Мамы еще не пришли, — пожал он плечами. — Ждать надо…

— Хорошо, — кивнул я. — Будем ждать… Ну, веди меня в дом.

Он испытующе посмотрел на меня, но ручку протянул. Мы вошли в дом.

И тут ко мне вернулось зрение: я увидел, где сейчас наши мамы…

А мы уже дома, мы подождем… И будем дружить домами…

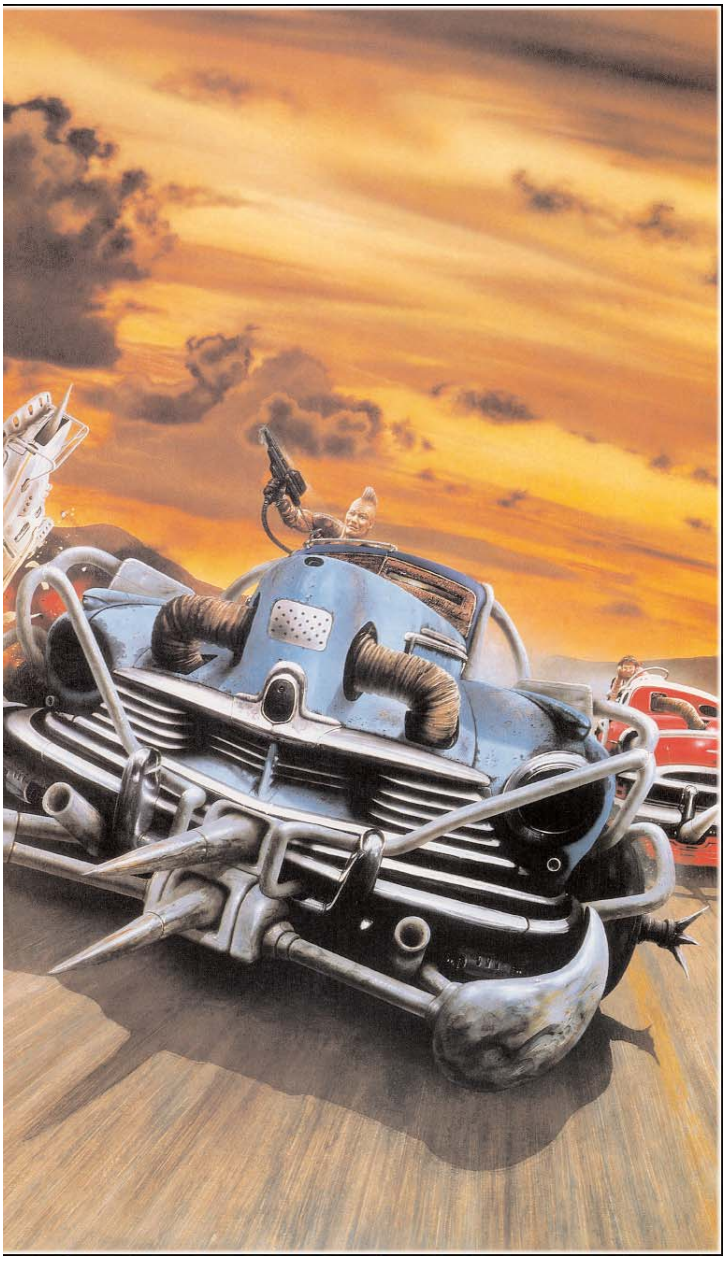
…Только в нашей плоти бренной
На малюсенькой планете
Боги могут быть блаженны,
Беззащитны, словно дети…

17.04. 2008 г.

Ташкент

Леонид Моргун

ПРОБЛЕМА СМАЗКИ



Подлетая к окрестностям Альтаира, выйдите на смотровую палубу вашего звездолета и поглядите в район звездного скопления NGC-552. И когда корабль сбавит скорость, обходя область влияния нейтронной звезды А 233-16, на самом краю скопления вы сможете заметить крошечную блестящую точку. Это и есть НИ-КБ (научно-исследовательская космическая база) № 19. При желании вы сможете подробнее рассмотреть ее в сильный телескоп. 180 лет тому назад она походила на клубок серебристой пряжи, пронзенный спицами причалов. Клубок, диаметром 4 километра, и причалы по 7 километров каждый. Но время шло. Люди рвались в глубины галактики, а база оставалась в тылу, расширялась, ремонтировалась и реконструировалась, и постепенно превратилась в то, что вы можете видеть сейчас — уродливое, беспорядочное нагромождение коробок и куполов, похожее на порождение фантазии пьяного кубиста. Пустуют запыленные причалы. База давно уже утеряла научное и исследовательское значение. Сейчас она превратилась в чисто административный городок, где работают конторы нескольких институтов, трестов, региональная инспекция по охране окружающей среды, отделение галактического банка. Есть общежитие для рейсовых челноч-

ных бригад. Когда они прилетают, гулкие коридоры наполняются грохотом подбитых магнитными подковками ботинок, жизнерадостными веселыми голосами и здоровым молодецким смехом. Но кончается пересменка и вновь Базу окутывает сонная тишь. Шуршат листы отчетов и справок. На дисплеях перед бледнолицыми сонными девушками приплясывают колонки голубоватых цифр, мерно гудят компьютеры, извлекая из недр своих трилионы бит потребной кому-то информации. А затем кончается условный день и начинается не менее условный вечер. Для трех с половиной тысяч человек населения Базы он обычно бывает заполнен танцами, кино, флиртом, для кого-то щемящей тоской, для кого-то бурной радостью. В такие-то вечера и появляются на свет личности, днем обычно незаметные, в силу того, что и должности они на Базе занимают самые

Невзрачные — пожарные, вахтеры, технические исполнители, был даже один комендант общежития. Все это были люди пожилые, чтобы не сказать старые. В молодости они прилетели на Базу, мечтая посвятить жизнь исследованию и освоению необъятных галактических пространств, принести свет человеческого разума в самые глухие закоулки галактики. И им это удалось, долгие годы они возвращались на Базу, опаленные светом невиданных солнц, на зубах их хрустела пыль таинственных планет, они громко смеялись и шагали неуверенно ставя ноги, отвыкшие. от гравитации. Они были живой легендой, покорителями и первооткрывателями, и подвиги их были описаны в очерках и романах и сняты в кино. Но когда глаза их стали слабеть, а руки потеряли твердость, когда они начали терять сознание во время перегрузок, и долго и шумно скандалить с врачами, начальство стало вежливо, но твердо вычеркивать их из списков экспедиций. И они стали оставаться на Базе, томясь от сознания собственной никчемности и с завистью провожали в дальние рейсы бодрых и подтянутых новичков, Они же оставались. Надолго. Навсегда.

По вечерам они порой появлялись на «бродвеях» центральных ярусов, временами маячили на спортплощадках, забредали в кинозал, кое-кто захаживал в бар, но итогом их прогулок был всегда этот уголок по соседству с комнатой дежурного электрика.

Этот закуток в шутку прозвали Старой Хрычевней. Располагался он в самом конце сорок седьмого яруса, под пожарной лестницей. Одна его стенка приятно грелась от соседства уранового котла, а под потолком висела маленькая тусклая лампочка, которая начинала угрожающе раскачиваться всякий раз, когда База совершала очередной маневр в пространстве.

Обычно там было туманно от дыма безникотиновых сигар, шла ожесточенная игра в нарды или домино, в неимоверных количествах выпивался чай, и над всем этим витал неторопливый разговор.

Я работал тогда старшим инженером в управлении геологических изысканий, днем корпел над отчетами экспедиций, составлял сводки, сочинял справки, а по вечерам писал рассказы. Раз в месяц на меня возлагались обязанности ночного дежурного по Базе, как, впрочем, и на остальных специалистов среднего звена.

В одно их таких дежурств и забрел я в Старую Хрычевню. И... остался там. С тех пор я почти каждый вечер забирался в уютный уголок под лестницей и слушал, слушал рассказы ветеранов. Многие из них я потом записал . Недавно, перебирая свои архивы я наткнулся на один из этих рассказов, который и предлагаю вашему вниманию.

Ко дню рождения Акакия Евграфовича Борзого вся База начинала готовиться загодя; начальство посылало в Центр очередное представление к очередной награде; в АХО лихорадочно готовился приказ о приличной премии; киберхудожник Рубенчик спешно стряпал транспарант с портретом ветерана. В знаменательный день все свободное от работы население Базы собиралось в конференц-зале и получало редкую возможность лицезреть Акакия Евграфовича за столом президиума, гордо несущим на широченной груди массу отечественных и инопланетных орденов от дырявой раковинки, надетой ему на шею свирепым вождем племени галактических призраков Тамбы-Намбы, до Ордена Беспримерного Героизма с Бантами, Меча-

ми, Лентами и Лавровыми Листьями, который мало того, что был изготовлен из золота, отороченного платиной с брильянтовыми вкраплениями; мало того, что при ходьбе наигрывал какой-то весьма своеобразный пикантный маршик; мало того, что умел изменять свою форму и светимость, чтобы не проигрывать в соседстве с другими орденами, — но еще и издавал тонкий, но чрезвычайно своеобразный запах (смесъ пороховой гари и паленой резины), что должно было напоминать всем присутствующим, что за здорово живешь и кому попало такие награды не даются. Однако все это было лишь официальной частью, вызванной не столько почтением, сколько желанием умилостивить грозного отставника. Всем было известно, что Акакия Евграфовича чрезвычайно любят и ценят в Совете Ветеранов Галактики и что он, обнаружив где бы то ни было неполадки и нарушения, сразу же пишет жалобу и не кому-нибудь, а прямиком министру обороны, который некогда хаживал в походы под его началом. Однако министр перебрался в столицу, дважды женился, дважды развелся, подавил две попытки военного переворота и два десятка заговоров, а Борзой так и остался доживать век в глубоком космосе, в должности стармеха на громадной и неказистой с виду пустотелой стальной болванке, именуемой Базой, а молодняк вообще окрестил её «бузой», ну да их дело молодое, а базовские старики никогда свою обитель в обиду не давали. И в день рождения Борзого закуток под лестницей у комнатки дежурного электрика, именуемый также Старой Хрычевней, просто преображался. Для этой цели туда единственный раз в году приглашалась техничка со швабрами и пылесосом, она всё утро ползала по потолку и стенам, сдувая пыль и паутину, вытряхивая пепельницы и с характерным для роботов этого класса ворчанием выгребала пустые бутылки из-за пожарного щита. А вечером старики устраивали торжественный банкет (куда, кстати, совершенно случайно забрел и автор этих строк), где и чествовали «дорогого Каку», поднятием многочисленных тостов. Впрочем, самому юбиляру усердствовать не разрешали, ибо он должен был сохранить себя в трезвом уме и здравой памяти до конца вечера, когда ему придет пора поведать собравшимся свою единственную и неповторимую, волнующую и захватывающую, умопомрачительную и невероятную Историю Ордена, которым, кроме него, могли похвастать разве что еще два-три человека во всей Галактике. Мне также посчастливилось её услышать и теперь я передаю эту историю вам, дорогие мои друзья, со всей возможной точностью.

Обведя всех собравшихся своими удивительными чисто-голубыми глазами, поразительно гармонирующими с кипенно-белыми волосами, легкими, как пух, на сухощавом розовом лице, озаренном кроткой улыбкой, Борзой покачал головой в сказал:

— Всё это конечно, прекрасно, но мне никогда не забыть дня рождения, который я провел на «Лёгкой СКУКЕ». Сейчас-то таких астрогробов уже не строят, а в моё время Легкий Стратегический Космический Универсальный Крейсер-Автомат считался основой боевого флота Галактики. Когда же к этому кораблю придавался еще и СКАТ (Самонаводящаяся Космическая Атомная Турель), то командир крейсера поневоле начинал себя чувствовать царём и богом на участке во много сотен тысяч космических километров. Но как бы то ни было, а назначение на «Легкую СКУКУ» считалось почетной ссылкой, куда меня и упекли за то, что я повздорил с комполка, и не только упекли, а приставили ко мне еще в придачу Валюту Шпокина (или Шмякина? Не помню!), этакого бесцветного малого, который день-деньской решал шахматные задачи и вел бесконечные турниры с электронным мозгом СКАТа, хоть я его и предупреждал, что характер у нашего компа воинственный и манеры агрессивные. И вот мы дождались дня моего рождения, в который этот звездонавт собачий умудрился сделать СКАТу вечный шах. Вот ведь умник! Я как раз заканчивал отчет о первой неделе дежурства (нам выпало патрулировать в местах глухих мрачных, где-то в районе Черного Пояса Карлайля, где турбулентные гравитационные вихри ежеминутно могут закрутиться в пространственно-временные смерчи и забросить вас по ту сторону Бытия...) — и . вдруг в мой отсек с истерическим воплем влетает Валюха, Я глянул в иллюминатор и остолбенел. Прямиком на нас были направлены страшные самонаводящиеся атомные торпеды СКАТа. Он ведь был боевой машиной и запрограммирован на битву до победы любой ценой, Я знал, на что способны такие турели, и потому, приказав сво-

ему сменщику немедленно соглашаться на проигрыш, быстро собрался, перешел на СКАТ и перекрыл подачу энергоснабжения, к электронному мозгу. Теперь оставалось повозиться с час-другой и переключить управление турелью на бортовую ЭВМ «СКУКи». К сожалению, прошлая смена повредила рацию в скафандре. Из-за этого я не услышал, как вопил, призывая меня, Валька, ибо именно в этот праздничный день на меня свалилось одно за другим сразу два несчастья.

Второй бедой оказался НЛО, который тихонько подобрался к нам, пока я был на СКАТе, и доброй старой морзянкой потребовал, чтобы мы отключили рацию, сложили оружие и предъявили корабль для досмотра.

В полутора километрах от нас пираты остановились, и тут только я смог; как следует разглядеть их корабль. Это была внушительная махина, по сравнению с которой наша «Скука» казалась утлой шлюпкой рядом с могучим линкором. Но до чего же этот корабль был дряхлым, обтрёпанным, покорёженным — ужас! Я мог бы держать пари, что после последнего капремонта он слонялся по космосу не менее трех столетий.

Я велел Вале надеть тяжёлый скафандр, дал ему плазменную горелку для сварки, вооружился сам и отключил гравитатор. Когда я прилаживал ему и себе реактивные ранцы, юноша посмотрел на меня так, как если бы я с бубном в руках собрался пошаманить. Я подмигнул ему и велел опустить светофильтр. Тем временем пришельцы пришвартовались к СКУКе, от люка из корабля к нашему поплыла переходная «гармошка». Когда она присосалась к нашему люку, я отворил двери шлюза и принялся ждать. Впрочем, ожидание продлилось недолго. В скором времени проём осветился, и напротив нас обозначились несколько человеческих фигур. Они тоже увидели нас, но... просто не могли предположить, что в ту же секунду их противники (то есть мы) сорвутся с места и, опрокинув нападавших, ворвутся сами на территорию захватчика. Вид у нас в этих громадных никелированных скафандрах, похожих на доспехи исполинских рыцарей, с горелками, которые в невесомости казались похожими на огромные шаровые молнии, с реактивными струями, бьющими из кормы — видок этот, конечно, был отменный!

— Бросай оружие!— рявкнул я в мегафон. Двухсотваттный усилитель разнес мой голос по всем закоулкам пиратского корабля. Неожиданно я услышал детский плач и женские крики.

Я сбросил пламя горелки, притушил дюзы, поднял светофильтр и обнаружил в одном из коридоров толпу женщин с детьми. Я приказал Вале собрать оружие, которое в панике побросали незадачливые вояки, и потребовал, чтобы ко мне вышли капитан и его помощник. Никто не отозвался. Но меня это не смутило. Настроение у меня было хоть куда, а голове вертелась генеральская диссертация на тему «Практика абордажа в космических условиях».

— А известно ли вам, господа,— сказал я спустя некоторое время, что ваши действия попадают под статью 242 подпункт «в» Международного космического кодекса?

Ответом мне было молчание.

— А известно ли вам,— продолжал я, дождавшись, пока вся серьезность предыдущей фразы не уложится в их мозгах,— что в соответствии с этим кодексом ваши действия квалифицируются как космическое пиратство и наказуются пятьюдесятью годами освоения сибирских пустынь без замены штрафом?

Тогда вперед выступил некий дряхлый старец и воскликнул:

— Как? Неужели на Земле еще живут люди?

— Не только живут, но даже пытаются сами на ней что-то вырастить для пропитания,— ответил я, пораженный его неосведомленностью,— Когда же вы ее покинули?

— О, давно, ужасно давно! — заскрипел старец. — Я тогда был еще совсем крохотным ребеночком. Мы странствовали между звёздами по меньшей мере полтора века.

— На таких-то вот посудинах? — изумился я.

— Да, мы — последние из Великой экспедиции Лейстнейра. Нам повезло больше остальных. Покинув умирающую родину, мы отыскали новый мир, прелестную маленькую кислородную планетку, на которой и живем теперь припеваючи, не боясь ужасов атомной войны, перенаселения и экологических, равно как и экономических кризисов.

Тут я им впервые по-хорошему позавидовал. Так сказать, белой завистью. И от этого еще больше рассердился.

— Тогда какого же рожна вы вернулись обратно и не просто так, а еще и с оружием? Что подвигло вас на пиратство, если у вас так-таки всего хватает?

Старикан покосился на кого-то в толпе, и тогда вперед вышел красноносый и рыжебородый мужичонка, представившийся как коммодор Блейзер.

— Почтеннейшие государи! — объявил он со льстивой улыбкой». — Поверьте мне, никто не собирался вас грабить. В конце концов, мы и сами могли бы вас осыпать какой угодно валютой, золотом, уранитом, благо всего этого в избытке на нашей благословенной Плутозии.

— Чего же вам не хватает для полного счастья?

— Масла! — воскликнул он и скромно потупился»

— Че-е-го-о? — хором сказали мы с Валентином.

— Представьте себе, что прогресс на нашей планете затормозился из-за полного отсутствия на ней нефти. Нет её, нет и бензина, солярки, а самое главное — машинного масла. А без него наши чрезвычайно ценные машины и механизмы портятся, выходят из строя...

— Вот что, папаша,— решительно заявил я,— морочьте кому-нибудь другому вашими сказочками про сливочное масло, а пока считайте себя арестованными...

— Но это же самая чистая правда, которую я когда-либо говорил с младенчества! — возопил капитан, оборачиваясь к своим сородичам, каковые и подтвердили эти слова дружным ропотом и кивками. — Самая наболевшая для всей планеты — это проблема смазки. Унифиску она требуется в огромных количествах... — в этом месте он осекся и попытался затесаться в толпу, но не тут-то было.

Я потребовал от него немедленно выложить начистоту всё про этого Унифиска и все его проделки, и он со вздохом сказал:

— Это все придумал коммодор Шноркель. После того, как команда против него взбунтовалась, подбив к заговору даже его ближайших сподвижников, коммодор ввел систему тотального наблюдения за благонамеренностью и поручил ее проверять объединенным компьютерным системам звездолетов. С этого-то и началась этоха кибернетического фискальства. С её введением сами собой прекратились бунты и антиправительственные выступления. Потому-то и теперь, спустя много лет после окончания Великого Перелёта, мы продолжаем пользоваться услугами электронной системы, ласково прозванной в народе Унифиском...

— Так значит, вы ей во всем доверяете? — запел Валя, кибернетическая душа.

— А как же? — заявил коммодор.— Как нам ей не доверять, когда и она никому не доверяет, пока не проверит? Унифиск, — неожиданно в голос заорал он, — это наш главный благодетель!

— Да здравствует Унифиск! — хором грянула толпа.

— Хорошо, — вмешался я, — мне пока всё понятно, кроме одного. Для чего вашему Унифиску нужно масло?

— Для смазывания кинематической части,— бесхитростно ответствовал Блейзер.

— Какая ещё кинематика может быть в электронной машине? — возмутился я.— Никак, кулеры ржавеют?..

В это время за моей спиной послышалось равномерное жужжание. Я повернул голову внутри своего исполинского скафандра и увидел как из глубины коридора навстречу нам выехала небольшая чёрная тележка с усиками, с виду чем-то смахивающая на миниатюрный гробик на колесиках. Весь экипаж корабля при виде её пустился в бегство. За ними дёрнулся было и коммодор, но я его удержал и выставил поближе к тележке. Та некоторое время пристально разглядывала капитана своими фотоэлементами, затем на крышке её настойчиво замигал алый глазок. Наш рыжебородый собеседник пал перед ней на колени и затараторил:

— Госпожа машина! Разве вы меня не узнаете? Я ведь очень лояльный человек, так что если и сказал чего не то, то лишь от недоумия и излишнего радения за дело общественного блага...

В ответ на все его мольбы на передке тележки отвалился приличных размеров совочек и послышался отрывистый и требовательный писк.

— Да-да, понятно, я сейчас... — Блейзер полез в карман, трясущимися руками достал оттуда горсть прозрачных пакетиков, наполненных какой-то жидкостью и высыпал в прожорливо разинутую пасть машины. Совочек захлопнулся,и внутри тележки что-то довольно заурчало. Затем она подъехала к нам, и её глазок снова замигал.

— А что ей от нас надо? — спросил Валюта, робея.

— В таких случаях мы стараемся подарить ей немного масла в таких вот пакетиках; это наша основная валюта, мы зовем их баттами. Но, думаю, она согласится и на разливное... Если хотите, я за вас заплачу...

— Не надо!— отрезал я.— Передайте этой помеси сенокосилки с катафалком, что на свои похороны я приглашу что-нибудь менее прожорливое.

Бац! — сверкнул разряд. Меня хорошенько тряхнуло. Удар чувствовался даже через скафандр. Не дожидаясь повторения, я схватил тележку за усик и скрутил его со вторым. Бац! — второй разряд походил на маленькую молнию с громом. Меня тряхнуло так, что я едва удержал равновесие. Однако цели своей я добился. Тележка замерла. Откуда изнутри ее потянулся легкий дымок.

— Так-то, дорогуша,— сказал я назидательно.— Минус на минус дает, как водится, плюс. Думаю, что больше вам эта штука надоедать не будет,— сказал я коммодору, однако вид у него был самый обескураженный. На лице его отразились искренняя скорбь и отчаяние. Бросившись к погибшей машине, он попытался ее оживить, но тщетно. Из кают высыпали попрятавшиеся было люди . Они глядели на своего черного механического надзирателя с нескрываемой жалостью и состраданием. Захныкал какой-то младенец, за ним заголосили женщины, сильные кряжистые мужчины неуклюже отирали слезы, катившиеся по их щетинистым щекам.

— Что вы наделали? Как вы могли решиться на такое злодеяние, другого слова не подберу, мистер? — с дрожью в голосе спросил меня коммодор.

— А в чем, собственно, дело? — удивился я.— Вы же мне должны быть благодарными за то, что я избавил вас от этого сыщика. Как я понял, именно в таких вот приспособлениях и заключается «кинематическая часть» Унифиска?

— Не только «персонали» приходится смазывать, но в смазке крайне нуждается еще и громадный завод по их ремонту и воспроизводству,— подтвердил Блейзер.— Однако вы напрасно думаете, что мы в обиде на наши славные «персонали». Вы своим поступком оставили меня совсем без рук. Меня теперь просто никто не станет слушаться. А вдруг против меня кто-нибудь затеет бунт — как я про это узнаю? Между нами,— заговорщицки зашептал он мне на ухо,— мой помощник такая бестия!.. Так и метит на мое место. Вот он — настоящий пират. Он, кстати, вообще предложил (вас; сразу разбомбить, не вступая ни в какие контакты. Так что вы починили бы машинку, а? А мы вас не обидим... — он полез в карман.

— Я сейчас все твои батты запихну в тебя с другого конца. — пригрозил я и велел Вале ра-

зобраться с машиной. Конструкция ее оказалась простой до примитивности: элементарнейший анализатор, соединенный с подслушивающим устройством да варварски неэкономичный электромоторчик. Валя заменил «жучком» сгоревший предохранитель и через минутку машина вновь зажгла свой глазок. Публика наградила нас дружными рукоплесканиями. Тележка проворно отъехала в сторонку и, поманив к себе усиком коммодора, долго с ним о чем-то совещалась.

— Послушайте, мистер, — обратился ко мне Блейзер. — Она спрашивает, сколько вам нужно дать, чтобы вы покинули корабль, не составляя протокола?

— Передай ей, — вскипел я,— что после того, как я возьмусь за лазер, ее не сможет восстановить ни одна ремонтная станция.

Тележка оказалась довольно смышленым созданием и потому укатила, не дожидаясь окончания фразы.

— Ну хорошо,— сказал какой-то мужчина из толпы,— а может, вы тогда нам продадите немного масла? У вас ведь должно быть настоящее, машинное, а бедняга Унифиск уже с полсотни лет томится на рафинированном репейном. Мы же можем заплатить вам золотом или платиной... а?

— А много у вас платины?

— Тонн десять... двенадцать...

— Десять тонн! — воскликнул я.— Да на эти деньги вы закупите с полсотни станций.

— А много ли это масла? — сладенько осведомился коммодор.

— Ну... если в среднем считать на каждой по две ёмкости по двадцать тысяч литров каждая..

— — О боже! — вскричал Блейзер.— Четыреста тонн! Вы слышите? Мы все станем миллионерами!

Тут на корабле поднялось веселье, какого еще свет не видывал. Все принялись обниматься и целоваться, хором затянули какую-то песню, нас с Валей попробовали было покачать, что в условиях невесомости грозило опасными последствиями, однако нам удалось отделаться от толпы, заявив, что мы должны немедленно связаться с Центром. Тогда же у меня созрела одна идейка, достаточно сумасшедшая, чтобы не дать ей воплотиться в жизнь. Я состряпал текст телеграммы, поручил Вале отправить ее на Базу прямиком начальнику (тогда его резиденция, кстати, размещалась в нынешнем методкабинете), а сам решил отправиться на Плутозию, благо, как я выяснил, находилась она недалеко. Во всяком случае, на астроскуттере до неё можно было добраться дня за два. Световых, разумеется...

Вынырнув из антипространства поблизости от звезды, я тут же обшарил эфир и наткнулся на любопытную радиограмму:

ВЫСШЕМУ СОВЕТУ ПРОЦВЕТАНИЯ ПЛУТОЗИИ ЗПТ ПРЕЗИДЕНТУ ВИЛЬМЕИЕРУ ТЧК ВАМ НАПРАВЛЯЕТСЯ РЕВИЗОР СОВЕТА ГАЛАКТИЧЕСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИИ ТЧК КОНТРОЛЬ РАЗВИТИЯ ПРОГРЕССА НАУКИ ЗПТ ЭКОНОМИКИ ЗПТ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СОХРАННОСТИ ЗПТ БУДЬТЕ ГОТОВЫ СТРОГОЙ ПРОВЕРКЕ ТЧК

Стоит ли говорить, что я же и был тем, кто эту телеграмму послал (шифр мне удалось купить у штурмана за пол-литра масла). Дня два у меня ушло на торможение и ориентацию в пространстве. Когда же я приблизился к Плутозии, меня на орбите уже ожидали два звездолета довольно дряхлой конструкции. Они приветствовали меня сорока двумя вспышками боевых лазеров, узрев которые я слегка струхнул, — как вскоре выяснилось, совершенно напрасно. Посадку я совершал на чистеньком, идеально вылизанном «космодроме».

Вскоре после того, как опало пламя дюз, на поле высыпали толпы народа с цветами, флагами и транспарантами, на которых архаической вязью было выведено нечто вроде «Привет посланцам большой Земли!» «Душой мы навеки с планетой родной!» — и прочее в таком же духе, К сожалении, в моем гардеробе не было ничего более внушительного, чем абордажный скафандр, но в нормальной гравитации я в нем не сделал бы и шага, так что пришлось надеть обычный бронированный костюм, неказистый, но надежный, в карманах которого разместилось достаточное количество оружия, чтобы отражать атаку мотопехотной дивизии в течение часа.

Мое появление в люке корабля вызвало бурный восторг и нескончаемую овацию публики. Мне всё это, конечно, было приятно слышать, я улыбался, раскланивался и старался не думать о том, что произойдет, если кто-нибудь поинтересуется: «А где, молодой человек, ваши верительные грамоты?» Те бумаженции, которые я наспех изготовил на корабле, за версту отдавали фальшивкой.

Путь мой был устлан коврами, но, пожимая десятки тысяч рук, я сбился с него. Пока я шел по бетону было еще терпимо, но вот я вступил на асфальт и… о, ужас! почувствовал, что прилипаю. День был достаточно пасмурный, значит… черт возьми, не могли же они выстроить и заасфальтировать космодром за один день! Но затем я обратил внимание на горы замаскированного под клумбы строительного мусора, на свежевыкрашенную в ядовито-зеленый цвет траву и кусты, с которых еще капала краска, и понял — могли. Но более основательно поразмышлять над увиденным мне не довелось, ибо я оказался в крепких объятиях румяного здоровяка, президента Вильмей-ера (или просто Вилли, как он разрешил запросто себя называть). Мы с ним публично обменялись любезностями. Потом был устроен парад в мою честь. Мимо трибуны, где стояли мы с президентом и его министрами, прошли три полка чир-лидерш, затем школьники, физкультурники и представители трудовых коллективов. И все подряд распевали песенку со странным припевом: «Ай-лю-лю, ай-лю-лю, я ревизию люблю!» Потом прошли части самообороны, за ними фермеры на тракторах, а потом промаршировало и все остальное население планеты, начиная с дошколят и кончая дряхлыми старцами, которых родственники с неподдельным энтузиазмом катили на инвалидных колясках, увитых праздничными лентами. И все до единого изъявляли самый неподдельный восторг по поводу того, что их посетила первая в истории планеты самая настоящая ревизия. Меня забросали цветами. Малышня одарила меня веночками, скауты — повязками и пилотками, делегация вооруженных сил поднесла коллекцию архаичного оружия — от миниатюрного танка до крохотной атомной бомбочки двухметрового радиуса действия. Потом начались торжественные речи, потом банкет и опять речи, попутно меня сделали почетным председателем сотни всяких общественных организаций. К восьмому часу торжеств президент предложил мне отдохнуть. Я, не раздумывая, согласился. Выходя с парадного входа здания космодрома, я ткнул пальцем в одну из колонн. Штукатурка и краска, судя по всему, были положены не раньше, чем за час до моей посадки.

Проснулся я наутро в холодном поту. Мне приснилось, что какие-то почтительно улыбающиеся люди связали меня и собираются утопить в огромной кадке с оливковым маслом. Вокруг было темно и тихо. Мой скафандр аккуратно висел на вешалке, до кобуры даже не дотрагивались. Только во рту было противно и сухо, да что-то монотонно щёлкало в раскалывающейся от боли голове. Решив, что меня все же решили отравить, я принял две таблетки витанора и почувствовал себя еще хуже. По младости лет я тогда еще не знал, что послебанкетную хандру лучше всего лечить рассолом. Однако щёлканье не прекращалось. Встав с постели, я отправился на поиски удобств, но неожиданно за неплотно прикрытой дверью услышал голоса, один из которых показался мне знакомым. Я прислушался,

— Но ведь он грабитель и убийца! — бушевал президент. — Сколько он заплатил вам за молчание? Ну, смелее!

— Поллитра… — пробормотал незнакомец.

— Растительного?

— В том-то и дело, что нет! На такое бы я не купился. Я в свое время немного изучал химию и подозреваю, что это нечто, похожее на нефтепродукт.

— А ну-ка покажите? Хм! И в самом деле похоже. Где он, интересно, нашел нефть?

— Может, прикажете отдать эту бутылочку на анализ?

Президент немного помолчал, потом заключил:

— Хорошо. Отдам. Однако, милейший, я думаю, он дал вам не одну, а по меньшей мере десять бутылей, а то бы вы с этой так легко не расстались, а?

Пауза. Вздох.

— Еще две мы нашли у него при обыске.

— Уж лучше скажите двадцать две, вернее будет. Хорошо, пришлете их мне для анализа. Я тоже в детстве баловался химией. И точка. Не возражать. Получите их обратно, когда узнаете, где этот Манчено берет нефть и где перегоняет. Идите, господни прокурор. и упаси вас бог в дальнейшем вести со мной двойную игру!

Я быстро прошел в свою комнату и сел на кровать, задумавшись. Чертовщина какая-то! Президент — и продается за бутылку масла... Однако что это у меня в голове все щёлкает да щёлкает?

Оказалось, что это даёт о себе знать счетчик Гейгера на моем воротнике. Я прекрасно знаком с его капризами, но в это утро он тарахтел так, словно я по меньшей мере сидел на атомной бомбе. Так оно и оказалось. Под подушкой я нашел роскошный портфельчик из легкого и сверхпрочного сплава, на передке коего была укреплена пластинка полированного золота с надписью «Дорогому другу из Солнечной системы на память о Плутозии». Я открыл портфель. Он был доверху набит плутониевыми батарейками в стандартной нейтритовой оболочке, предмет безумного дефицита во всей Галактике»

Меня начали покупать. Напрасно я вооружался, опасаясь за свою жизнь. Меня никто не собирался убивать, боясь гнева моих мифических покровителей. На этой планете не было вояк. Здесь жили торговцы. И подлецы. Мне вспомнилась безмолвно отворившаяся в ожиданий подачки пасть электронного сыщика, и на сердце у меня похолодело от нехорошего предчувствия. Я понял, что работать здесь мне будет гораздо сложнее, чем мне думалось вначале.

Из размышлений меня вывел ласковый голосок президента:

— Мы уже сделали баиньки? Может, покушаете?

— Нет, спасибо,— со всей возможной твердостью ответил я.— Мне необходимо немедленно приняться за дела.

— Ох уж эти мне дела, дела... все мы деловые люди. Но надо же когда-то и отдыхать, тем более, что по нашему календарю сейчас уикенд, да и парламент до осени распущен на каникулы. — И не слушая моих возражений, Вилли отвел меня в бассейн, оттуда на завтрак, а потом мы с ним полетели осматривать планету на персональном президентском истребителе.

Плутозия размерами не превышала Луны и вся была покрыта полями и лесами. За день мы совершили посадки по меньшей мере в пяти деревнях и поселках городского типа. Меня восторженно встречало население, одетое в яркие колоритные одеяния. Любопытно, пожалуй, будет отметить, что основными украшениями костюмов были вышедшие из употребления деньги. Из монет женщины носили мониста, браслеты, серьги, из долларов и фунтов скручивали бумажные цветы и носили в волосах, рублями пользовались для растопки праздничных костров. И в каждой деревне для меня придумывали что-то особенное. В одной, скажем, для меня устроили охоту на «папонта» (мохнатое травоядное с восемью лапами величиной с земного бегемота);в другой — конкурс лизоблюдов, которые ухитрялись до блеска оттирать са-

мые запаршивевшие тарелки при помощи одного лишь языка; в третьей я попал на торжественное богослужение, посвященное 3000 годовщине торговой сделки Иуды с Каифой. К слову сказать, Искариот был одним из объектов поклонения на этой планете, и все жители свято верили в его скорое второе пришествие. Насколько я понял, верхом неприличия на Плутозии было отказываться от подарков, так что Вилли набивал себе за мой счет карманы обеими руками. Мы с ним произнесли чертову уйму речей, обращенных друг к другу, и в каждой живописали, какая радость ожидает народы наших стран, наконец-то узнавших друг друга. Наконец, я предложил ему читать одну и ту же речь во всех деревнях. Он, оказывается, тоже начал об этом подумывать и с восторгом принял мое предложение. Нет, если бы не его продажность, если бы не та алчность, с какой он прикарманивал подношения деревенских депутаций (и свои, и мои), если бы не открытая продажа должностей, которой он, не стесняясь, занимался в моем присутствии, он, наверное, был бы отличным парнем. Он буквально предугадывал все мои желания. Охота, концерты, танцы, пиры, корриды и петушиные бои двигались нескончаемой чередой. И даже черные тележки, которых было по две-три в каждой деревне, на время моего присутствия прятались, видимо инстинктивно чуя во мне чужака.

Спустя неделю пиршеств, слившихся в одну беспробудную крутоверть тостов и развлечений, я очнулся от странного монотонного голоса, который вдруг начал вещать с громоздкой тарелки правительственного репродуктора, подвешенного на информационном столбе (такие имелись в каждой деревне на центральном площади. При звуках этого голоса все население деревни (и всех прочих деревень, а точнее — всей планеты) высыпало к подножию столба и стало внимательно слушать. Я взглянул на Вилли. Вид у него был совершенно подавленный.

— Эйк,— сказал он трагическим тоном.— Кажется, началось что-то ужасное. Нам нужно срочно возвращаться в столицу.

Всю дорогу, ведя самолет, он рыдал как крокодил перед обедом и ничего не отвечал на мои вопросы. Наконец, он сам обратился ко мне.

— Эйк, дружище, ты один можешь меня спасти. Если ты срочно не одолжишь мне литров пятьсот машинного масла, то я, то мы... меня, очевидно, переизберут. Понимаешь, этот подлец Манчено, трижды судимый за грабеж и пять раз за убийство, подал свою кандидатуру в президенты. И Унифиск, представь себе, оказался не против. Этого, конечно, не случилось, если бы этот узурпатор не нашел где-то нефть и не начал гнать из нее машинное, масло, которому Унифиск отдает предпочтение перед всеми прочими сортами.

— Я одного не понимаю,— сказал я, пробуждаясь к мрачной действительности после почти недельной эйфории праздников в честь моей персоны. — Я не понимаю, где вы сами берёте бензин для ваших самолетов и автомобилей?

— Побойся бога, Эйк, какой еще бензин, мы не так отсталы, у нас работают гравитационные двигатели, и если б не эта извечная проблема смазки... Смазка нужна всем и в первую очередь заводам Унифиска. Все это прекрасно понимают,и в том числе сам Манчено. Он перекупил моих министров, судей, полицию, так что если сейчас мы не перемаслим Унифиска, меня просто-напросто отдадут под суд и этот прожжённый тип пролезет в президенты.

— Вилли, дружище,— фамильярно осведомился я,— а ты случайно никого не зарезал? Иначе откуда ты нашел средства на приобретение президентского кресла?

— Ах ты, господи, да я по сравнению с Манчено агнец божий. Я был честным, но бедным пилотом и всего-то навсего угнал самолёт, на котором перевозили заплату для всей армии. Потом я скрывался, меня поймали. Чуть не расстреляли; я честно отсидел десять лет, дождался, пока не истек срок давности и тогда уж подал свою кандидатуру...

— Да, Вилли, — признал я скрепя сердце,— ты, конечно, сукин сын. Но, как говорил один твой коллега на Земле, «ты наш сукин сын» и поэтому я, так и быть, помогу тебе.

От радости он бросился ко мне на шею. Самолет от этого вошел в пике и мы едва не врезались в землю, но Вилли уверенно вывел его из опасного положения и всю оставшуюся до-

рогу горланил развеселые песни. Уж что-что, а пилотом он, надо признать, был классным.

На космодроме было пусто. Только репродукторы назидательно вещали громыхающими металлическими голосами:

-... за годы своего гнусного правления президент Вильмейер совершил множество ужасающих преступлений...

— Скорее! — заорал Вилли, прыгая в автоцистерну,— он перешел к постановительной части, еще четверть часа — и я погиб!..

Мы быстро наполнили цистерну остатками моей гидравлики и помчались за город. Не успели мы выехать на шоссе, как обнаружили, что на нашем пути выстроился тройной кордон из автомобилей.

— Проклятье! — заорал Вилли.— Они перекрыли дорогу к Унифиску! Это же прямое нарушение конституции! — не успел я и глазом моргнуть, как он увел машину в кювет, промчался мимо остолбеневших бородачей с автоматами и снова вырулил на дорогу. Вслед нам затарахтели автоматные очереди.

— Возьмите это, Эйк,— Вилли протянул мне небольшую базуку. — За нами, кажется, началась погоня.

— Обойдемся,— ответил я, достал из кобуры лазерный пистолет и срезал лучом могучий дуб, стоявший на обочине. Дерево повалилось на дорогу, загородив всю проезжую часть. Президент с уважением покосился на моё оружие.

— Не продается,— отрезал я, предупреждая возможные вопросы.

— Ах, дружище, я охотно верю, что у себя на Земле вы занимаете высокий пост, но жизни вы, честно говоря, не знаете. На этом свете всё имеет свою цену и всё продается. Любовь, честь, дружба, совесть — даже такие, казалось бы, абстрактные категории имеют свою вполне определенную стоимость, ну а что же тогда говорить о каком-то куске железа с рубиновыми кристаллами и ядерной накачкой средней сложности... Скажите честно, что вы хотите за эту игрушку? Килограмм золота? Два?

— Я хочу, чтобы меня поцеловали в зад! — заорал я. — Смотри куда едешь, мы сейчас врежемся в ворота!..

Цистерна подъезжала к огромному бетонному кубу, вокруг которого возвышался пятиметровый забор с наглухо закрытыми сталекерамзитовыми воротами.

— Перекрыть ворота! — возмутился Вили. — Какое вопиющее нарушение законов о смазке! — и достал заранее припасенный пулемет.

Не дожидаясь, пока он попросит, я выпустил из базуки три снаряда, которые снесли ворота, как ветром, и мы ворвались во двор. Навстречу нам летели пули. Выкатились с десяток тележек, стреляя разрядами. Я сжег штук пять, остальные разъехались. Цистерна въехала в здание Унифиска.

— Скорее,— закричал Вилли, посылая пули веером по двору. — Суньте рукав вон в ту дыру с надписью «для смазки». И не забудьте сказать, что Вильмейер хочет остаться президентом.

Я потащил тяжеленный рукав вглубь помещения. Репродукторы тем временем грохотали:

— На основании вышеизложенных тягчайших преступлений...

Я открыл кран и пожелал остаться президентом. Масло хлынуло в ненасытную глотку Унифиска. В передаче наступила пауза и — продолжалась до тех пор, пока все пять тонн не ухнули в отверстие. Потом репродукторы на той же ноте продолжили:

— ... за истекшие годы в стране произошло значительное повышение благосостояние на-

селения, улучшились условия труда и быта народа, окрепла экономика, повысился оборонный потенциал государства. Всё это произошло благодаря личной инициативе президента Вильмейера, его неустанным трудам на благо отечества...

Мы вышли во двор. К нам уже шли наемники, только что поливавшие нас свинцом.

— Три-четыре,— сказал их главарь, верзила с черной повязкой на глазу, увешанный оружием, как рождественская елка игрушками.

— По-здрав-ля-ем! — браво гаркнули сорок бандитских глоток.

— Хорошо,— процедил сквозь зубы президент,— С вами мы разберёмся позже. А пока арестуйте Манчено и доставьте его в тюрьму живым или мертвым. Возможно, он попытается бежать. Ну, да не мне вас учить.

К крыльцу подъехал роскошный черный лимузин. Вилли направился к нему, приветливо распахнув передо мной дверцу.

- Кстати, насчет лазера,— сказал он, дружески похлопав меня по плечу,— как я понял, ты пошутил насчет стоимости, но если тебе и в самом деле так этого хочется...

— Чего? — я и в самом деле не понял.

— Ну... чтобы тебя поцеловали... — он осекся и захлопал ртом, как рыба, выброшенная на берег из воды. Возможно, мне и не стоило бы так распускать локти, но в такие минуты не очень-то получается сдерживаться, и если лупишь, то от души... Ну да вы меня понимаете...

На следующий день Манчено застрелили «при попытке к бегству», но напряженность в столице не спала. Вилли в честь своего переизбрания (и вручения очередной награды) устроил грандиозную иллюминацию, раздачу денег, еды и подарков, бесплатные представления и беспроигрышные лотереи, а сам уселся обсуждать с парламентом вопрос о создании Центрального геологического бюро. Вечером я вышел прогуляться по городу. В чистом умеренно влажном воздухе рассыпались разноцветные звезды салюта. На площадях гремела музыка. Толпы народа высыпали на улицы столицы. И лишь в тот вечер понял я до какой же степени были развращены все эти люди атмосферой узаконенного взяточничества. Они подкупали не только президентов, министров, шерифов, судей, но и друг дружку. Взятки давали и получали буквально на каждом шагу. В ресторанах посетители подкупали официантов, чтобы их лучше обслуживали; музыкантов, чтобы те играли то, что им угодно; швейцаров, чтобы те ниже поклонились им на глазах у других. Все вокруг переплачивали за проезд на такси, за стакан прохладительного напитка, за сигареты, кружку пива и прочие продукты, причем попросить у продавца сдачи считалось признаком дурного тона, а дать денег под расчет — символом вульгарнейшей провинциальности.

Маленькие дети стонали: «Мама, я хочу пи-пи!», но мамы не обращали на это внимания и снимали карапузам штанишки лишь получив от них чисто символическую сумму в один «игрушечный» батт. Как мне объяснили, это был воспитательный прием. Дети постарше покупали друг у друга оловянных солдатиков, машинки и пластиковые модели, покупали учителей и школьных директоров, медали и аттестаты. Я видел матч по футболу между двумя университетскими командами. На глазах у всего стадиона одна команда подкупила другую и беспрепятственно забила ей пять мячей, недостающих для выхода в финал. Но они пожадничали и не подкупили судью, так что он им просто не засчитал эти голы. Однако больше всего я был поражен, узнав, что взяточничество на Плутозии было строжайшим образом запрещено и каралось законом! Некоторых прощелыг даже арестовывали, если они забывались и настолько наглели, что забывали подкупить и полицию. Но как только они исправляли эту ошибку, их отпускали. Но даже если им приходилось садиться в тюрьму, для них были подготовлены особые превосходно обставленные и расположенные в курортных зонах тюрьмы со всеми мыслимыми удобствами. И никого это не удивляло. И тогда я понял, что на мою долю выпала величай-

шая историческая миссия — освободить несчастный народ Плутозии от многовековой заразы коррупции.

На следующее утро я торжественно разругался с Вилли, выгнал пять торжественных делегаций с подарками и потребовал все расчетные книги за последние двести лет. Спустя пять часов перед моей резиденцией выросла гора бумаг. Вся эта макулатура наглядно отражала развитие экономики, науки и культуры, промышленности и энергетики, сельского хозяйства и образования на Плутозии со дня ее открытия. Вершина этой горы равнялась .с крышей пятиэтажного дома, она запрудила целый проспект, а грузовики с гроссбухами всё прибывали.

— Не будете же вы, дорогой друг,— саркастически спросил меня Вилли,— копаться во всех этих отчетах и нарядах?

— Я — нет. Но компьютер моего звездолета располагает неплохой аналитической программой. И уж он-то во всём этом как-нибудь разберётся…

Недолго думая, я приказал отправить все бумаги на космодром. Затем я приладил один транспортер к основанию этой горы, второй транспортер подавал бумаги на сканер компьютера, а третий от сканера шел к запасному люку и выбрасывал переработанные бумаги на поверхность. И работа закипела!

Компьютер работал со скоростью хорошего жернова, перемалывая тонны обрушившейся на него информации. Пока мы трудились, мою «СКУКУ» ежеминутно навещали делегации фермеров, старост, учителей, школьников, писателей, студентов (а что творилось на сессиях — вообще уму непостижимо, это тема для особого рассказа). И каждая делегация оставляла мне что-нибудь на память. Как правило, это были плутониевые батарейки. Эти батарейки являются вечным двигателем для работы персональных компьютеров, они вставляются в бытовых роботов и прочую электронику. Однако в столь больших количествах на них можно просто взлететь в воздух. Тогда мне пришлось облачиться в свой суперскафандр и заявить, что еще одного такого подарка достаточно, чтобы отправить к праотцам всю столицу. Золота и бриллянтов я не принимал из принципиальных соображений. Тогда мне стали преподносить цветы. Их я до сих пор не переношу. С женой развелся из-за того, что она взяла за моду по вечерам мазать за ушами розовым маслом. А весной, когда всё в природе благоухает, на моем столе обязательно стоит открытый флакончик с бензином. Он мне слегка напоминает о благах нашей цивилизации.

Однако цветочки-цветочками, а работу свою я всё-таки проделал до конца. Спустя сорок семь часов машина выложила мне все итоговые данные — и я просто остолбенел от изумления. За время своего существования эта конопляно-хлопково-подсолнечная планета ухитрилась провороваться насквозь, и всё по вине Унифиска. Вот кто вызывал во мне наибольшее негодование! Президент, парламент, законы, суд, конституция — всё это было лишь ширмой для того, чтобы прикрыть самое наглое и вопиющее беззаконие. Истинная же власть была сосредоточена в руках Унифиска и его окаянных фискальных тележек-персоналей, которые сновали буквально на каждом шагу. Эта в общем-то неглупая машина, призванная заботиться о людях и давать им полезные советы, совершенно зациклилась на самовоспроизводстве. Завод-автомат выпускал тележки, которые собирали масло, которое поступало на завод, который вновь расплавлял старые и выпускал все новые и новые партии кибердоносчиков, которые вновь и вновь бежали за новой порцией подачек. Унифиск буквально грабил всю планету, вынуждая население вырубать леса, осушать моря и засевать миллионы гектаров подсолнухом, соей, коноплей, короче, любыми масличными культурами. Правда, существовали и крупные плантации хлопка, но и их рассматривали с точки зрения получения хлопкового масла. Все это не могло меня не тревожить особенно если учесть, что и у нас на лпнетах, входивших в галактический союз Интерспейс после раскрытия последней аферы в Верховном Галактическом Суде все громче и громче стали раздаваться голоса о передаче судебной власти в руки электронных машин.

Все хорошенько подсчитав, я отправился на прием к Унифиску, одев тяжелый антиметео-

ритный скафандр и прихватив с собой оружие. Меня начинали побаиваться, так что я должен был быть готовым к любым эксцессам. Во дворе перед зданием супермашины уже столпились в ожидании меня десятки людей и с каждой минутой подходили еще, пока не заполнили весь двор. Как я потребовал заранее, для меня была сооружена трибуна (я лелеял надежду, что не заминированная), были приготовлены микрофоны и телекамеры. Речь моя должна была транслироваться на всю планету.

Я говорил битых три с половиной часа. Я рассказал о семи смертных грехах, о взяточничестве, которое со времен фараонов считалось тягчайшим из пороков, о симонии и коррупции как родимых пятнах и пережитках самых отсталых экономических формаций, Я показал народу всю глубину пропасти, в которую он скатился по вине своего кибервластителя; я пригрозил карами виновным, обличил ничтожество и подлость того образа жизни, который вел приниженный и обираемый народ Плутозии, я призвал их к свободному труду на благо общества, а в заключение сказал:

— На основании всего вышеизложенного я приказываю вам, Унифиск.немедленно самозаконсервироваться, прекратить производство и перепрограммировать завод на производство товаров народного потребления…

В толпе заволновались,

— В случае же неподчинения,— я поднял манипулятор с боевым лазером,— вы, Унифиск, будете немедленно уничтожены. Выбирайте!

Я же говорил, что он был машиной вовсе не глупой, инстинкт самосохранения сработал в нем правильно. За стеной тот час же прекратился гул станков, трубы перестали дымить. Одна за другой к моим ногам стали подъезжать тележки и тут же самодемонтировались, В толпе рыдали.

В эту минуту на трибуну забрался президент и закричал:

— Остановитесь! Эйк, заклинаю вас, не делайте этого! Посмотрите на этих женщин, на стариков и детишек, все они просят вас только об одном — дайте нам жить спокойно, как мы живем уже не одну сотню с лишним лет. Ведь я прав, дети мои?

Толпа одобрительно зашумела.

— Вы говорите, что наше общество плохо,— продолжал Вильмейер,— Возможно, оно не идеально. Но пока на белом свете есть вообще хоть какое-то общество, будут существовать выгодные должности, будут и люди, стремящиеся к ним, желающие получить жизненных благ больше, чем все остальные. И как тут прожить без того, что вы называете м-м-м… взятками, а мы попросту дружественными дарами. Да и что может быть ближе, приятнее и нужнее, чем вовремя сделанный подарок? Причем добровольно! От чистого сердца! И вовсе не за какую-нибудь подлость или преступление, а просто чтобы покровитель о тебе помнил, знал твое благорасположение, чтобы просто кивнул, заслышав в общем списке твое имя! И что может быть благороднее, чем щедро одарить наших спасителей? Врача, спасшего жизнь; журналиста, пощадившего репутацию; ревизора, спасшего от позора? Конечно, подобными методами, рядясь в тоги добрых самаритян, порой пользуются и некоторые гнусные проходимцы для достижения своих низменных целей. Но таким наша планета всегда давала и будет давать решительный отпор! И тому порукой все наше славное боевое прошлое, наши доблестные ветераны, наш верный и непогрешимый Унифиск!..

Его слушали затаив дыхание. А он, прирожденный демагог и профессиональный оратор, вел свою речь к логическому концу:

— Милый ты наш гость из космоса! Пришелец ты наш галактический, дражайший наш собрат по разуму! Ни с чем не сравнится наша благодарность тебе за то, что попытался ты образумить нас грешных, обратить в свою веру, научить нас жить по-иному. Да, ты и твои могучие сородичи можете нас принудить и мы согласимся с вами на словах, но в глубине души весь

наш народ будет глубоко и искренне скорбить по утраченным свободам. Прости нас великодушно, но нынешней нашей жизнью мы жили, живем и надеемся жить и дальше. А теперь!.. — блистающим узором он обвел затаившую дыхание толпу,— Нашему дорогому гостю очень нравятся золото и ювелирные изделия, изготовленные нашими чудо-мастерами. Так последуем же, братья и сёстры, древнему обычаю, завещавшему нам ни в чем не отказывать гостю!».

А потом начался какой-то кошмар. Вся эта огромная толпа бросилась ко мне, мужчины и женщины стали срывать с себя часы, кольца, броши и браслеты и бросать к моим ногам. Быстро росла сияющая груда драгоценностей.».

— Остановитесь!.. — заорал я.

Последним ко мне подошел трехлетний мальчуган и протянул игрушку — великолепный маленький паровозик. Наверное, это было самой большой его драгоценностью... Я затрясся от ярости и потопал к своему звездолету.

На разгон я дал себе всего четыре часа и потому вдобавок к лучевой болезни заработал себе ещё и гипертонию. В анти-пространстве мне пришлось подзадержаться больше критического времени, и таким образом вышло, что на планете я провел не две недели, а всего сутки или двое, как я, собственно, и рассчитывал. Правда, на корабле еще долго после этого водились фантомы, да и сам я до сих пор не вполне уверен, вернулся ли ко мне мой положительный заряд. Кошки от меня до сих пор почему-то шарахаются. Я гнал свою «СКУКУ», ругаясь на всех известных мне языках; так что попавшийся мне было крейсер союзников принял меня за «летучего голландца» космоса и поспешно отслужил по мне заупокойную мессу. В другое время я бы с ними поиграл, но мне надо было поторопиться. По моим подсчетам, в нашей системе вот-вот должна была войти в строй кибернетическая машина Суперюстис, которой предстояло взять на себя основные функции судебного разбирательства, подбора и расстановки государственных деятелей, определения перспектив развития нашего общества. Я обязан был рассказать людям, на что они себя обрекают, предупредить о возможных последствиях.

Я вынырнул из антипространства неподалеку от Базы и сразу же отправился на прием к генералу. Но я к нему не дошел. По пути меня арестовали за самовольное оставление позиции, дезертирство и вмешательство во внутренние дела суверенного государства. Основными свидетелями против меня выступил Валюха и капитан плутозианского рейдера. Когда я узнал, что судить меня будет Электронно-Военный Трибунал, сердце у меня упало. Как и встарь, все гражданские нововведения прежде всего внедряются в армии.

На глазах у язвительно ухмыляющихся следователей я заполнил анкету со своими показаниями. Затем они заполнили такую же анкету со своими заключениями и вложили оба листка в компьютер. Этого было вполне достаточно, чтобы юридическая программа сравнила доводы обеих сторон и вынесла вполне объективный приговор. Меня завели в кабину и усадили на стул. За дверью расположились следователи, генералитет, представители прессы. Сами понимаете, это был первый случай применения электронного судьи. Терминал возвышался невдалеке от меня, громадное хромированное пугало, похожее на некоего идола, этакий тотем нашей грешной цивилизации. К нему нельзя было прикасаться, задавать ему посторонние вопросы, даже источник питания у него был независимый, так что долг свой он исполнил бы даже при полном прекращении подачи тока.

Минуты две машина считывала программу, мигая глазками индикаторов, бегали стрелки по шкалам вольтметров, наглядно демонстрируя высочайшее умственное напряжение А потом лязгающий металлический голос принялся перечислять все мои прегрешения от самоволок до дерзостей, от выговоров до беспринципности. Когда кибер перешел к постановительной части, я понял, что обречен.

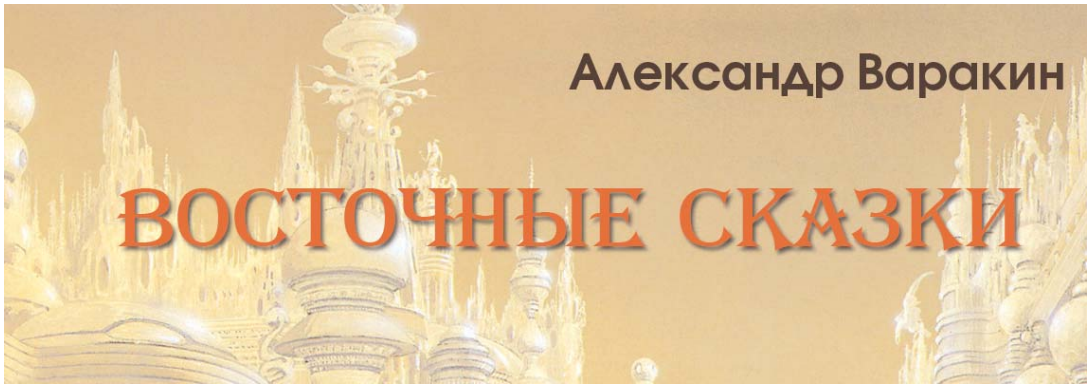
— На основании вышеизложенных тягчайших преступлений против нации и всего прогрессивного человечества,— гремел кибер, — вы, Акакий Борзой, признаетесь виновным в совершении преступлений квалифицируемых как особо опасные статьями 218 «прим» и 123 «бис», статьями 432 часть первая и...

В это мгновение я обратил внимание, на то, как тихонько приотворилась крышечка на передке с надписью мелкими буковками «для автономного питания». Пошарив в карманах, я нашел там последнюю случайно закатившуюся туда плутониевую батарейку, открыл, протер клеммы и... — Акакий Евграфович махнул рукой и поднялся»

— Что ж ты, Борзуша, на самом-то интересном месте ... — дружно завозмущались обитатели Старой Хрычевни.— Ты — дальше, дальше-то давай, ты — про орден свой...

— А что орден? — Борзой философически пожал плечами. — Я вышел из кабинки генералом-аншеф-фельдмаршалом Всекосмических войск и гипер-адмиралом галактического флота с диктаторскими полномочиями на случай военных действий» Ну и с орденом, само собой. Хотя, конечно, орден — это так...побрякушка. Однако, красивая,— он любовно погладил орден, от чего тот буквально заискрился и начал что-то наигрывать. — Да и титул этот — тоже ерунда, я тут же в отставку подал, ее по-быстрому и приняли, чтобы шума не было... Но главное, вы бы видели, какие у всех этих мерзавцев были рожи...

Баку
1976—1989 гг.



СУЛТАН ИСМАИЛ

Под пологом было жарко, и Султану не спалось.

Султан вышел из опочивальни, наткнулся на спящего стражника и пнул его. Бед-няга очнулся ни жив, ни мертв: пропала дурная головушка!..

— Ну, ну, не умри на месте, — сурово сказал Султан. А вглядевшись, что-то придумал: — Марш в опочивальню. Кому говорю! — прикрикнул.

Трясущийся стражник протиснулся кое-как в резные двери. Султан глянул по сторонам: никого. И тоже вошел, неслышно прикрыв дверь. Свет полнолунья пронизы-вал дворец насквозь, но все в нем казалось почти мертвым.

— Раздевайся. Останешься в постели, будешь Султаном.

— Д-д-д... Я... я... владыка... — мямлил умирающий страж.

— Возьми себя в руки, негодный. Я повелеваю. Я! Понял?

— П-п-п...

— Лежать.

Султан переоделся стражником. Одежда ему подошла, только в плечах немного висела.

— Как выгляжу? — спросил правитель. — На стражника похож? Ну?

— ...

Ничего не понимающий стражник дико улыбался и кивал, не в силах выдавить ни слова.

— Предупреждаю: что бы ни произошло, ты — это я. А я — это ты. Повторить!

— Ты — это я. Я — это ты... — теряя сознание, пролепетал страж, зарываясь в шелка.

— Ничего. Власть быстро сделает из тебя настоящего Султана. Это произойдет не далее как утром. Читать умеешь?

— Не-е...

— Первое время будешь ссылаться на резь в глазах. Наймешь учителя. Потом его, конечно, уничтожишь. Понял?

— А ты? А ты как же, владыка?.. — недоверчиво сверкнули из-под полога глаза.

— Устал я, — признался Султан. — Пожить хочу, как все. Как человек. Думаешь, не выйдет?..

Стражник молчал. Откуда ему знать? Любая прихоть владыки — для него тот же закон. И все-таки требовалось что-то сказать...

— Отчего не выйдет! Ты же Султан. У тебя все выйдет! — вымолвил несчаст-ный.

— Я — стражник! — вскричал Султан. — Стражник! Запомни это! Кстати, как тебя зовут?

— И-и... Исмаил.

— Я — стражник Исмаил. Когда смена караула?

— Утром смена. Потом — домой...

— Прекрасно. Постой, а где я живу?..

— На базаре. В лавке моего брата Али, в дальней комнате.

— Вот что. Завтра же велишь построить мне дом у канала. Мастерам хорошо за-платишь. Но — не дворец, а простой дом. Дашь земли под виноградник. Какая у меня семья?

— Двое детишек. Да жена... Да отец слепой.

— Земли велишь дать немного. Только чтоб прокормиться сверх жалованья.

Наконец, страж сообразил:

— Владыка... Владыка, а ты что же... и семью у меня отберешь?

— Дур-рак!!! Я ж тебе все, все это оставляю! Государство тебе дарю!.. Не беспо-койся, воспитаю я твоих детей. И жену любить буду. И отца слепого.

— А как же я?.. — заворочался под пологом стражник.

— Дурак. Султанша, весь гарем — твои. Все слуги и рабы. А также придворные — вся знать. Понял? Голова твоя пустая.

— Понял, понял, понял! Благодарю! Благодарю! Если кто обидит... Ты сразу...

Стражник соскочил с ложа и бросился бить поклоны в каменный пол. Подполз к ногам Султана, чтобы лобызать их. И заплакал — от счастья ли, от горя...

— Понял, наконец? Умница! Хорошим Султаном будешь. Ладно, хватит уни-жаться, привыкай владычествовать.

Стражник поднял мокрое лицо. Сверкнули в лунном свете глаза. Мелькнуло в них что-то, пока едва уловимое.

— Давай, приказывай, — сказал Султан.

— А что?..

— Ну, вот поставь меня на караул для начала. Ну?..

— Стань за дверь и охраняй мой сон, — несмело пролопотал новый владыка.

— Что ж, неплохо, — похвалил Султан. — Только властности бы побольше: ведь я — простой стражник...

— За дверь! — рявкнул стражник, но тут же испугался: что будет?..

— Уже лучше, — понравилось Султану.

— Как ты посмел войти сюда!.. Как ты посмел нарушить сон правителя вселен-ной! Во-он!.. — вдруг разорался страж.

— Хорошо. Но... Не забывайся, первое время хотя бы, — посоветовал бывший Султан и поклонился новому: — Иду, мой повелитель.

— Секиру не забудь, пустая голова! — обнаглел бывший страж, но страж новый уже в полном облачении стоял на часах.

Близилась смена.

* * *

Никогда бы не подумал Султан, что сможет заснуть стоя. Через час оружие и костюм стражника придавили его к стене, и страдавший бессонницей бывший Султан погрузился в сон — правда, не долгий и не глубокий, но от которого не сразу очнулся, когда услышал:

— Визиря ко мне!

Султан прокричал в коридор приказ Исмаила, и тут же на его зов откликнулись другие стражники, многократное эхо разнеслось по дворцу.

Через минуту промчался мимо визирь, на ходу продирая глаза. Никакого внима-ния на бывшего владыку он не обратил.

— Страж! — услыхал Султан жесткий выкрик нового владыки.

Пришлось войти.

Султан поклонился — низко-низко, как только смог.

— Скажи мне, страж, как зовут тебя? — спросил Исмаил, восседая на тюфяках и одеялах.

— Исмаил меня зовут, владыка, — ответил Султан.

— Ты узнаёшь своего повелителя, страж? Или тебе, как моему визирю, кажется, будто я изменился в лице?

— Как можно, повелитель? Ты — это ты. Никаких сомнений.

— Хорошо. Я доволен тобой, Исмаил. А вот визирь не верит мне. Говорит, что я — это не я. Что делать с моим визирем?

— Мой повелитель, я мал и ничтожен. Но позволь сказать.

— Говори, стаж, — кивнул Исмаил.

— Возможно, у визиря помутнение разума. Это могло произойти от чрезмерного усердия в службе тебе, мой Султан. Рано или поздно сознание прояснится, надо лишь хорошенько отдохнуть, — вот увидишь, голова его станет ясной, — закончил Султан речь.

— Так вот же он! — радостно воскликнул визирь и бухнулся на колени перед Султаном. — Я узнал тебя, о всемогущий! Узнал по голосу...

— Начальника стражи ко мне! — приказал Исмаил.

— Начальника стражи к Султану! — прокричал Султан в коридор.

И опять ожил дворец.

Примчался начальник стражи. Грозно взглянув в лицо Султана, он отвесил низ-кий поклон Исмаилу.

— Скажи мне, начальник стражи, ты знаешь на базаре лавку Али? — спросил Исмаил.

— Конечно, мой Султан! — ответствовал начальник стражи.

— Так вот приведи ко мне Али, сейчас же! А также пускай он возьмет с собой Баходыра, Салима, Хамида и Анвара.

— Слушаюсь, мой Султан! — Начальник стражи удалился.

— А ты, недостойный, — обратился Исмаил к Султану, — позови сюда придвор-ного астронома, поэта-летописца, начальника войска и начальника дворцовой кухни. Послушаем, что скажут они.

Выполнив приказ, Султан залюбовался бравым видом бывшего стража, да и сул-танские одеяния были ему к лицу.

Пришли названные придворные. Они поклонились по привычке, не глядя, но ви-зирь указал им на их ошибку:

— Так вот же он! — визирь повторил свое, кивая в сторону бывшего Султана.

Очнувшись, все стали наперебой бить поклоны бывшему Султану.

— Визирь шутит, дорогие мои, — сказал Исмаил, придя в ярость. — Он просто хочет испытать вас. Но вы же узнаёте меня, не так ли? Ведь вы в состоянии различить, невзирая на платье, кто перед вами Султан, а кто — стражник у дверей? Говорите.

— Это твоя шутка, мудрый Султан, — сказали придворные, обращаясь к бывше-му Султану. — Она так же мудра, как все, что ты делаешь. А платье стражника тебе к лицу тоже. Однако не к лицу этому ничтожному твое султанское платье. А с другой стороны, если ты так желаешь, то — как тебе угодно, всемилостивейший.

— Что скажешь, мудрый страж мой? — спросил, бледнея, Исмаил.

— Владыка! — сказал Султан. — Эти несчастные тоже устали, надорвавшись на службе тебе. Им также нужен отдых. Да и трудно все распознать спозаранку.

— Однако шутка затянулась, — недовольно воскликнул визирь, а все другие за-стыли в полном недоумении, угодливо улыбаясь то одному, то другому Султану.

В этот момент в дверь влетели пятеро ошеломленных горожан, подталкиваемые пинками начальника стражи. Едва оглядевшись, они бухнулись на колени и приложили к полу свои лбы.

— Следуя мудрому совету моего стража, — внятно произнес Исмаил, — я жалую моему дорогому бывшему визирю отдельные покои для отдыха. Начальник, кликни стражу.

— Стража! — гаркнул начальник стражи, и в покои ворвались шестеро дюжих молодцов.

— Прекрасно, — сказал Исмаил и проговорил раздумчиво: — Кто заменит визи-ря на его посту?.. Страж из скромности, конечно, откажется сделаться моим визирем?

— Помилуй, повелитель! — поклонился Султан. — Я не справлюсь. Каждый хо-рош на своем месте, а о твоей мудрости ходят легенды…

— Тогда… — задумался Исмаил. — Отвести бывшего визиря в темницу.

Двое стражников подхватили визиря и увели. Все пораженно молчали.

— Тогда… — продолжал Исмаил. — тогда придется Али занять этот высокий пост. Поднимите его с колен, — указал он страже на распростертого на полу рябого брата.

— Как! — воскликнули все придворные разом. — Пост визиря — какому-то бо-сяку? Что скажешь, Султан? Твоя шутка действительно затянулась.

— Хорошо, — сказал Исмаил. — Продолжим. Ты, Баходыр, теперь будешь при-дворным астрологом и звездочетом. Ты, Салим, — начальником войск и укреплений. Ты, Хамид, — начальником дворцовой кухни. А ты, Анвар, найди, кто станет за тебя сочинять обо мне стихи да небылицы. Может, бывший поэт-летописец укажет нам того человека?

Четверо придворных тут же были подхвачены под руки оставшейся стражей.

— Ну, вот что, — резко сказал бывший Султан. — Теперь вижу, что шутка и впрямь получилась неудачной. Я не позволю голодранцам и невеждам управлять моим государством. Я —

это я!...

— Начальник! — перебил его Исмаил. — А этого стража обезглавишь лично ты.

— Слушаюсь, мой повелитель! — не моргнув ответил начальник стражи.

— Поздно, дорогой Исмаил, — сказал Исмаил Султану. — За годы моей службы я прекрасно узнал начальника стражи. Он служит не человеку, а приказу в султанском одеянии. Так надежнее. А тебе не следовало шутить со мной. Если пришло в голову позабавиться, ты мог бы сыграть шутку с придворным библиотекарем: во всем дворце это единственный безобидный человек.

...Уже на лестнице начальник стражи сказал:

— Я пережил четырех султанов только потому, что всегда был всего лишь на-чальником стражи. Подставляй же скорее шею: близится смена караула...

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ГОРОД

Не помню, когда это было, да и было ли вообще.

Жил-был один мальчик, звали его Салим. Отец мальчика погиб в кровавой битве с иноземными завоевателями. Салим остался один у матери, которая постарела от горя. Добрая женщина из последних сил кормила и одевала сына и ждала, когда вырастет Салим большой и сильный, и согреет ее старость. Она души в нем не чаяла, а сама час-то оставалась голодной и холодной — лишь бы Салиму было хорошо.

Бедная женщина с раннего утра до поздней ночи работала у жадного бая. Бай платил ей за это скудной похлебкой, которую мать бережно несла домой любимому сыну. Изголодавшийся за день Салим съедал пищу, но ни разу не спросил, сыта ли мать. Он и не догадывался, что она еле дотащила ноги до дому и что завтра может не подняться с постели. Салима занимали игры, потасовки с ребятами: он был главный драчун во всей округе.

И вот однажды мать не вернулась домой после тяжелой работы. Голодный Салим просидел под чинарой до самого утра, а утром взял в руки палку и ушел из родного до-ма, обиженный на мать и на весь белый свет.

По дороге он встретил змею и замахнулся на нее палкой, чтобы убить. Змея взмолилась:

— Не убивай меня, Салим. Что будет с моими детенышами, когда они вылупятся из скорлупок? Пожалей меня, славный мальчик.

— Знаю я ваше змеиное племя. Не будь я сильным и ловким, ты ужалила бы ме-ня, и я бы умер, а ты кормила мной твоих детенышей.

Так ответил змее Салим и замахнулся во второй раз.

— Не убивай меня, Салим! — опять взмолилась змея. — Я расскажу тебе тайну заколдованного города, где ты станешь богатым и счастливым.

— Знаю я ваше змеиное племя. Ты обманешь меня, а я останусь голодным, — от-ветил Салим и замахнулся в третий раз.

— Не убивай меня, Салим! — в третий раз взмолилась змея. — Если ты убьешь меня, то попадешь в тот заколдованный город, но станешь в нем самым несчастным из людей. Знай же, что я колдунья и царица змей...

Она не договорила, потому что Салим опустил корявую палку на ее хрупкую голову.

* * *

В ближайшем селении Салим попросил огня, зажарил змею и съел, а шкуру змеи повязал вокруг пояса и пошел дальше.

Долго ли шел Салим, нет ли, шел ли он вообще, не знаю. Только вырос перед ним большой город, где жило много людей, где стояли дома из белого камня, где кипели нескончаемые базары, где в самом центре, во дворце, жил могущественный султан, правитель государства.

У ворот города один старый дервиш остановил Салима и сказал ему:

— Мальчик, который скоро станет юношей! Я стар и слеп. Проведи меня через эти ворота, и я заплачу пошлину за себя и за тебя. А если ты приведешь меня в дом моего друга, я дам тебе еще денег, чтобы ты не голодал первое время.

— Хорошо, — сказал Салим и провел дервиша через ворота.

Он взял у дервиша кошелек, отсчитал из кошелька две монеты и отдал их страж-нику — за старика и за себя. Когда же они прошли ворота, Салим не стал возвращать старцу его кошелек. Он сказал:

— Поищи себе другого поводыря.

Сказал и ставил дервиша на улице.

— Пока не поздно, сними с себя змеиную шкуру: она погубит тебя, — прогово-рил ему вослед обманутый старик.

«А говорил, что слеп», — подумал Салим и с легким сердцем пошел на базар.

Там он отведал на чужие деньги разных блюд и сладостей, а потом пошел на площадь и заплатил страже за то, чтобы она позволила ему поглядеть на султана. Один из стражников дворца провел Салима за крепостную стену, спрятал в нише и показал богатую лестницу, где должен появиться султан. Стражник ушел, а Салим остался в нише.

Он ждал недолго. скоро заиграли карнаи и сурнаи, показалась свита, а следом за ней вышел на лестницу сам султан. Два черных человека держали над его головой кра-сивые опахала, а два белых человека все время что-то шептали на ухо владыке. Султан носил одежду, которая была гораздо богаче халата бая и расшита золотом.

— Всё ли в порядке в нашем городе и государстве, мудрецы? — спросил султан у расположившихся под лестницей людей.

Вперед вышел самый главный из них — наверно, это визирь, подумал Салим — и произнес:

— Владыка! Город живет в мире и радости. В мире и радости пребывает твое го-сударство. Народ благодарит тебя и Аллаха за сытую и спокойную жизнь. Если не счи-тать отдельных мелочей, все идет правильно.

— А есть ли беды в других государствах и городах? — спросил султан у визиря.

— Государство султана Джамшида постигла страшная болезнь, государство сул-тана Али заливают наводнения, из других городов и государств пока вестей не посту-пало. Наверно, там тоже все хорошо, — отвечал визирь. — Только вот змеиный народ испытывает несчастье: какой-то мальчишка убил и съел царицу змей. Змеиное племя в трауре.

Султан с волнением вопросил:

— А успела ли она передать ему тайну заколдованного города?

— Владыка! — отвечал визирь. — Ты пробовал взять эту тайну силой, хотел ку-пить ее за золото, выведать тайну хитростью, — но все твои попытки были безуспеш-ны. Никто не знает точно, успела ли царица змей поведать мальчишке тайну заколдо-ванного города. В неведении и все змеиное племя.

Салим так удивился важности тайны, которую мог запросто узнать, но не узнал, и которой так упорно добивается сам султан, что забылся и вышел из ниши наружу. Его тут же заметили.

— Взять его! — приказал визирь стражникам.

Когда Салима схватили, один стражник — из тех, что пропустили его во дворец — сказал ему шепотом:

— Только не выдавай нас: у меня четверо маленьких детей. А я тебе помогу бе-жать из нашего города.

Салим только хмыкнул в ответ.

Его привели к султану и заставили упасть на колени. Кто-то из свиты толкнул Салима в затылок, мальчик упал в землю лбом.

И тогда все люди ахнули:

— На его поясе — шкура царицы змей! Это он, мальчишка, который убил и съел царицу змей!

— Рассказывай, — приказал султан.

— Владыка… — проговорил Салим дрожащим голосом. — Я был голоден и по-тому съел змею. Я не знал, что она царица. Не казни меня, я был голоден. Меня броси-ла мать… мне… я…

И Салим заплакал от жалости к себе.

— Змея открыла тебе тайну заколдованного города? — сам дрожа от нетерпения, вскричал султан.

Салим перестал плакать. Он сообразил, что сейчас решится его жизнь. Если он скажет, что не поверил в тайну и убил змею, его тут же казнят за то, что никто и нико-гда не узнает тайны заколдованного города. А если он скажет, что змея поведала ему тайну, султан тут же потребует открыть ее. А тайны он не знал!

И сказал Салим:

— Царица змей поведала мне тайну заколдованного города. Но взяла с меня клятву… клятву не выдавать ее никому… никому…

Он заметил, как побагровел от гнева султан.

— …никому, кроме самого султана! — закончил Салим.

— Так говори же! — взревел султан.

— И еще… Еще царица змей взяла с меня клятву… клятву… Клятву не выдавать тайну даже султану, пока мне не исполнится двадцать лет! — обрадовался Салим своей догадливости.

— Владыка отправляется размышлять над услышанным, — разом объявили два белых человека, пошептавшись с правителем. А два черных человек яростно замахали опахалами, словно собирались погасить багрянец на лице владыки.

Султан со свитой удалились, только стражники крепко держали Салима.

— Благодарю тебя, — шепнул мальчику стражник.

Салим опять хмыкнул в ответ.

Но вот возвратилась на лестницу знать, и следом появился султан.

— Владыка повелевает, — объявили в один голос два белых человека, — взять мальчика во дворец и обеспечить ему сытую и привольную жизнь во дворце до того дня, как ему испол-

нится ровно двадцать лет!

— А та посмотрим, — добавил султан. — А еще я хочу тебя спросить: как ты по-пал во дворец? Ведь он надежно охраняется.

Салим усмехнулся и сказал:

— Здесь нет никакой тайны. Меня провели сюда за деньги вот эти двое стражни-ков.

Стражников тут же схватили. Их казнили в тот же день.

* * *

Прошло много лет.

Салим вырос и возмужал. Он привык сыто и привольно жить во дворце султана. Ему не отказывали ни в чем. Он научился сидеть в седле на коне, которого у них с ма-терью никогда не было, владеть любым оружием лучше самых доблестных воинов. Он побеждал в поединке самого султана. правда, это было нетрудно сделать: султан сла-вился воинскими успехами только потому, что всякому, кто побеждал его в этом ис-кусстве, тут же отрубали голову. Одному только Салиму почти все во дворце разреша-лось. Султан был с ним ласков: он ждал своей тайны.

Вот пошел последний месяц, в конце которого Салиму стукнет двадцать лет. Султан стал капризным и навязчивым. Он не отходил от юноши ни на шаг и все просил поведать ему тайну прямо сейчас, не дожидаясь положенного срока. Он приходил в гнев от любого пустяка, и головы ни в чем не повинных придворных слетали с плеч одна за другой.

А Салим был непреклонен. Он не поддавался на уговоры, не прельщался золотом и даже половиной государства, хотя ему очень нравилась младшая дочь султана, кото-рую сулил отец в придачу. Салим со страхом ждал того дня, когда уже нельзя будет отказаться и придется отвечать перед султаном. За восемь лет, проведенных во дворце, Салим научился читать и писать, перечитал множество мудрых книг, но ни в одной не встретил ни слова о заколдованном городе. Спросить у кого-нибудь совета он не ре-шался: это выдало бы его с головой. Салим пытался сам сочинить тайну, но за много лет у него так ничего и не получилось, хотя прекрасно получались всевозможные ко-роткие и длинные истории о ком и о чем угодно…

Змеиная шкура висела на стене его комнаты, и Салим подолгу всматривался в ее царственный рисунок, пытаясь прочесть по нему неизвестную тайну, но не высмотрел ответа в хитросплетениях завитков. Он похудел и почернел. Он перестал есть и пить.

И вот наступила последняя ночь перед двадцатилетием.

* * *

Султан распорядился украсить дворец: завтра утром начнется Праздник Раскры-тия Тайны. К этому дню мастера перестроили один из залов дворца — этот зал назвали Залом Тайны Заколдованного Города. Именно здесь, уединившись с Салимом, узнает султан желанную тайну. Зал находился рядом с комнатой, где прожил Салим все во-семь лет. И все восемь лет его не выпускала из виду дворцовая стража.

Салим не спал. Он поднялся и подошел к окну. Над городом мерцали звезды. Большая кровавая луна висела над крепостной стеной.

Салим зарыдал. Это была его последняя ночь. Завтра придет расплата. Он жил в богатстве и сытости, он много прочел мудрых книг, но радости это не принесло. Да, он жил в некоторой неволе, но… с этим можно было бы смириться, знай он тайну закол-дованного города. Если бы он ее знал!..

Тайна мучила его сильнее, чем султана: ведь султан жил надеждой, что узнает ее наконец,

а у Салима даже такой надежды не было.

Бежать! О чем же он раньше-то думал? Прямо в окно, спрыгнуть на брусчатку и метнуться к стене, в тень. Если услышат, он переждет в тени, а если нет, то с его-то ловкостью забраться по уступам в камнях, а потом спуститься наружу — пара пустя-ков. Городские ворота заперты, но ему, в его богатой одежде, их откроют немедлен-но… А там — воля, громадный мир…

Скрипнула дверь, в комнату тихо вошел султан. Он, конечно, тоже не спал в эту последнюю ночь.

— Скажи, Салим, а хоть какого свойства эта тайна? Нет-нет, можешь не говорить, ты только намекни, а я сам догадаюсь. А?

Салим вздохнул:

— Владыка, змея сказала, что я смогу раскрыть ее только в день двадцатилетия.

— Да я не прошу раскрывать тайну — недолго все-таки осталось. Ты намекни — о чем она? Может, о золоте? или о власти? А? Или о славе? Или — как держать народ в повиновении? Как защитить страну от врагов? О земле или небесах? А?.. Бога — нет?

Салим молчал. Он… да-да, он впервые вдруг осознал, какой властью обладает. Даже над самим султаном.

Султан донимал его до самого утра. А когда засветился восток, он упал на по-стель Салима, сраженный усталостью от волнения, длившегося, кажется, вечно.

И Салим понял, что час его настал. Как просто покончить с тайной раз и навсе-гда! Судьба дарит ему этот случай.

Он выглянул в пустой коридор. Стража мирно спала у дверей комнаты.

Салим осторожно приблизился к спящему султану…

Задушенного подушкой правителя Салим протащил мимо стражи в Зал Тайны Заколдованного Города и оставил его на полу. А сам выскочил в коридор и закричал:

— Помогите!..

* * *

Смятение овладело дворцом. Откровения Салима заставили всех ужаснуться. Бе-лый как полотно визирь стоял ни жив ни мертв, когда Салим рассказывал:

— …И как только блеснул первый луч, владыка повел меня в этот зал и в нетер-пении спросил меня о тайне. Он хотел узнать ее еще до торжества. И я поведал владыке тайну царицы змей. И он скончался, едва узнал эту тайну. А я всего-то навсего сказал ему, что…

— Не надо! — вскричали в едином порыве приближенные ко двору. — Не на-до… И слышать ничего не хотим.

Салим знал, что так будет. Теперь не надо сочинять тайну: никто никогда не за-хочет слышать ее, если за эту тайну поплатился жизнью могущественный повелитель. А еще никто и никогда не захочет стать султаном этой страны, потому что только сул-тану расскажет Салим свою страшную тайну. Тайну заколдованного города…

Салима единодушно провозгласили султаном!

Салим взял в жены младшую дочь бывшего султана и принял в приданое не по-ловину, а

все государство целиком. Пределы мигом облетела весть о новом султане. Все государства и земли, все языки очень скоро узнали новость и поразились удиви-тельной истории с тайной. Друзья государства Салима порадовались колдовскому мо-гуществу нового султана, а враги затрепетали и не помышляли о набегах.

Зато сам Салим стал подумывать о расширении границ. Прослышав об этом, вра-ги вовсе перепугались: еще никто из правителей не соединял в одном лице колдовскую силу и государственную власть.

Новый султан сколотил войско и начал войну с первым соседом…

Султану Салиму во всем сопутствовала удача. Малые и большие государства склонили перед ним свои знамена. Земли Салима простирались уже стол широко, что их нельзя было обскакать на коне за целый год. Богаче Салима не было султана во всей поднебесной.

«Ошиблась колдунья змея», — часто думал Салим, сидя на коне в очередном за-воевательском походе.

Правда. Змея сулила ему бедность, а он — богат. Все золото мира у его ног. Змея пророчила ему несчастье, а он — владыка могущественнейшего государства, в его ру-ках власть и слава…

Однажды, когда Салим возвращался из похода, маленькое селение, через которое проходили его войска, показалось ему знакомым. Знакомой показалась улица, а в конце ее Салим узнал свой полуразвалившийся домик и чинару под окном, где сидел он, го-лодный, дожидаясь, когда мать принесет ему похлебки.

Все жители попрятались. Салим велел визирю привести к нему кого-нибудь из живущих здесь.

Визирь привел пред султановы очи древнего старика, который молчал от страха.

— Кто живет в том глинобитном доме? — спросил Салим у старца.

Старик молчал.

— Кто там живет? — спросил Салим.

Старик не ответил.

— Кто жил в нем? — раздражаясь спросил султан. — У меня говорит даже глу-хонемой.

И старик заговорил. Он сказал:

— В этом доме жила одна добрая бедная женщина с мальчиком, который был не-годяем. В ту ночь, когда она умерла, мальчишка ушел из дома, даже не поинтересовав-шись, что стало с его матерью, которая надорвалась на тяжелой байской работе. У ма-ленького негодяя были повадки хищного зверя. Он вполне мог стать султаном.

Старик опять замолчал.

Усталым жестом Салим приказал отрубить ему голову.

* * *

Подойдя к змеиной шкуре на стене, султан Салим не поверил глазам: шкура за-шевелилась и ожила!

Она сползла со стены, обвилась вкруг его ног, потом вкруг пояса, вползла по его телу на плечо. Салим остолбенел. Он слышал, как шипит змея, но не мог шевельнуться.

— Я предупреждала тебя, Салим! — шипела змея в самое ухо. — Ты радуешься, что не сбылось мое колдовство, что ты богат и счастлив. А счастлив ли? Богат? Все твое богатство — в отнятых у несчастных бедняков последних крохах, в океане крови, пролитой тобой и по твоей воле или прихоти. А счастье твое, Салим, в обмане и лжи, какими ты взял себе чужой трон?

— Молчи… — еле слышно прошептал Салим.

— Нет. — Змея продолжала: — Любишь ли ты кого-нибудь, Салим? А любил ли ты свою мать?!. Не в радость тебе даже твое султанство. И живешь ты в заколдованном городе черной своей души, откуда нет возврата. Самый несчастный из людей…

Салим не мог вымолвить ни слова в ответ. Белый, точно камень, из которого сложен его город, он слушал простую тайну своей жизни.

А в окно, в щели ползли в комнату тысячи и тысячи змей — подданных убитой царицы, возглавляемые ее детьми.

Пришло возмездие…

БЕЛЫЙ ТИГР

Жил ли, был ли Охотник, не знаю. Да только говорят, что жил. Он охотился на тигров. Занятие это очень опасно, даже если у тебя верный глаз и точная рука. У Охот-ника были и точный хлесткий удар, и прекрасное зрение. А еще у него был очень ост-рый слух: иногда он слышал, как идет по земле муравей, шурша по песку лапками.

Охотник убивал тигров, снимал с них шкуры и относил во дворец, где были у султана Джамшида мастерские, в которых работали умелые мастера. Эти мастера дела-ли из тигриных шкур меховую одежду, которую потом продавали в далекие страны, обогащая и без того богатую казну султана. Но и Охотнику хорошо платили за шкуры. Он даже построил себе большой дом.

А не было у Охотника счастья. Не было у него ни жены, ни друзей. Когда Охот-ник был маленьким, он все время проводил в зарослях с отцом, который тоже охотился на тигров. Он овладел охотничьими навыками в совершенстве, но за это время все его сверстники разбрелись по белу свету, стали горшечниками и ювелирами, портными и поварами, лепешечниками и огородниками, и никто не стал охотником, и не было им до Охотника никакого дела. После смерти отца, когда Охотник остался один, никто не захотел отдать дочь за человека, у которого нет даже друзей, чтобы помочь в нелегкий час, который всегда один и пропадает неизвестно где. Так и жил Охотник, один-одинешенек на всем белом свете.

И вот однажды пошел Охотник на охоту. Долго не мог он выследить зверя, устал и захотел спать. Он нашел одну вытоптанную полянку, расстелил на ней плащ и заснул. И приснилась ему девушка необыкновенной красоты. Она ласково разговаривала с Охотником и была дочерью султана Тигра.

Когда Охотник проснулся, он затосковал по этой девушке, но все же посмеялся над собой: так ловко переплелись во сне повседневные заботы — и тигры, и султанский дворец совпали в одном лице. Да и невозможно, чтоб какого-то султана звали Тигром! Это было бы диковинкой.

— Ошибаешься, — раздался тонкий голосок где-то совсем рядом.

Охотник стал озираться, но никого не увидел.

— Это я говорю, я, — услышал он тот же голос. — Это я, розовая бабочка.

На тонком листе камыша сидела мелкая розовая бабочка.

— Почему же ошибаюсь? — спросил Охотник с интересом.

— А потому, что в двадцати шагах от тебя стоит султан Тигр. Иди же к нему, не упускай своего счастья.

Вспорхнув, бабочка улетела восвояси.

Охотник огляделся: невдалеке что-то белело сквозь камыш.

Он осторожно раздвинул кусты…

Какая удача! В камышах затаился белый тигр! Такое счастье выпадает охотнику раз в сто лет. Шкура белого тигра стоит баснословно дорого, да и слава об Охотнике пойдет далеко-далеко, по всему свету…

Тихо, как кошка, подкрался Охотник с подветренной стороны к белому тигру. Ловко раскатал и закинул он шелковую сеть. Попался в ловушку чудесный зверь! Охотник занес над тигром дамасский кинжал…

— Не губи меня, Охотник! — грустно сказал белый тигр. — Ведь на самом деле я не зверь, а султан Тигр. Злой джинн заколдовал меня, и вот я обречен скитаться по зем-ле в таком облике, а государством моим правят бесчестные люди, напустившие на меня джинна. Если можешь, помоги мне.

Опустил Охотник кинжал. Распутал тонкую прочную сеть, выпустил диковинно-го зверя на свободу.

Гулким рыком огласил тигр окрестности, и пришли к нему еще несколько тигров — обыкновенных, полосатых.

— А это мои верные подданные, — сказал Тигр. — Они тоже заколдованы. Это мой верный визирь Алим, это — первый мудрец на земле Абдурасул, а этот страшный громадный тигр — бывший мой телохранитель Абдулла. Со мною нет и никогда уже больше не будет моего придворного лекаря, которого ты, Охотник, убил на прошлой неделе.

— О, я не знал этого! — в отчаянии воскликнул Охотник.

— Да, — вздохнул Тигр. — Я прощаю тебя. Ты не знал. А убивать тигров — это твоя работа.

— Я искуплю вину! Приказывай! — взмолился Охотник.

— Спасибо, — с достоинством сказал Тигр. — Я верю тебе. Если можешь, пой-дем теперь с нами.

— Куда? — спросил Охотник.

Вместо ответа Тигр странно подпрыгнул… Оказалось, он сбил на лету когтистой лапой куропатку и теперь лакомился ею.

— Что поделаешь, есть-то хочется, — сказал он, когда покончил с завтраком. По-тряс головой, отряхиваясь от перьев, чихнул… — Вот так и живем. А пойдем мы с то-бой в мое царство. Чтобы помешать одному гнусному делу.

— Какому?

Тигр вздохнул. Вместо него ответил визирь Алим:

— Бандит Файзулла, захвативший трон, теперь задумал женить своего глупого сына на дочери султана Тигра. Так он решил укрепить свою безраздельную власть. По-сле смерти Файзуллы дурак Абдулла получит государство по двойному наследству — незаконному от отца и вполне законному, как приданое, от дочери султана Тигра. Надо помешать этой свадьбе.

Ясно представил себе Охотник дочь султана Тигра, которую видел во сне, и вспомнил, что

она жаловалась ему, Охотнику, на то же.

— Я рад служить тебе, султан Тигр! — твердо сказал он.

* * *

Ко дворцу султана Файзуллы подъехала сверкающая повозка, укрытая богатой бархатной материей.

— Куда? — в один голос воскликнули стражники, загораживая путь.

— На свадьбу принца Абдуллы! — так же в один голос ответили два головореза, управлявшие повозкой. Хозяин повозки, в дорогой одежде, сидел молча.

— Зачем? — вскричали стражники.

— Повеселить султана Файзуллу и его сына! — ответили два головореза. — Наш хозяин — великий укротитель, он покажет султану свое искусство.

И тут хозяин повозки поднялся и раскинул руки.

Два головореза сдернули покрывало, и в повозке оказалась клетка, в которой си-дели четыре тигра. Тигры выглядели очень смешно, потому что были одеты по-человечьи.

— Ап! — сказал укротитель.

И все четыре тигра встали на задние лапы.

— О-го-го-го! — загоготали стражники, и в этот момент в воротах появился вер-ный Файзулле визирь. когда он взглянул на то, как служат укротителю тигры, он подумал, что забава понравится султану. Особенно если припомнить, как Файзулла недолюбливает этих гордых животных… Есть за что!

— Пропустить в честь праздника! — распорядился визирь.

Хозяин повозки и два головореза низко поклонились.

* * *

Пир во дворце шел вовсю. Множество именитых гостей заполнили зал, упиваясь яствами. Под свадебным пологом сидели жених и невеста, и чем горше рыдала дочь султана Тигра, тем громче звучала музыка и веселей сыпались поздравления и восхва-ления султана и его доблестного сына.

— Великий укротитель тигров, посланец султана Джамшида! — объявил распо-рядитель.

Файзулла подскочил на троне:

— Сам могучий Джамшид прислал мне подарок! Вы видите, какой я великий султан!

И все низко поклонились самозванцу.

Тем временем в зал въехала повозка с клеткой. Тигры в клетке были потешно ра-зодеты. Кроме дочери султана Тигра, никто не заметил, что одежда тигров и людей во-круг повозки до странности точно копировала и высмеивала одеяния султана Файзул-лы, его сына и приближенных. Впервые дочь Тигра улыбнулась. Тотчас это событие было отмечено Абдуллой, и по залу распространилось радостное известие. Все вооду-шевились.

А укротитель уже показывал свое искусство.

— Вот ты! — ткнул он хлыстом в султана Тигра. — Покажи нам, как восседает на троне недостойный султан!

— Вот ты, — ткнул в Абдурасула. — Покажи нам, как задумывается над делами государства недостойный мудрец недостойного султана.

— Ты! — визирю Алиму. — Покажи нам напыженного, злого и подлого визиря.

— А ты покажи, как охраняет эту свору тупой обжора телохранитель, — сказал укротитель тигру Абдулле.

И тигры, выскочив из клетки, изобразили группу, весьма и весьма похожую на султана Файзуллу и его придворных. А два головореза гримасу, копирующую принца Абдуллу, да еще в двух экземплярах.

Все захохотали. Особенно вызывали смех поклоны укротителя сначала в сторону правителя и его свиты, а потом — в адрес группы застывших тигров.

Но по мере нарастания смеха, особенно под действием хохота дочери султана Тигра, менялись в лице и все более осмысливали происходящее истинные герои собы-тия — султан Файзулла и его придворные.

— Вон! — вскричал наконец султан Файзулла. — все подстроено! В темницу негодяев!!!

И вдруг тигры, став на четыре лапы, молниеносно окружили трон. А два головореза бросились к принцу Абдулле и вытащили его из-под полога, причем Абдулла все еще продолжал счастливо улыбаться, считая события свадебной шуткой.

— Люди, — сказал укротитель. А это был, конечно же, Охотник. — Люди! Эти тигры, — в это время тигры сбросили с себя шутовские наряды, — вовсе не тигры. Это ваш султан Тигр и его придворные, которые злой волей джинна, пособника Файзуллы, заколдованы в страшных зверей. Только в вашей воле сделать наоборот и поступить справедливо.

Люди — придворные и гости — в оцепенении встали с мест.

— Скажите, за кого вы? За Файзуллу — или за несчастного султана Тигра? — спросил Охотник.

— Слава! — раздались несмелые поначалу возгласы, но потом они переросли в неистовый рев: — Слава великому султану Тигру! Слава белому тигру! Слава султану!

Царственно стоял посреди зала белоснежный тигр-султан.

Зал грозил развалиться от буйного крика, словно от землетрясения. В страхе куч-ка самозванцев забилась едва не под трон. И в этот момент, повинуясь искреннему же-ланию многих людей, четыре тигра обернулись людьми, и все узнали своего дорогого султана, визиря Алима, мудреца Абдурасула и телохранителя Абдуллу. А Файзулла и его придворные — мгновенно превратились в тигров.

Охотник, два головореза и находившиеся в зале честные люди загнали пятерых зверей в клетку и навесили на нее замок. Но возле повозки остался никому не ведомый уродливый тигренок. Скуля, он пытался впрыгнуть в повозку. Наконец, все догадались, что это принц Абдулла, и помогли ему проникнуть в клетку.

Тогда два головореза сбросили с себя маскарадное одеяние, и все узнали самых настоящих братьев-укротителей, известных своим искусством, ибо не раз на глазах восхищенной публики мужественно укрощали самых свирепых зверей.

— Друзья мои, — сказал султан Тигр. — Я благодарен вам и этому благородному Охотнику на тигров за то, что вы восстановили справедливость. А раз уж мы собрались здесь, позвольте мне сказать, что я прошу прощения у всех, кого сумел обидеть за вре-мя моего прежнего царствования. Никогда вы не увидите меня злым и жестоким, но только справедливым.

Зал восторженно зашумел.

— И еще, — сказал султан Тигр. — Я объявляю Охотника мужем моей любимой дочери и отдаю ему половину моего султанского государства, с правом принять вторую половину после моей смерти.

— Слава! Слава султану! — вскричал зал.

Султан Тигр взял Охотника за руку и подвел его к свадебному пологу, за кото-рым скрывалась дочь-невеста.

— Отец, именно его видела я во сне! — объявила счастливая дочь.

Охотник тоже увидел девушку из своего сна…

* * *

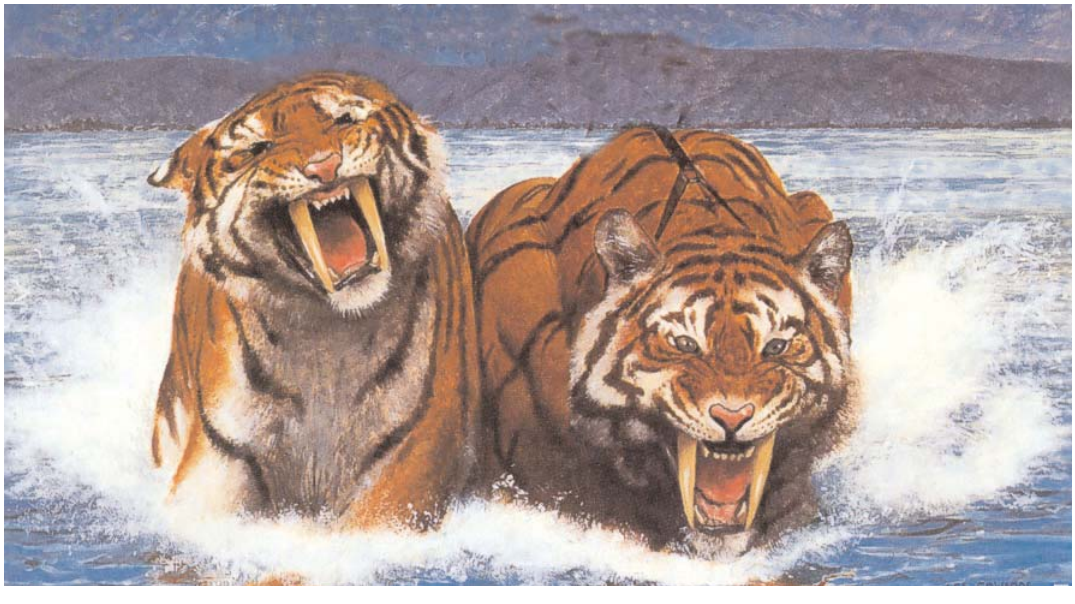
…и проснулся на полянке среди камыша.

Легкий ветер покачивал камыш, и он звенел. Но к этому звону примешивался другой звук — едва приметный шелест.

Охотник взглянул в сторону, откуда раздавался этот тонкий звук: на листе камышинки сидела розовая бабочка.

Охотник мечтательно улыбнулся, вспоминая сон, и осторожно раздвинул камыш…

На тропе стоял белоснежный тигр. Такая удача выпадает счастливцу раз в сто лет.



Интервью номера

На вопросы нашего специального корреспондента отвечает один из старейших писателей-фантастов СССР, советский и израильский физик, главный редактор журнала «Млечный Путь», член редколлегии журнала «РБЖ Азимут» Павел (Песах) Амнуэль

...что значит «фантасты не предвидели»?

ВОПРОС: Павел, Вы давно уехали из СССР и совсем как герои многих ваших фантастических произведений оказались в ином, непохожем на советский мире. Скажите, вам не показалось это фантастикой? Было ли в этом новом мире такое, к чему Вы привыкали с трудом или не можете привыкнуть до сих пор?

ОТВЕТ: В какой-то мере это, конечно, выглядело фантастично. В том смысле, как фантастична фантастика ближнего прицела. Уезжая, я примерно столько же знал об Израиле, сколько читатель, скажем, произведений Немцова в начале 50-х годов знал о мире счастливого социализма, о каком писал автор «Золотого дна». Впрочем, ощущение фантастичности прошло быстро — новая реальность вытеснила старую, оставив воспоминания. С трудом привыкал ко многим вещам, причем к таким, к каким, казалось бы, привыкнуть проще всего. Скажем, совершенно непривычный для «простого советского человека» Иерусалимский квартал Меа Шеарим, где живут ультрарелигиозные евреи, вовсе не произвел впечатления чего-то инопланетного, а вот к тому, что на любом нерегулируемом пешеходном переходе я могу перейти улицу, не глядя по сторонам, и любой автомобиль остановится, чтобы меня пропустить, — к этому до сих пор не привык. Вроде бы, мелочь, но всякий раз (и сейчас!) вспоминается родной Баку, где даже на зеленый свет улицу нужно было переходить с опаской.

ВОПРОС: Вас много и охотно публикуют в России, а Вы сами следите ли за состоянием современной российской фантастики? Есть ли авторы, которые по настоящему заинтересовали Вас как читателя?

ОТВЕТ: Разумеется, слежу. И не только слежу, но много лет активно участвую во многих дискуссиях, посвященных состоянию

фантастики в России (и шире — в странах СНГ). Опубликовал об этом немало статей и интервью в журнале «Полдень, XXI век», «Если» и в интернете. Например: http://krupaspb.ru/piter-book/fanclub/pb_fan_column.html?nn=122&ord=5&sb=&np=1

http://www.fantasts.ru/interviu/pavel-amnuel-budet-velikaya-nauka-budet-i-zamechatelnaya-nauchnaya-fantastika

Если в двух словах, то научная фантастика на русском языке (говорю именно об этой части фантастики, поскольку сам пишу НФ), впавшая в начале 90-х годов в коматозное состояние, в начале нового века тихо скончалась. Свято место, которое пусто не бывает, заняли фэнтези и боевая фантастика, которую издатели называют научной только потому, что там нет магов и волшебников, а есть звездолеты и боевые лазеры. В русскоязычной фантастике не осталось места для новых (да даже и для старых!) идей, связанных с современной наукой, с новыми научными дисциплинами и проблемами (от решения которых, кстати, прямо зависит будущее человечества). Связано это с многими причинами, но главное, конечно, в состоянии российского общества, потерявшего интерес к науке. В советское время мы гордились достижениями нашей науки, и было чем гордиться, как и победами в освоении космоса. Сейчас практически вся наука (а достижений в последние годы куда больше, чем полвека назад!) делается на Западе. Прославленная советская космонавтика тихо загнивает, множество неудач последних лет тому доказательство. Нет науки, нет интереса к профессии ученого — нет и научной фантастики. Процесс этот двусторонний — как наука в свое время питала идеями и сюжетами фантастику, так и научная фантастика питала идеями науку, о чем говорили корифеи-ученые. Многие фантасты были учеными или инженерами (И. Ефремов, Б. Стругацкий, Г. Альтов, И. Забелин, В. Савченко и многие другие).

В современной русскоязычной фантастике очень много названий, новые книги выходят ежедневно, но поражает однообразие, отсутствие новизны. Между тем, нельзя сказать, что интерес читателей к научной фантастике полностью исчез. Никуда не делись постаревшие поклонники НФ, но рынок диктует издателям свои законы: нет большого спроса на НФ, значит, ее и издавать не стоит, поскольку это будет заведомо убыточное предприятие. Да и авторам гораздо проще написать легко продаваемый роман для какой-нибудь серии вроде «S.T.A.L.K.E.R.», чем изучать идеи и достижения науки, пытаться эти идеи использовать, придумать персонажей, которым читатель поверил бы...

Научная фантастика стала не массовой, как прежде, а элитарной литературой. Но ведь и у элитарной литературы есть свой читатель, интересы которого нужно удовлетворить! Симптоматичный разговор состоялся у меня несколько лет назад с главным редактором издательства АСТ. «Мы сейчас работаем по американскому методу, — объяснил он. — То есть, издаем только то, что можно быстро продать, за месяц-другой». «Но в крупных американских издательствах, — сказал я, — есть отделы, издающие элитарную ли-

тературу хотя бы для поддержания престижа». «Да, — ответил редактор, — но мы же не Америка»…

Есть авторы, которые все же пытаются возродить традиции научной фантастики. Могу назвать имена Антона Первушина, Ярослава Верова, Игоря Минакова, пишущих НФ. Три НФ романа для юношества опубликовал Ник Горькавый. Но четыре имени и несколько книг не могут вывести из небытия целое направление фантастики. Для этого нужен, прежде всего, пресловутый «социальный заказ», которого нет и не будет, пока в России не изменится отношение к науке.

ВОПРОС: Знакомы ли Вы с современной зарубежной фантастикой? Кого из зарубежных авторов вы могли бы порекомендовать современному российскому читателю?

ОТВЕТ: К сожалению, моего знания английского недостаточно, чтобы с легкостью читать англоязычную фантастику в оригиналах. С современной зарубежной фантастикой знаком в переводах и по редким нынче обзорам. Но даже пользуясь этими ограниченными возможностями, можно сделать вывод, что на Западе НФ (или, как там говорят, «жесткая научная фантастика» — hard science fiction) развивается вполне гармонично. До самой смерти публиковал роман за романом классик НФ Артур Кларк. Пишут НФ Ларри Нивен, Грегори Бенфорд, Грег Иган, Стивен Бакстер, Тедди Чан, Роберт Уилсон, Питер Уотс, Питер Абрахамс, Ненси Кресс, Вернор Винлж, Пол Мелкоу. Книги этих писателей (многие из которых — ученые) выходят большими (порой миллионными) тиражами, авторы получают престижные премии «Хьюго» и «Небьюла». Книги всех этих авторов я могу рекомендовать российским читателям НФ.

ВОПРОС: Многие западные фантасты рисовали Советскую империю, как нечто извечно тёмное и мрачное, висящее над миром тысячелетиями, распространяющееся на галактики и вечно противостоящее Западу с его гуманитарными ценностями. Однако, как нам известно, никто из фантастов не мог даже предположить, что эта империя так быстро развалится сама по себе. Так возможно ли предвидение будущего?

ОТВЕТ: Фантасты XX века предсказали очень многое из того, что впоследствии осуществилось. И очень многое из осуществившегося предсказать не сумели. Если помнить только о том, чего фантасты предвидеть не смогли, можно сделать вывод, что предвидение будущего невозможно. А если помнить лишь о том, сколько чего фантасты предсказали, можно заключить, что пророком быть легко. Иными словами, как обычно: стакан или наполовину пуст, или наполовину полон, кому что больше по душе.

К тому же, что значит «фантасты предвидели» или «фантасты не предвидели»? Один автор (Артур Кларк) писал в середине 50-х о спутниках связи, а 99 авторов об этом не писали. Означает ли это, что «фантасты не предвидели»? В «поджанре» прогностической фантастики всегда работало очень немного авторов, и они-то сделали большинство сбывшихся прогнозов. Остальные фантасты, по выражению Рэя Брэдбери, не предвидели бу-

дущее, а предотвращали. Описывали возможные отрицательные следствия уже имевшихся тенденций и направлений в развитии человечества. Ядерную зиму, постапокалипсис... А Ефремов в это время писал о голографии («Тень минувшего»), изобретенной впоследствии, Альтов — о композитных материалах («Ослик и Аксиома») и так далее.

Фантасты предвидели гораздо больше деталей будущего, чем профессионалы-футурологи. К тому же, футурологи даже не пытаются заглядывать в будущее дальше, чем на 15-20 лет, такие прогнозы называются сверхдальнесрочными. А фантасты говорят о том, что может произойти через сто, триста, тысячу лет. И проверить правильность этих прогнозов смогут лишь наши отдаленные потомки.

И еще — о том, что «никто из фантастов не мог даже предположить, что эта империя так быстро развалится сама по себе». В большей части западных фантастических произведений о далеком будущем вы читаете о том, как американцы летают к звездам, о галактических империях, создаваемых американцами. Много ли вы знаете произведений западной фантастики об отдаленном будущем, где бы хоть как-то упоминался Советский Союз? Напротив, читая американских фантастов, читатель скорее может подумать о том, что в будущем никакого СССР нет в помине. Если такой страны нет в фантастике, следовательно, ее исчезновение было фантастами предсказано? Никто не описывал сам процесс исчезновения лагеря социализма, но будущее по-американски — это будущее без СССР.

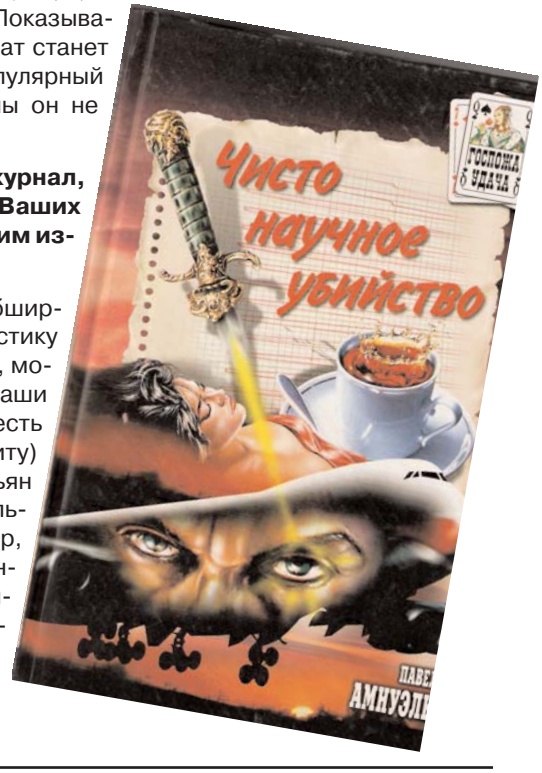
ВОПРОС: Еще вопрос в продолжение предыдущего — никто из фантастов прошлого не мог представить себе ни интернета, ни влияния социальных сетей на общество, ни твиттерных революций. Многие романы о гипотетических тоталитарных строях сегодня бледнеют перед глобальной информатизацией. Так имеет ли смысл технологическая фантастика? Многое ли она способна предсказать?

ОТВЕТ: В продолжение уже сказанного: смысл имеет ЛЮБАЯ фантастика, удовлетворяющая тот или иной читательский интерес. В том числе, конечно, и технологическая. И кстати, вовсе не потому, много или мало она способна предсказать. В любом случае — мало, конечно, поскольку мир огромен и разнообразен, а число авторов жесткой фантастики весьма ограничено, они просто не в силах предсказать всё. Читая новое произведение жесткой НФ, вы еще не можете знать, что из написанного осуществится, а что — нет. Мог ли читатель «Тени минувшего» Ефремова знать, что в этом рассказе предсказано появление голографии? Нет. Рассказ был интересен романтикой, достоверностью, новизной идеи, которая еще неизвестно, осуществится ли. Этим интересна и современная жесткая НФ — новыми идеями, новым взглядом на мир, пищей для воображения. Возможно, читатель какого-то современного НФ произведения сам и сделает потом открытие или изобретение, о котором прочитал в книге. Читая о том или ином будущем, мы его или приближаем, или опровергаем, но, в любом случае, будущее после чтения хорошей фантастики становится для вас другим. В этом смысле жёсткая НФ всегда предсказы-

вает правильно — хотя бы потому, что требует от читателя работы ума, фантазии, всего того, что необходимо для реального строительства будущего. Помните известный афоризм о том, что голодному нужно дать не рыбу, а удочку? Прогностическая фантастика это и делает: дает читателю чаще всего не «рыбу» (конкретное предсказание), а «удочку» (возможность самому это будущее построить).

ВОПРОС: Уже сегодня мы подошли к тому, что отдельно взятому человеку невозможно будет укрыться от всевидящего ока видеокамер, телеметрических сканеров, никуда не деться от вживлённых чипов и опознающих уличных сканеров — всё очень похоже на ситуацию, обыгранную в фильме «Вспомнить все» с Арнольдом Шварценеггером. Не кажется ли Вам, что мы вплотную подходим к созданию тоталитарного супергосударства, столь часто описываемого фантастами?

ОТВЕТ: О каком супергосударстве можно сейчас говорить, когда на планете существуют почти двести стран, уровень развития которых часто просто несравним? Что общего в технологическом и социальном развитии у Соединенных Штатов и Намибии? Уличные веб-камеры могут появиться на каждом углу в Нью-Йорке, но достаточно вам переехать из «центра цивилизации» даже не в джунгли, а в какую-нибудь деревню в Африке, и найти вас там не сможет и вездесущее ФБР. Мы не только не приблизились вплотную к мировому тоталитарному супергосударству, мы от него так же далеки, как от Луны. Я вообще не вижу тенденции, ведущей к появлению такого общемирового государства. Фантасты в данном случае работают не как предсказатели будущего, а, по определению Брэдбери, как «предотвратители». Показывают, каким может стать общество, если Большой брат станет вездесущим. «Что было бы, если...» — очень популярный фантастический прием, но предсказательной силы он не имеет.



ВОПРОС: Вы издаете фантастический журнал, пользующийся популярностью в Сети. Кого из Ваших авторов Вы можете порекомендовать российским издателям?

ОТВЕТ: У нас за два года возник довольно обширный «костяк» наших авторов, которые пишут фантастику на достаточно высоком уровне. Их я, без сомнения, могу рекомендовать российским издателям. Многие наши авторы и ранее были известны в литературе, у них есть свои книги, и не одна. Это (называю по алфавиту) Фред Адра, Юрий Алкин, Александр Бачило, Марьян Беленький, Кирилл Берендеев, Андрей Буторин, Эльвира Вашкевич, Виталий Забирко, Даниэль Клугер, Людмила Коль, Наталия Лазарева, Юрий Нестеренко, Хелью Ребанэ, Наталья Резанова, Татьяна Розина, Александр Рыбалка, Игорь Ткаченко, Далия Трускиновская, Александр Хуснуллин, Дэн Шорин, Михаил Юдсон.

У многих наших авторов пока в России свои книги не выходили, и я очень рекомендую российским издателям присмотреться к этим именам: Ольга Бэйс, Майк Гелприн, Люся Генсировская, Наталья Гук, Евгений Добрушин, Эдуард Золотаревский, Фрэдди Зорин, Ирина Кадин, Елена Клещенко, Виктор Леденев, Джон Маверик, Юрий Моор-Муратов, Сергей Пальцун, Радий Радутный, Анна Райнова, Жанна Свет, Андрей Силенгинский, Наталья Сорокоумова, Александр Тарнорудер, Леонид Шифман, Изя Шлосберг.

Заметьте, эти два длинных списка далеко не исчерпывают всех опубликованных у нас авторов, я назвал лишь самых, на мой взгляд, известных и перспективных. Для интернет-журнала, существующего менее трех лет, неплохая «галерея»...

ВОПРОС: Вы смотрите фантастические фильмы? Какой из романов или новелл какого автора вы бы могли рекомендовать для экранизации будущим кинорежиссёрам, как наиболее зрелищный и интересный для зрителя?

ОТВЕТ: Фильмы смотрю редко. Компьютерные и прочие чисто визуальные эффекты мне не очень интересны, а пищи для размышлений нынешние фантастические фильмы дают не так уж много. Поэтому мне трудно сказать, какой роман или новелла могли бы быть интересны для абстрактного зрителя — видимо, среднестатистического. Лично мне было бы любопытно посмотреть, что получилось бы из экранизации «Спина» Уилсона, «Интегральных деревьев» Нивена, «Пламени над бездной» Винджа. Очень интересный сериал мог бы получиться из экранизации романов Джаспера Ффорде о литературном детективе со странным именем Четверг Нонетот.

ВОПРОС: Недавно мир покинул выдающийся деятель мировой информатизации, глава корпорации «Apple» Стивен Джобс. Он мог бы позволить себе профинансировать криозаморозку собственного тела в ожидании будущего исцеления, пусть даже через 100-200 лет. Однако он не стал делать этого и тем самым как бы подвёл черту под надеждами других людей, мечтающих об излечении в будущем. Как по вашему — бессмертие это пустая выдумка? Или же под этими мечтаниями есть какое-то рациональное зерно?

ОТВЕТ: Бессмертие в философском смысле — как бесконечное во времени продолжение жизни — физически невозможно хотя бы потому, что смертна сама Вселенная. Она или сожмется в точку через два десятка миллиардов лет, или будет расширяться бесконечно, но тогда через триллион лет начнут распадаться атомы и даже элементарные частицы. А прежде наша Земля сгорит, когда Солнце, закончив эволюцию (ведь и Солнце смертно), превратится в красный гигант. Так что речь может идти о продлении жизни на астрономически большой срок. Миллиарда лет хватит? Но через миллиард лет мы всё равно умрем. Поэтому истинно бессмертным может быть разве что существо сверхъестествен-

ное, подобное Богу, который всемогущ, всеведущ и, соответственно, бессмертен. Об этом я писал лет тридцать пять назад в повести «Крутизна». Персонажи этой повести ведут разговоры о возможном бессмертии, и заканчивается это обсуждение фразой:

«Раньше-то разговоры о бессмертии велись в полной уверенности, что оно невозможно. Говорили «да», а думали «нет». Это «нет» и диктовало доводы. Говорили: зачем бессмертие? Развитие вида, изменчивость... Старцы с застывшими идеями... Природа мудрее, чем мы думаем. Бессмертие действительно невозможно без всемогущества. Природа не терпит нецелесообразности. Получив всемогущество, человек получит право на бессмертие, потому что даже за бесконечную жизнь он не сумеет до конца осознать свою бесконечную силу».

Не о возможности бессмертия нужно спрашивать, а о том, станет ли человек всемогущим. Сможет ли создавать звезды, галактики, вселенные... Если на этот вопрос ответить «да», то и бессмертие возможно.

ВОПРОС: И последний вопрос. Наш журнал читают многие молодые люди, которые не уверены в собственных силах, некоторые из них сомневаются, стоит ли делать литературу вообще, и жанр фантастики в частности своей профессией. Что бы вы посоветовали молодым, начинающим писателям-фантастам?

ОТВЕТ: Думать, конечно. Много думать, размышлять о сложных проблемах мироздания, истории, человеческих отношений. Понять, прежде всего, себя — что, как автор, ты сможешь сказать такого, чего до тебя или не говорил никто, или сказал не так, как можешь сказать ты. Тогда и свои идеи появятся, и вдохновение, которое поможет найти нужные слова. Писательская же техника придет с опытом.

Впрочем, если молодой автор ставит целью сделать себе имя, а фантастику — профессией, то есть, зарабатывать фантастикой на жизнь, то нужно иное: изучать требования рынка, угадать, какие темы интересны среднестатистическому (массовому) читателю, сделать фантастику ремеслом. Это совсем другой подход.

А выбор — за будущим автором.

Павел Амнуэль

Простые числа

Я не жду от жизни ничего хорошего. Не жду с тех пор, как умерла Софа, меня отправили на заслуженный отдых, а Вадик с семьей уехал в Штаты и поступил работать в престижную, по его словам, компьютерную фирму, где (опять же, по его словам) ценят «русские» мозги, подразумевая под этим мозги скорее советские, старой закваски. Сейчас, конечно, наши тоже кое-чего стоят, но разве сравнить нынешнее образование с тем, когда…

Ну вот. Как только начинаю о чем-то думать, мысль сразу сворачивает на проторенную колею — что это, если не свидетельство старости? С другой стороны, ведь действительно. Не скажу ничего о математике или, скажем, о биологии с химией, но в моей родной астрофизике разве не в семидесятых годах прошлого уже века сложилось поколение, с которым до сих пор считаются на Западе и на работы которого и сейчас можно найти ссылки в самых престижных журналах? Какие имена! Рашид Сюняев, Витя Шварцман, Коля Шакура, а чуть позже Коля Бочкарев, Володя Липунов, Толя Черепащук… Конечно, я понимаю, что никому, кроме профессионалов, эти имена не скажут ничего, но тем, кто хоть что-то понимает в астрофизике…

И опять я не о том. Об астрофизике я не собираюсь говорить ни слова — из науки я ушел… нет, если по-честному, то ушли меня, и, что совсем было не по-человечески, произошло это ровно на седьмой день после смерти Софы. Ко мне пришли коллеги, все такие же… ну, или почти такие же, как я — возраст пенсионный, но кто по своей воле оставит работу, которой посвятил жизнь? — и мы сидели, поминали Софу, говорили о том, какой она была отзывчивой, домовитой и умной. О ее уме вспоминал в тот вечер каждый, даже Анатолий Гаврилович, который Софу терпеть не мог, потому что она всегда говорила ему в лицо ту правду, которую никто, кроме нее, ему не сказал бы. И уже когда собирались расходиться, Анатолий этот Гаврилович поднялся и сообщил, будто не приговор зачитал, а великую радость поведал: мол, дирекция вас очень просит, Петр Романович, учитывая ваш возраст и то, что в последнее время в обсерватории стало плохо со ставками… В общем, пенсия у вас будет хорошая. «Маленькая, но хорошая», — пробормотал я в ответ, вспомнив персонаж рязановского фильма…

Вот тогда время для меня и остановилось. Не биологическое, оно-то, конечно, движется независимо от сознания и только в одну сторону, как река, которую невозможно перегородить плотиной и заставить изменить русло. Я имею в виду собственное психологическое время, которое то течет подобно великой реке Волге, то вдруг останавливается, застывает, как скованный льдом ручей, а бывает, что несется, будто горный поток, подбирая по дороге валуны воспоминаний, или даже, словно цунами, сметает все, оставляя позади груды развалин прошлого — самых страшных развалин на свете, потому что разрушенный бомбой город можно восстановить, а сломанная, уничтоженная жизнь не денется уже никуда…

Нет, положительно, старость — такая болезнь, которая неожиданно приходит и так же неожиданно забывается: сначала ты эту болезнь остро осознаешь, а потом, видимо, не то чтобы привыкаешь, но перестаешь считать болезнью. Это, мол, жизнь, а жизнь не болезнь, хотя и заканчивается всегда летальным исходом…

Вообще-то, я хотел рассказать о человеке, которому, в отличие от меня, не удалось дожить до старости, но почему-то начал рассказ с себя, хотя, по сравнению с покойным Олегом Николаевичем Парицким, я, конечно, личность в истории маленькая. Впрочем, о масштабе личности человека, погибшего на нашем пруду 15 февраля, судят сейчас по-разному: одни говорят, что такого мощного ума земля не рождала лет сто или больше, другие считают, что разговоры о гениальности Парицкого сильно преувеличены, а то, чем он занимался, вообще говоря, ближе не к математике, а к самому что ни на есть научному шарлатанству.

На мой же непросвещенный взгляд…

Впрочем, свой взгляд я еще смогу высказать и даже попробую его обосновать, но сначала, как говорит наш участковый инспектор Михаил Алексеевич Веденеев, «голые факты, не прикрытые одеждами следственных версий»…

* * *

В тот день я ездил в Репино за продуктами. Это недалеко — минут двадцать автобусом. Правда, автобусы через наш поселок проходят редко, но если знать расписание, то времени на ожидание теряешь не так уж много. Знать расписание, однако, дано не каждому, потому что, как однажды предположил все тот же Олег Николаевич, меняется оно, похоже, еженедельно и составляется с помощью генератора случайных чисел. О числах, впрочем, Парицкий мог говорить по любому поводу, и автобусное расписание, действительно странное, было поводом не хуже прочих.

Прошу прощения. Вместо того, чтобы излагать неприкрытые факты, я опять начал философствовать. Факты же таковы. В Репино я выехал автобусом в 11.45, а вернулся в 15.30. Еще подъезжая к остановке, увидел милицейскую машину с проблесковыми маячками, стоявшую у дома, где жил Парицкий. Естественно, мне и в голову не пришло, что Олег Николаевич чем-то нарушил наше уголовное или любое иное законодательство, и потому я решил, что менты… прошу прощения — представители органов правопорядка прибыли в наш поселок по каким-то своим делам, знать которые простым смертным не следует. Я отнес домой кошель с продуктами (конкретное его содержание к моему рассказу не имеет ни малейшего отношения) и вышел посмотреть, куда направятся товарищи милиционеры, покинув поселок. Тогда я и увидел, что дверь в домик Парицкого раскрыта настежь, двое милиционеров топчутся у порога, а на противоположной стороне улицы собралось человек двадцать, даже Никита приковылял на своем костыле.

Подошел и я, предчувствуя какую-то беду, но еще не понимая — какую именно.

— Что тут происходит? — спросил я у стоявшего ближе ко мне Никиты, потерявшего ногу во время одной из чеченских кампаний, не знаю — первой или второй, в то время я еще в поселке не жил, а спрашивать не хотел.

— Олег Николаевич, — хмуро сказал Никита.

— Что? — нетерпеливо спросил я. — Что Олег Николаевич?

— Утонул, — сообщил Никита.

— Утонул? — это было все равно, что сказать, будто Парицкого задрал медведь. Где он мог утонуть в середине февраля? Не в собственной же ванной! Речка наша, впадавшая в Неву, давно застыла, пруд тоже, а до Финского залива далеко, и чтобы там утонуть, нужно быть моржом, в то время как Олег Николаевич даже в августовскую теплынь не любил купаться, о чем сам мне как-то рассказывал.

Оставив Никиту, я направился к одному из милиционеров, представился и задал тот же вопрос: «Что происходит?».

На этот раз ответ оказался более пространным и точным. Более того, меня даже попро-

сили войти в дом, усадили в маленькой гостиной на стул, на котором я обычно и сидел, когда приходил к Парицкому в гости, и, прежде чем сообщить интересовавшую меня информацию, устроили перекрестный допрос. Перекрестный в том смысле, что вопросы задавали сидевший справа от меня гражданин в штатском и сидевший слева участковый Веденеев, знакомство с которым у меня было шапочным — однажды, вскоре после того, как я переехал в поселок, Михаил Алексеевич явился ко мне вечером, выпил три стакана чая с вареньем и выпытал всю биографию, начиная со дня рождения 3 апреля 1948 года в городе Клинцы Брянской области, и кончая покупкой дачного домика после смерти Софы и выхода на пенсию.

Ответив на вопросы, которые не могли иметь отношения к какому бы то ни было происшествию с Олегом Николаевичем, я задал — в третий уже раз — свой: «Что тут, в конце концов, происходит?»

Тогда участковый Веденеев и сообщил, что час примерно назад тело Парицкого было обнаружено в пруду, расположенном метрах в пятистах от поселка в направлении Питера. Пруд, понятно, замерз еще в ноябре, переправляться по льду на противоположный берег никому — и тем более Парицкому — в голову прийти не могло, потому что, во-первых, делать там было решительно нечего, а во-вторых, вокруг пруда шла тропа, по которой идти было куда удобнее, чем по льду, не очень-то прочному по причине мягкой нынешней зимы. Именно по этой тропе и шел некто (имени свидетеля Веденеев мне не назвал, и я лишь потом узнал, что это был Антон Челяев, шедший пешком от станции), увидевший, что метрах в десяти от берега лед сломан, образовалась довольно большая полынья, и в ней (могу себе представить, что почувствовал Антон!) виднеется человеческое лицо с выпученными глазами и раскрытым ртом.

Антон сразу понял, что спасать тут некого, и потому, не сходя с места, достал мобильник и позвонил в «скорую» и милицию. Участковый прибыл на место спустя семь минут (это Михаил Алексеевич особо подчеркивал, чтобы все обратили внимание на его оперативность), а «скорая» не приехала вообще, и тело пришлось вывозить в морг на милицейской машине.

Предварительные следственные действия, предпринятые еще до моего возвращения из Репино, заставили (именно так Веденеев сказал — заставили, и никак иначе) прийти к единственно верному заключению: Парицкий сдуру решил за каким-то чертом пересечь пруд по льду, но лед нынче сами знаете какой, и, понятно, проломился, в результате чего Олег Николаевич оказался в ледяной воде, из которой не смог выбраться. Несчастный случай, да.

Скорее всего.

— Чисто теоретически, — сказал участковый, массируя себе затылок, — можно допустить, что Парицкий... э-э... покончил с собой. Зачем, скажите, в здравом уме переть по льду, когда... ну, вы понимаете. Чисто теоретически, — с нажимом повторил Веденеев, — но мы должны отработать обе версии. Вот потому мы вас и спрашиваем. Вы лучше других знали покойника. Вы с ним общались. Что вы можете сказать о его душевном состоянии? Может быть... Депрессия?

— Нет, — сказал я. — Даже теоретически — нет. Олег Николаевич вел такой образ жизни, какой ему нравился. Он делал то, что считал нужным. Скорее уж я бы покончил с собой, чем он...

Я бы с собой тоже не покончил, но об этом я участковому, тем более в присутствии штатского следователя, говорить не стал. Но если чисто теоретически рассуждать о поводах, то у меня их было достаточно, а у Парицкого не было вообще. Чушь.

— Чушь, — убежденно сказал я. — Не мог он покончить с собой. Тем более — так.

— Ага, — с удовлетворением произнес штатский и записал в свой блокнот длинную фразу.

— Я тоже так думаю, — кивнул Веденеев. — Спасибо, Петр Романович, за помощь, идите домой, на вас прямо лица нет.

— Да, — вспомнил он, когда я встал и на нетвердых ногах направился к двери, — скажите, Петр Романович, вы ведь хорошо знали Парицкого… Кому сообщить о его смерти? Я знаю, что у него была жена, верно?

— Лена, — кивнул я. — Она в Питере живет. Если хотите, я ей позвоню…

— Да-да, — с готовностью согласился Веденеев, — позвоните. Скажите, что тело отвезли в Репино, пусть она обратится в тамошнее отделение милиции, вот телефон, спросит майора Кандыбу, он ей объяснит, что дальше делать.

Я взял листок, положил в карман куртки и вышел из полумрака комнаты в полумрак наступившего вечера. Звонить Лене мне не хотелось. Что я ей скажу? Но еще меньше мне хотелось, чтобы Лене звонил Веденеев или этот в штатском. Чужой голос и слова, которые не дай Бог услышать… Лучше я сам.

Но почему, черт побери, Олег поперся, как выразился участковый, по льду нашего пруда на противоположный берег?

* * *

Познакомились мы летом, я уже не помню точную дату, хотя Олег Николаевич сказал бы, что запомнить ее очень легко, потому что если что-то очень известное умножить на что-то, известное еще больше, то как раз это число и получится, какие проблемы? У Парицкого с запоминанием чисел проблем не было никогда, но ведь это профессиональное: так библиотекарь помнит по фамилиям всех читателей (точно знаю, Софа моя почти полвека работала в научной библиотеке обсерватории), а актер — текст длинной и не интересной пьесы. Олег Николаевич был по профессии математиком, диссертацию защищал по теории чисел, название я здесь приводить не стану, хотя — в отличие от даты нашего знакомства — прекрасно помню.

И помню, что день, когда мы познакомились, был очень теплым и солнечным, я только что переселился в купленный довольно дешево домик, сын помог с перевозкой вещей и сразу уехал в Пулково — не в обсерваторию, конечно, а в аэропорт, но дорога шла мимо моей бывшей работы, и я хотел проводить Вадика, чтобы по пути туда и обратно еще раз бросить взгляд на знакомые с юности купола и вспомнить… «Нет, — сказал сын, — зачем тебе лишний раз расстраиваться?» Тоже верно.

Вадик уехал, а я побродил по обеим пока еще не обжитым комнатам, стало мне тоскливо, и я пошел в лес, благо до ближайших деревьев было ходу минут десять, если не торопиться, а идти и думать о вечном.

Я и думал о вечном, когда увидел сидевшего на пне молодого мужчину — лет тридцати или чуть больше — с узким лицом и широко расставленными глазами, густыми бровями и распадавшейся на три потока каштановой шевелюрой. Рост я сразу определить не смог — это потом, когда Парицкий встал, представившись, я увидел, как он высок: больше метра восьмидесяти точно, на голову выше меня.

— Вы сегодня переселились? — спросил он. — Астрофизик, да? Знаете, это замечательно. А то ведь…

Он как-то неопределенно махнул рукой, а я, впустив, наконец, в сознание названное им имя, воскликнул:

— Постойте! Вы тот самый Парицкий?

Мне сразу стало неловко, и я хотел принести свои извинения, ну, сорвалось с языка, не всем приятно, когда о них говорят «тот самый», хотя некоторые готовы отдать за это очень многое, включая совесть, достаточно хотя бы пару вечеров посидеть у ящика и посмотреть новости.

Парицкий действительно поморщился, будто проглотил ломтик лимона, и сказал:

— Тот самый. Если вы имеете в виду…

— Нет-нет, — поспешил откреститься я от всего, что могло приписать мне воображение нового знакомого. — Ничего я в виду не имел. Вы математик?

— Математик, — кивнул он и добавил: — Тот самый. И если нам повезло оказаться рядом в этом поселке, мне так повезло точно, то не объясните ли, Петр Романович, почему в космологии принято говорить о темной энергии, когда это, насколько я понимаю, всего лишь возрождение известной эйнштейновской космологической постоянной?

— Ну как же! — воскликнул я, обрадовавшись, что могу поговорить с умным человеком на профессиональные темы. — Есть разница — и не только терминологическая.

Дальнейший разговор опускаю, поскольку содержание его имело бы смысл изложить на страницах академического журнала, но не здесь, где место лишь впечатлениям, ощущениям, представлениям — в общем, тому, что связано с нашей эмоциональной деятельностью, а не с рационалистическим описанием мироздания, каким бы интересным оно ни было с профессиональной точки зрения.

Вечером мы сидели в гостиной у Парицкого, пили чай с вафлями и спорили о кризисе современного образования. Домой я ушел засветло, но совершенно не представляю, сколько на самом деле было времени — стояли белые ночи, и на дворе могла быть и полночь, и пресловутый Час Быка, а может, наоборот, было еще рано, и меня просто сморили усталость и неожиданное умственное напряжение этого тяжелого дня?

Так мы познакомились и потом — до наступления холодов — ходили друг другу в гости едва ли не каждый вечер, а порой и в дневные часы, если у него или у меня возникала неожиданная идея, которую следовало срочно обсудить. У Парицкого не было ни обычного телефона, ни мобильного, так что визиты наши всегда происходили неожиданно, но никогда не были обременительными.

* * *

— Не могло этого быть, — уверенно сказала Лена, когда я сообщил ей о том, как погиб ее бывший муж.

Я долго готовился к этому звонку, не выношу женских слез, и по всем человеческим законам жена, пусть и бывшая, должна была охнуть, услышав о том, что случилось, потом воскликнуть «Нет!», а после этого заплакать в трубку или долго молчать, переживая и не находя слов.

— Быть такого не могло! — повторила Лена. — Вы сами, Петр Романович, можете поверить в то, что Олег поперся по тонкому льду на какой-то там противоположный берег?

Вот и она сказала «поперся», будто нет в русском языке других слов для обозначения этого действия.

— Но ведь… — сказал я и замолчал, потому что мне, наконец, послышались в трубке звуки, напоминавшие ожидаемый плач. Но это, скорее всего, были помехи на линии, потому что Лена правильно закончила начатую мной фразу, сказав совершенно трезвым, хотя и немного взволнованным голосом:

— Но ведь он пошел, да? Вот я и спрашиваю вас, Петр Романович: почему? Что заставило Олега сделать это? Что-то совершенно экстраординарное, вы понимаете?

Ах, какая разница… Может, он что-то увидел? Услышал? Показалось что-то? Кто сейчас на это ответит, да и смысл-то какой в поисках ответа? Олег Николаевич погиб так, как погиб, и этот наблюдательный факт невозможно изменить любыми предположениями.

По-разному люди реагируют на трагическое известие. Когда умерла Софа… Нет, не буду я это вспоминать, не буду, не хочу, не стану…

— Где, вы сказали, сейчас Олег? В Репино? Спасибо, что позвонили, Петр Романович, спокойной ночи.

Можно было подумать, услышав эти слова, что Парицкий напился, буянил, попал в милицию и сейчас спал там на узкой деревянной скамье, а дежурный мент составлял в это время протокол. Странный человек — Лена, всегда казалась мне странной, но я и знал-то ее больше по рассказам самого Олега Николаевича, потому что, когда мы с ним познакомились, он уже давно был в разводе. Лену я видел дважды, когда она приезжала к бывшему мужу, чтобы то ли забрать у него какие-то вещи, то ли, наоборот, привозила какие-то бумаги — о цели ее приезда Олег мне не докладывал, а я, понятно, не спрашивал, не имею привычки лезть в чужую личную жизнь. Впрочем, и в свою тоже не пускаю.

Как бы то ни было, но цели своей Лена добилась: положив трубку, я долго ходил по комнате из угла в угол, думал о соседе, вспоминал и, чем более в эти воспоминания углублялся, тем меньше понимал, за каким, действительно, чертом Олег поперся на противоположный берег нашего небольшого пруда прямо по льду, прекрасно понимая, что это не Финский залив, и толщина ледяной корки здесь вряд ли превышает пару-тройку сантиметров. Прежде, чем ступить на лед, Олег должен был выбрать, должен был принять решение, и я не мог себе представить, почему он не обошел пруд кругом — для этого требовалось всего на десять минут больше времени! Торопился? Значит, увидел на противоположном берегу такое…

Что?

Я посмотрел на часы: было двадцать два тридцать шесть. Время, вообще-то, не очень позднее, тем более для нашего участкового, который, по его же словам, раньше двух спать не ложился. Не потому что дела, а потому что бессонница.

— Михаил Алексеевич? — спросил я, хотя прекрасно, конечно, узнал голос.

— Петр Романович? — узнал и меня по голосу участковый и спросил участливо: — Тоже о Парицком думаете?

— Да, — признался я. — Как-то это все… странно. Ужасно, я хочу сказать. Такой молодой… Тридцать шесть. Жить бы и жить… Но… Странно.

— Вы не против, если я к вам сейчас загляну? — спросил Веденеев.

Вообще-то… Михаил Алексеевич непременно принесет бутылку, а пить мне совершенно не хотелось, даже на помин души, тем более, что и Олег не одобрил бы… Но и сидеть одному, рассуждая о том, чему я при всем желании не мог бы найти подтверждения, мне хотелось еще меньше.

— Конечно, — сказал я, — заглядывайте.

Я выставил на стол консервы, коробку вафель, банку маринованных огурцов — что еще можно было использовать в качестве закуски? И думал о том, под каким предлогом отказаться пить за упокой души раба Божия Олега. Но странное дело — Веденеев пришел с пустыми руками и сразу приступил к делу, едва переступив порог.

— Я, собственно, вот о чем, — сказал он, сбросив полушубок и шапку на диван, и присел к столу, отодвинув на противоположный край приготовленную закуску. — Вы мне тогда так и не ответили: почему…

— Олег Николаевич поперся по льду на противоположный берег, — закончил я. — Да, я все время об этом думаю. Лена… Я ей звонил… Она тоже считает, что не мог он этого сделать, будучи в здравом уме.

— Вот, — согласился Веденеев. — К сожалению, темнеет нынче рано. В четыре уже темно, вытащить-то его успели еще при свете, а потом… И следы, когда вытаскивали, затоптали.

— Следы? Какие следы?

— Не знаю, — резко сказал Михаил Алексеевич. — Но если Парицкий при всей его осторожности полез на лед, то была причина! Что-то он увидел. Или кто-то его повел. Может — позвал.

— С противоположного берега? — спросил я.

— Почему нет? Что-то было там. Так я подумал. Но сейчас темно, не увидишь.

— А ночью может выпасть снег, — мрачно сказал я.

— Вряд ли, — покачал головой Веденеев. — Небо ясное, мороз. Наоборот: если есть какие-то следы, к утру они только яснее обозначатся. Когда рассветет… Думаю, часов в девять самое время. Как вы…

— Конечно, — сразу согласился я. — Будете идти, позвоните, я выйду.

— Значит, договорились, — сказал Михаил Алексеевич и, вытащив двумя пальцами из банки огурец, отправил его в рот. — Надо бы помянуть Олега Николаевича, но это потом. Завтра. Когда разберемся.

Он ушел, а я с трудом уснул в три часа ночи. Может, в четыре. А может, и вовсе не спал, потому что все время вспоминал что-то, и было ли это во сне или в реальности, я сказать не мог, да и какая, собственно, разница?

* * *

Парицкий был «тот самый», и после нашего знакомства в лесу я специально вышел вечером в Интернет, нашел посвященный работам Олега Николаевича сайт (на английском, по-русски сделать такой сайт ни у кого почему-то не дошли руки) и перечитал резюме основных его статей, полный текст которых был для меня вообще-то недоступен — математику я знал, конечно, неплохо, но ровно настолько, насколько мне это было нужно для решения астрофизических задач, достаточно сложных для физика и вполне примитивных для математика-профессионала.

О Парицком заговорили в научных кругах еще тогда, когда он учился на четвертом курсе питерского матмеха — в одной из курсовых студент, как выяснилось, доказал неполноту «решета Аткина» для простых чисел. Доказательство, как оказалось потом, было недостаточно общим, но сначала шум в научных кругах получился изрядный — даже у нас в обсерватории теоретики из отдела небесной механики посвятили исследованию талантливого студента семинар, на котором я высидел до середины и смылся, не поняв и половины того, что было написано на доске и сказано с кафедры.

После университета Парицкому предложили остаться на кафедре и писать диссертацию на любую понравившуюся ему тему из любимой им теории чисел. Он же, однако, предпочел пойти младшим научным в Стекловский институт, где и числился до того дня, когда о нем заговорили по совершенно иной причине, с математикой связанной косвенно. За несколько лет Парицкий опубликовал десятка два работ, о каждой из которых говорили, как о замечательной, неожиданной, уникальной… Честно говоря, меня это не интересовало ни в малейшей степени — современная теория чисел так же далека от астрофизики звезд на поздней стадии эволюции, как белые карлики — от голубых сверхгигантов. Но фамилию Парицкого невозможно было не услышать, работая в любом научном учреждении, хоть как-то связанном с математикой: в двадцать четыре года он усовершенствовал тест Миллера-Рабина, в двадцать шесть расправился с задачей Виттингера, в двадцать семь… И все ждали, когда Парицкий иссякнет — известно ведь, что математики лишь до тридцатилетнего возраста радуют своими ориги-

нальными идеями и научными изобретениями, а затем наступает спад. Почему происходит именно так, не знает толком никто, но факт остается фактом — науке не известны математические открытия, сделанные учеными старше тридцатника.

Несколько лет назад о Парицком действительно говорить перестали — я даже подумал, что с ним что-то произошло, но оказалось, по словам наших теоретиков: ничего особенного — просто, как и следовало ожидать, фонтан идей иссяк, статьи продолжали появляться в математических журналах, но не содержали в себе ничего экстраординарного. К тому же, поговаривали, будто Парицкий женился, и жена ему попалась суровая в том смысле, что требовала от мужа внимания и отвлекала от научной деятельности.

Как-то года три назад я видел Парицкого на заседании какой-то академической комиссии, не помню уж, что тогда обсуждалось. Он тихо сидел в последнем ряду, положив ногу на ногу, смотрел на докладчика насмешливым взглядом и все время собирался что-то сказать — такое у меня, во всяком случае, сложилось впечатление, — но рта, тем не менее, не раскрыл, и сразу после начала прений встал и вышел, громко, надо сказать, хлопнув дверью, отчего два десятка голов повернулись и недовольно посмотрели ему вслед.

Потом я слышал еще краем уха, что жена Парицкого бросила — а может, он сам от нее ушел, в таких делах никогда не знаешь правды, да ее, наверно, и не существует. Кто-то сказал на семинаре, что теперь, возможно, Парицкий опять что-нибудь выдаст этакое... и он действительно выдал, но экстравагантный его поступок, о котором говорили много, но не могли сказать ничего, не имел прямого отношения ни к теории чисел, ни вообще к математике. Год назад Французская академия присудила Парицкому — первому из российских ученых — золотую медаль за доказательство бесконечности количества простых чисел Мерсенна. К медали прилагалась денежная премия в миллион евро, сумма немалая даже для хорошо обеспеченного европейского ученого, а для нашего — так вовсе клад, который удается найти раз в жизни. Парицкого пригласили в Париж, об этом писали все газеты, даже те, чьи сотрудники вряд ли отличали Евклида от Эйлера. Я мог себе представить, сколько журналистов в те дни пытались взять у Парицкого интервью — не потому, конечно, что хоть как-то интересовались решенной им проблемой; все хотели знать, что сделает лауреат с миллионов евро, то есть примерно с тридцатью пятью миллионами рублей. Проблема была не в том, что давать интервью Парицкий наотрез отказался. Он попросту исчез — не показывался на работе, не появлялся дома, в маленькой своей квартирке на Суворовском проспекте, не приехал на телевидение, где должна была состояться запись передачи о положении в современной российской науке. День-два даже поговаривали о том, что Парицкий уехал в Париж, но слухи эти официальными лицами не подтверждались, в Париже Парицкий так и не появился, а свет на таинственное исчезновение лауреата пролил репортер желтой газетки, название которой я успел забыть за ненадобностью. Фамилию репортера, впрочем, запомнил, да и трудно было выбросить ее из памяти — Попандопуло была его фамилия, попробуйте забыть, ничего не получится. Так вот, этот потомок героя «Свадьбы в Малиновке» нашел Парицкого в доме его матери в деревне... так и хотелось написать «Гадюкино», но на самом деле деревня называлась Гадырино и находилась километрах в пятидесяти от Владимира, где старушка, оказывается, жила, выйдя на пенсию, после смерти мужа, который при жизни был (слушайте! Слушайте!) служащим в Счетной палате. Считать числа — сделал вывод журналист — Парицкого научил отец, вот откуда у него эта тяга к арифметическим вычислениям.

Как бы то ни было, никакой новой информации Попандопуло в Гадырино не получил — кажется, его и в дом не впустили. Во всяком случае, в статье, которую репортер опубликовал после возвращения в Питер, дом Парицких был сфотографирован только снаружи, правда, с разных сторон и даже сверху — видимо, для съемки журналисту пришлось залезть на дерево. Вывод, который сделал Попандопуло, исходя из разговоров с соседями и личных наблюдений: ехать во Францию Парицкий не собирается, премия ему нужна, как рыбе зонтик, пусть отдают свой миллион кому-нибудь другому и не мешают ему заниматься цифрами. «Миллион, — писал журналист, — такая цифра, от которой никто не откажется в здравом уме. Значит, ум у

Парицкого не здравый, как, видимо, у всех гениев, известно ведь, сколько среди них было в истории шизофреников».

На следующий день в Интернете появилось небольшое письмо Парицкого — единственная его публикация, связанная с этой скандальной историей. Письмо было примерно такого содержания: «Прежде чем писать о математике, надо бы знать, что в русском языке есть всего десять цифр — от 0 до 9, все остальное — числа, которые записывают с помощью цифр. Цифры «миллион» не существует. Что касается медали, то я от нее официально отказываюсь, как и от денежной премии, которая меня абсолютно не интересует. И вообще, отцепились бы вы все, а?»

Понятно, что журналисты поступили наоборот: в Гадырино отправился десант, но акулы пера застали только мать лауреата, крепкую женщину, встретившую незваных гостей кочергой (из краеведческого музея, должно быть — писали назавтра в газетах) и не пожелавшей сказать ни единого слова. Односельчане же сообщили, что Олег Николаевич уехал, а куда — не сказал.

И все. Через неделю о Парицком писать перестали, а потом у меня начались свои проблемы: заболела Софа и угасла за два месяца, как свеча на ветру, потом меня отправили на пенсию, я переехал в дачный поселок... и встретил в лесу человека, при виде которого вспомнил полузабытую уже историю.

* * *

Я поднялся рано, еще не начало рассветать, и ощущение было таким, будто вовсе не ложился. Не люблю зимние ночи — не за то, что они такие долгие, а потому, что только зимними ночами явственно ощущаешь, как шелестит время. Летом почему-то такое ощущение не возникает, а зимняя ночь кажется тихой, только если не прислушиваться. Но когда напряжешь слух (чем еще заниматься, если не удается уснуть?), то слышишь тихое и внятное шебуршение и шелест, будто в быстрой речке перекатываются с места на место камни. Слушаешь и понимаешь: это не секунды текут — секунды, минуты, часы придумал человек, чтобы измерять нечто, названное им временем. В зимние ночи слышно, как сквозь сознание течет поток частиц, отделяющих следствие от причины, сегодня от вчера, меня-молодого от меня-старого. Это не время, такое, как мы его понимаем, это нечто более глубокое и темное, подобное темному веществу в галактиках, заставляющему звезды двигаться быстрее, чем им положено по закону всемирного тяготения, или темной же энергии, расталкивающей Вселенную, будто локтями...

Я поднялся рано, чтобы не слышать, как сквозь меня течет темная энергия, вездесущая и не описанная пока никакими формулами. Мне почему-то показалось, что именно сейчас, пока еще темно и ночь продолжается, я смогу сопоставить ряд прошлогодних наблюдений, к анализу которых приступил перед уходом на пенсию, а потом забросил — самому заниматься не хотелось, а у молодых своя тематика, свои задачи, и идеи, как им казалось, у них тоже были свои...

Я вызвал программу сортировки изображений и стал сравнивать две цифровые фотографии галактики NGC 6745 — по пикселям, по маленьким кусочкам пространства, которые на самом деле были огромными областями, по двадцать-тридцать парсеков каждая. Я был уверен, что мне удастся...

Участковый позвонил в дверь, когда у меня начали уставать глаза. Наверно, вовремя. Из-за его спины в прихожую заглядывало серое утро, тучи опустились еще ниже и, казалось, царапали коньки крыш, снег не шел, как и предсказывал Михаил Алексеевич, но если он действительно хотел обнаружить какие-то следы на месте вчерашней трагедии, то надо было поторапливаться, потому что снегопад мог начаться в любую минуту.

— Вы еще не готовы, Петр Романович? — недовольно пробубнил Веденеев, войдя в прихожую, но здесь и остановившись. — Скоро пойдет снег, надо…

— Да-да, — поспешил объяснить я. — Заработался… Рано утром, пока голова свежая…

— Свежая бывает колбаса, — резонно возразил участковый, — а голова бывает ясной.

— Ясной бывает погода, — не остался я в долгу, — а голова бывает соображающей, если на то пошло.

— Вот-вот, — проворчал Михаил Алексеевич, — соображение нам сейчас с вами понадобится.

— Что вы имеете в виду? — спросил я, когда мы уже шли к пруду, миновали последние дома и вышли на поляну, откуда начинался лесной массив, о котором говорили, что через год-другой все здесь вырубят и начнут строить новый поселок для людей богатых, не нам, пенсионерам, чета.

— Что вы имеете в виду? — повторил я, потому что Веденеев шел молча и целеустремленно, глядя на дорогу. — Вы что-то заметили вчера, о чем не сказали милиции?

— Я сам милиция, — буркнул участковый. — И не люблю, когда мне начинают…

Он оборвал себя — хотел, наверно, сказать какую-то колкость в адрес вчерашних оперативников, но не в моем же присутствии.

— Да, заметил, — продолжал Веденеев, немного помолчав. — И вы заметите тоже, когда придем на место. А пока…

А пока мы шли молча, миновали поваленное прошлогодней грозой дерево, пересекли вырубленный участок, по которому проходила высоковольтная линия, углубились в чащу и минут через пять вышли, наконец, к пруду.

Полынья, из которой вчера извлекли тело Олега Николаевича, за ночь замерзнуть не успела и виднелась черным большим глазом метрах в десяти от берега. Снег вокруг был весь истоптан, и какие следы тут мог еще обнаружить дотошный Веденеев, я не мог себе представить.

— Ну? — спросил он, пройдя по льду несколько шагов и остановившись, не доходя до полыньи: лед здесь был тоньше, и Веденеев не хотел оказаться вдруг в ледяной воде. — Видите?

— Что? — спросил я. — Здесь вчера так натоптали…

— Не здесь, — нетерпеливо сказал Михаил Алексеевич. — Дальше смотрите. Вчера в темноте никто не разглядел, а сейчас видно.

Я увидел. По ту сторону полыньи тянулись к противоположному берегу две цепочки следов. Непосредственно у кромки все было, конечно, затоптано, а дальше… Вот одна цепочка: кто-то шел к полынье. А рядом, почти параллельно, другая: кто-то шел обратно.

— Что это? — спросил я. — То есть, кто?

— Увидели, значит, — удовлетворенно проговорил Веденеев. — Давайте обойдем вокруг и посмотрим, откуда пришел человек. И куда ушел.

— Куда ушел… — повторил я, ничего толком не поняв.

Веденеев быстро пошел вокруг пруда, я едва за ним успевал, ноги скользили, а участковый шел уверенно и обогнал меня метров на пятьдесят. Когда я подошел, он, наклонившись, рассматривал на снегу что-то такое, чего я совершенно не различал: углубления, ямки, оттаявшие, а потом опять замерзшие участки…

— Валенки, — сказал он, не поднимаясь, — кто-то шел в валенках сначала к полынье, а потом вернулся и пошел вокруг пруда… к поселку, скорее всего. И пришел из поселка, а не со стороны станции.

— Что вы хотите сказать? — воскликнул я. — Кто-то хотел помочь Олегу Николаевичу выбраться, а когда не получилось, ушел, даже не попытавшись позвать на помощь?

Не ответив, Веденеев поднялся, отряхнул с колен снег и ступил на лед. Медленно, внимательно глядя под ноги, он пошел вдоль следов к полынье, до которой с нашего берега было метров сорок, а то и больше. Я стоял и смотрел, идти за участковым мне и хотелось, и было боязно, да что там боязно, я панически боялся, что лед треснет под моим весом, проломится… Господи, только не это. А ведь Веденеев тоже грузный мужчина…

Что могли означать следы? Может — ничего. Ну, был кто-то на пруду, так ведь не обязательно одновременно с Парицким. Может — раньше. Кто-то шел к станции, больше на этой стороне и делать нечего, кто-то шел… И свернул к полынье? Просто так? С противоположного берега было значительно ближе. А если не просто так, значит… Подошел, посмотрел на тонувшего Парицкого… Почему же вернулся на этот берег, если гораздо ближе — противоположный?

Веденеев тем временем прошел почти к самой полынье, до того места, где следы еще вчера были затоптаны оперативниками и спасателями. Постоял он там недолго, минуты две, и вернулся ко мне с видом задумчивым, и, я бы сказал, немного поэтическим, а вовсе не сумрачным, как следовало бы ожидать.

— Так я и думал, — пробормотал он.

— Что? — не вытерпел я. — Кто-то действительно видел, как тонул Олег Николаевич…

— Глупости, — прервал меня Веденеев. — Наоборот все было, понимаете?

— Наоборот? — я действительно не понял.

— Идемте, — вздохнул участковый. — Боюсь, что…

Чего боялся Михаил Алексеевич, я так и не узнал, потому что всю дорогу до поселка участковый молчал, как партизан на допросе, я пытался сначала спрашивать, но бросил это занятие, натолкнувшись на стену молчания. «Так я и думал». Думал — что? Никакие другие версии, кроме того, что какая-то, извините, сволочь, увидела попавшего в полынью Парицкого, поспешила на помощь, но перепугалась и дала деру, мне в голову не приходили, но и в этой версии я ощущал — не понимал логически, а именно чувствовал на подсознательном уровне — некую ущербность, неправильность. Похоже, у Веденеева было иное мнение, и я, естественно, хотел знать — какое именно.

Я думал, что мы зайдем ко мне, я поставлю чайник, и за чашкой чая Михаил Алексеевич все-таки расскажет о своих выводах, но с Балтийской улицы мы свернули на Покровку, и только тогда Веденеев повернулся ко мне и сказал:

— Петр Романович, вы знаете Асю Перминову?

Вопрос был неожиданным, и я не сразу нашелся, что ответить. Проще всего было сказать «нет», потому что никакой Аси Перминовой я не знал, в нашем отделе в Пулково работала лет десять назад Перминова, но звали ее Лидией Семеновной, занималась она теорией пульсаций короткопериодических переменных и ушла на пенсию, когда у нее родился второй внук, а зарплаты младшего научного, которую она получала всю жизнь, стало не хватать даже на месячный билет от города до обсерватории. Других Перминовых я не знал, но имя Ася, в отрыве от фамилии мне все-таки было знакомо, и потому я молчал, глядя на Веденеева, а он ждал моего ответа, остановившись на углу Покровки и Балтийского, будто именно от меня зависело, в какую сторону повернуть.

— Ася… — пробормотал я. — Это которая… ну…

— С приветом, — закончил за меня Веденеев. — Да, я о ней говорю.

— Не знал, что ее фамилия Перминова. Никто ее по фамилии при мне не называл.

Участковый кивнул.

— Вы ее вчера видели, Петр Романович?

— Я? Не помню. Давно перестал обращать на нее внимание. Она все время где-то тут ходит, бормочет что-то, понять ее трудно… А в чем, собственно…

— Вчера, — сказал Веденеев, — когда у пруда, а потом у дома Олега Николаевича собрался народ, Аси я в толпе не видел.

— Ну… — я попытался вспомнить. — Мне тоже кажется, что ее там не было.

— Странно, да? Она же везде появляется, как только что-то происходит. Любопытная. А вот днем я ее встретил, она шла по Покровке и что-то бубнила. И позавчера я ее видел, и днем раньше.

— Ну и что? — спросил я с нетерпением.

— Она в валенках была, вот что, — сказал Михаил Алексеевич суровым тоном и посмотрел на меня так, будто я перестал понимать очевидные вещи, не смог сложить два и два.

— В валенках… — повторил я и присвистнул. Сам от себя не ожидал — не свистел с тех пор, когда студентом вызывал на свидание из общежития Лизу, с которой мы три года встречались, а потом расстались без всякого сожаления.

— Вы хотите сказать, что это она была на пруду и ушла, даже не позвав на помощь?

— Это мы сейчас выясним. То есть, попробуем выяснить, с Асей никогда не знаешь… Вы пойдете со мной или…

Веденеев, похоже, хотел, чтобы я сказал «нет, не пойду, идите сами». Но я сказал:

— Пойду, конечно.

Михаил Алексеевич посмотрел на меня испытующе, но возражать не стал, наверно, думал, что я ему все-таки пригожусь, хотя я не понимал — в каком именно качестве. Повернулся и пошел — теперь я хотя бы точно знал, куда мы направлялись, и даже, как мне тогда казалось, понимал — зачем.

Ася была местной дурочкой. Бедная девочка… или девушка, ей было, скорее всего, лет семнадцать или даже восемнадцать, хотя выглядела она на двенадцать, не старше. Толстушка, с короткими пальцами, которые все время находились в движении, будто она хотела что-то кому-то объяснить с помощью азбуки для глухонемых. По уровню развития Ася была сущим ребенком лет, скажем, трех или четырех. Увидел я ее впервые в тот же день, когда переехал в поселок, грузчики переносили мебель, а мы с сыном таскали книги, Ася подошла и что-то затараторила, пыталась подхватить одну из пачек, та выпала из ее рук, развалилась, девочка перепугалась и заплакала, к ней подошел какой-то мужчина и увел прочь, а присутствовавший при этом сосед мой Аристархов (на зиму он переехал в городскую квартиру) сказал, чтобы я не обращал внимания: это, мол, Аська, местная юродивая, почти даун, но на самом деле не классический, у девочки генетическое отклонение, кое-что она понимает, говорит прилично, но читать не может…

Потом я, конечно, много раз встречал Асю в поселке — летом она, по-моему, весь день проводила на улице, а когда настала зима, то выпускать ее, видимо, перестали, я, во всяком случае, встречал ее очень редко, она брела, глядя в пространство перед собой, что-то по обыкновению бормотала и… да, я теперь вспомнил, на ногах у нее были валенки.

Мне почему-то никогда не приходило в голову спросить у кого-нибудь, кто Асины родители, как ее фамилия, где ее дом, в конце-то концов. Ася была объективной данностью, как ста-

туя, стоящая на площади, — стоит себе и пусть стоит, никому не мешает.

— Вы думаете… — сказал я, прерывая молчание.

— Что? — Веденеев тоже думал о чем-то и не сразу понял мой вопрос. — А, вы об… В валенках сейчас мало кто ходит, Петр Романович. А размер следа небольшой, детский скорее. Вот.

— Даже если на пруду была Ася, — сказал я неодобрительно, — надо ли ее тревожить? Она же не отвечает за свои поступки. Если и видела, как тонул Олег Николаевич, то все равно не могла позвать на помощь, ее бы просто не поняли.

— Она не видела, как тонул Олег Николаевич, — покачал головой Веденеев.

— Но вы только что сказали…

Веденеев остановился напротив двухэтажного дома, за которым начинался пустырь. Я никогда не бывал в этой части поселка, делать мне здесь было нечего, лес находился в противоположной стороне, дорога к станции тоже. В двухэтажке жили, скорее всего, четыре семьи, это был обычный каменный дом, выглядел он старым и унылым, но и день тоже сегодня был не радостным…

— Я сказал, — Веденеев подошел к обшарпанной двери, когда-то коричневой, а теперь похожей на покрытого струпьями больного проказой, остановился и повернулся ко мне. — Я сказал, что Ася, скорее всего, была вчера на пруду, верно. Но она не видела, как тонул Парицкий. Похоже, все было наоборот.

— Наоборот? — я все еще не понимал, хотя мог бы уже сложить те самые два и два.

— Может, она что-то помнит, — вздохнул Михаил Алексеевич, — а если нет… Ну, значит, уйдем тогда, что с нее взять…

Он, наконец, поднял руку и трижды позвонил — знал, наверно, к кому сколько звонков. Когда дверь открылась, на пороге возникла женщина удивительной красоты, и у меня перехватило дух: это была купчиха с картины Кустодиева. Впрочем, одета она была просто: на ней была теплая коричневая юбка и тяжелая шерстяная кофта, каштановые волосы забраны на затылке в пучок, а глубокие синие глаза смотрели отчужденно и даже, по-моему, враждебно. Она совсем не была похожа на Асю, но по тому, как отреагировал на ее появление Веденеев, я все-таки решил, что это — Асина мать, да так оно сразу и оказалось, когда женщина спросила, глядя не в глаза участковому, а на его форму:

— Асенька что-то…

— Ничего, Наталья Никитична, — быстро сказал Веденеев. — Уверяю вас, все в порядке.

— Вы… — она посмотрела на меня, и мне показалось, что она меня узнала, хотя я точно мог сказать, что никогда прежде ее не видел.

— Это Петр Романович Амосов, — представил меня Веденеев. — Сейчас на пенсии… Мы можем войти?

— Да, конечно, — Наталья Никитична посторонилась, и мы вошли сначала в темное парадное, потом поднялись на второй этаж по типичной питерской лестнице с отбитыми ступеньками и оторванными перилами, и вошли в квартиру, где ощущался странный запах чего-то пряного.

Я все еще не понимал, о чем собирался говорить Веденеев — с Асиной мамой или с самой Асей, что, по-моему, было не только бессмысленно, но и, возможно, не очень-то полезно для душевного здоровья девушки, если, конечно, ее состояние можно было хоть в какой-то степени назвать душевным здоровьем. Мне почему-то стало не по себе, когда я представил, как Ася смотрит на Веденеева ничего не понимающим взглядом, а тот задает вопросы, совершенно ей непонятные, и девушка начинает нервничать…

К счастью, в комнате, куда завела нас Наталья Никитична, Аси не было — возможно, ее вообще не было дома, потому что нас окружала вязкая тишина, и каждый шаг отдавался в ушах, будто удар тяжелого молота о мягкую, податливую наковальню.

Я думал, что участковый спросит сейчас, где Ася, но Михаил Алексеевич, так и не сев на предложенный ему стул у круглого стола, покрытого белой скатертью, задал неожиданный вопрос:

— Скажите, Наталья Никитична, Ася вчера не простудилась?

— Слава Богу, — не найдя в этом вопросе ничего странного, ответила Асина мама. — Вроде обошлось. Но я, конечно, сразу поставила ее под горячий душ, потом насухо обтерла и… ну… дала выпить грамм пятьдесят. Шубка была мокрая насквозь. Не представляю, она, видимо, вывалялась в сугробе, я спросила, но вы же знаете…

— Да-да, — быстро ответил Веденеев. — Вы, значит, спросили, а она не сказала.

— Она что-то не то сделала? — опять забеспокоилась Наталья Никитична. — Почему вы спрашиваете?

— Ничего она не сделала, — повторил Веденеев. — Уверяю вас. Это Асины валенки в передней?

— Да, — кивнула Наталья Никитична. — А что?

— Они до сих пор мокрые, я видел.

— Мокрые, — вздохнула Наталья Никитична. — И еще будут сохнуть, они медленно высыхают. Поэтому я сегодня Асю на улицу не пустила. Да она сама… Как вчера заснула, так и спит до сих пор. Я все щупаю лоб — нет ли жара. Нет, слава Богу.

— Ну и замечательно, — улыбнулся Веденеев и встал. — Не будем вам мешать, Наталья Никитична.

— Но… Вы так и не сказали…

— Да не беспокойтесь вы, — отмахнулся Веденеев, топая в прихожую, где рядом с обувным ящиком действительно стояли темные небольшие валенки, аккуратные и, похоже, не очень-то дешевые. — Все в порядке, я просто обход делаю, вот мы с Петром Романовичем и зашли по дороге…

— Понимаю, — сказала Наталья Никитична, закрывая за нами дверь. Она, похоже, действительно ничего не поняла, в то время как до меня дошел, наконец, ход мыслей Веденеева.

— Значит, вы считаете, — начал я, когда мы вышли на улицу и пошли обратно, в сторону Балтийской, — что это Ася попала в полынью, Олег Николаевич увидел, бросился спасать…

— …И спас, — думая о чем-то своем, отрешенно отозвался Михаил Алексеевич. — Вытолкнул ее на лед, да. Она и убежала. Той же дорогой, что пришла к пруду.

Я живо представил эту картину. Олег Николаевич медленно бредет по тропинке, думает, как обычно, о своих числовых конструкциях, слышит чей-то крик, видит, как барахтается в ледяной воде Ася, только голова торчит, сейчас тяжелый полушубок утащит ее на дно, что делать, Парицкий бросается на помощь, дальше не знаю, может, и под ним проваливается лед, а может, он доползает до полыньи, тянет Асю за руки, а она сопротивляется…

— О чем вы думаете, Петр Романович? — прервал мои размышления Веденеев.

Я вздрогнул. Мы уже дошли до угла, мне надо было налево, а участковому, если он собирался к себе на работу, — направо.

— Надо, наверно, чтобы все знали, что произошло на самом деле, — пробормотал я. — Олег Николаевич поступил, как…

— А сам бы он хотел, чтобы узнали все? — прервал меня Веденеев. — И Асина мама хотела бы, чтобы все узнали? На Асю и без того косятся, а если пойдут разговоры, что из-за нее человек погиб…

— Но…

— Вот именно. Но. Надо подумать. Подумайте, хорошо, Петр Романович? У меня еще много работы сегодня. Потом мы с вами поговорим об этом.

Он протянул мне руку, мы обменялись рукопожатиями и разошлись в разные стороны. Я шел домой и думал вовсе не о том, о чем, как представлялось Веденееву, должен был думать. Я думал о том, что Парицкий, направляясь вчера к пруду, знал… Не предчувствовал, но знал точно. Что именно? Что увидит барахтающуюся в полынье девушку? Или знал только то, что именно сегодня должен будет принять решение, которое…

Если он что-то знал, то мог оставить какой-нибудь знак. Дом заперт, конечно. Возможно, опечатан. И у Веденеева есть ключ. Не к комнатам, в которых теперь нет жизни, а к тайне, которую Парицкий унес с собой.

«Потом мы поговорим об этом». Я попрошу его об одолжении. А может, ключ есть у Лены, она ведь время от времени приезжала к бывшему мужу.

Я дошел до дома, скинул куртку, сел возле теплой батареи и стал думать.

* * *

Олег Николаевич не любил рассказывать о своей жизни, да и я тоже не особенно о своей распространялся. Мы ходили друг к другу в гости, часто — пока погода позволяла — гуляли в роще и у пруда тоже, летом и ранней осенью там было замечательно. Говорили мы не о бытовых проблемах, а о науке — о чем еще могут говорить два научных работника, пусть даже между ними четвертьвековая разница в возрасте? Мы даже оба могли называть себя бывшими, хотя и по совершенно разным причинам. Я-то уже был на пенсии, и должность, которую занимал последние четверть века, досталась другому. Что до Парицкого, то формально он оставался сотрудником Стекловского института, членом редколлегии журнала «Вопросы математики», но на работу не ездил, по его словам, около полугода, на зарплате это, в общем, не сказывалось, поскольку платили все равно нерегулярно, а научные свои работы Олег Николаевич предпочитал публиковать на собственном сайте в Интернете и уверял, что это гораздо эффективнее, чем в любом западном журнале, не говоря о российских. Журналы (даже в их электронной форме) сейчас читают все меньше, а интернетовские блоги ученых — все больше, именно здесь, в блогах, самая свежая информация от авторов, не искаженная вмешательством рецензентов и редакционной цензуры, именно здесь можно в лицо высказать автору все, что думаешь о его творении — в общем, именно так делается современная наука, в этом Парицкий был совершенно убежден. Может, он даже был прав: во всяком случае, работа, за которую Французская академия присудила Парицкому медаль и миллион евро, появилась сначала на сайте Олега Николаевича и уже потом, часто даже без его ведома, была растиражирована на множестве прочих сайтов и форумов. Наверняка любой самый престижный математический журнал поместил бы статью Парицкого на своих страницах, но…

— Это сейчас не эффективно, — говорил мне Олег Николаевич, — отнимает много времени, а число читателей нисколько не увеличивает, это проверено. В журнале пока отрецензируют, пока ты будешь убеждать рецензента в том, что он не прав и вообще не понял, о чем речь, пока редакция примет решение, пока появится публикация… Этот процесс и сейчас занимает до полугода и больше. В своем блоге я могу делать изменения хоть каждую минуту, как только возникнет новая идея или новое доказательство. И в тот же момент коллеги во всем мире получают возможность ознакомиться… На самом деле не так много людей читает ту или иную

статью. Это же теория чисел, а не кулинарные рецепты. Сто человек, ну триста в лучшем случае. Понимают вообще десятки, если не единицы. Нет-нет, Петр Романович, не возражайте, блог гораздо эффективнее журнала.

Я и не собирался возражать. Интернет слишком поздно появился в моей жизни, поздно было менять собственный стиль и свои научные привычки. Две свои последние статьи — об аккреционных дисках вокруг старых нейтронных звезд — я, как прежде, послал в «Астрономический журнал». Я успел стать пенсионером, а работы все еще не вышли из печати: одна проходила второе рецензирование, другая была принята и дожидалась своей очереди на публикацию — журнал же не резиновый, как мне сказали в редакции, а электронная версия всего лишь отслеживала бумажные публикации, вперед не забегала…

Я приглашал Парицкого на чай, а он меня — на кофе, так мы и ходили друг к другу в гости: я заваривал мой самый любимый чай, смесь пяти сортов, никаких пакетиков, неповторимый аромат, только такой чай я и пил, тем более, что в последние годы мог позволить себе это удовольствие. Раньше, в советские еще времена, чуть ли не единственным относительно приличным чаем был индийский со слониками, тоже, надо сказать, изрядно попорченный нашими упаковщиками. А Парицкий к моему приходу готовил замечательный кофе — в отличие от чая, в сортах кофе я не очень-то разбирался, но вкус всякий раз был немного другим и всегда замечательным.

— Знаете, Петр Романович, — рассказывал Парицкий, мелкими глоточками отпивая из чашки, чтобы по-настоящему ощутить аромат, — я долго не мог отыскать для себя область математики, которая точно соответствовала бы моему характеру и тому, чего я ждал от жизни. Я имею в виду жизнь в науке, которая одна только и является истинной жизнью разумного человека, в отличие от многочисленных трепыханий, которые приходится совершать, чтобы соответствовать тому, что называет жизнью все остальное человечество.

— Насколько я знаю… то есть, слышал, — вставил я свое слово, — извините, сам я ваших работ не читал, я ведь астрофизик, математика для меня — только аппарат, которым…

— Ну что вы, Петр Романович! — воскликнул Парицкий. — Вы не читали! Я бы сильно удивился и, честно скажу, попросту вам не поверил бы, если бы вы сказали, что читали хотя бы один мой опус. Большую их часть не читали даже мои коллеги по кафедре. Извините, я перебил вас…

— Да… — протянул я. — Я хочу сказать, что только слышал о теме ваших исследований. Теория чисел, верно?

Парицкий хмыкнул.

— В принципе, — кивнул он. — Это, знаете, все равно, как если бы вы сказали о себе, что занимаетесь релятивистской астрофизикой. Слишком общо, да?

— Конечно. Я вас понимаю. Премию эту вам присудили за…

— Ради Бога, Петр Романович, я вас очень прошу: ни слова о премии! Если вы тоже будете меня спрашивать, почему я от нее отказался…

— Не собираюсь, — сказал я. — Меня совершенно это не интересует.

Боюсь, что Парицкий мне не поверил, но мы все-таки перешли к другой теме и весь вечер обсуждали возможные квантовые особенности черных дыр. Самая светская беседа, как говорила мышь в кэрроловской «Алисе». В физике Олег Николаевич, как выяснилось, понимал все-таки больше, чем я в теории чисел, и к полуночи мы пришли к согласованному выводу о том, что, скорее всего, квантовые эффекты действительно приводят к сохранению информации, поглощаемой черной дырой.

— Завтра, — сказал Парицкий, когда около часа ночи обнаружил вдруг, что засыпает, — завтра приходите ко мне. Очень приятно с вами общаться.

— Взаимно, — ответил я.

Мне действительно было очень приятно, и вовсе не потому, что Парицкий был человеком известным — как говорится, хорошо известным в узких кругах, — но с ним оказалось удивительно легко разговаривать о самых сложных проблемах, даже о таких, какими я давно интересовался, но имел представление, весьма отдаленное. Современная математика, например. Для моих расчетов вполне хватало дифференциальных уравнений в частных производных, и о большинстве нынешних математических проблем я знал на уровне любого обывателя, получающего знания из интернетовских научных новостей.

К Парицкому я пришел точно в назначенное время, встречен был без суеты, но с должным благожелательством, и за чашкой замечательного кофе, приготовленного по какому-то экзотическому, как сказал хозяин, рецепту, мы продолжили обсуждение «наших баранов». Подавая мне вторую чашку кофе, Парицкий неожиданно сказал:

— А женился я в точном соответствии с теорией чисел, и поэтому брак мой оказался таким счастливым.

Я молчал, пытаясь понять две вещи: что он положил в кофе, отчего напиток стал терпким, хотя и оставался горьким, и что он подразумевал под счастливым браком, если сейчас, судя по всем признакам, женат не был.

По достоинству оценив мое ненавязчивое молчание, Парицкий с задумчивым видом продолжил:

— Скажите, Петр Романович, когда вы принимаете какое-нибудь важное решение, какими принципами вы обычно руководствуетесь?

Вопрос показался мне не то чтобы неожиданным, но, во всяком случае, не связанным со словами о счастливом браке.

— По-разному, — сказал я, думая о том, как бы не сморозить глупость. Задавая вопрос, Парицкий наверняка имел в виду какие-то конкретные принципы, но ничего путного мне в голову не пришло, и я сказал, что думал. — Всякий раз нужно учесть по возможности все обстоятельства, но чаще всего сделать это не удается — если решение действительно важное и сложное, — и, знаете, Олег Николаевич, часто получается так, что вроде бы сопоставляешь, решаешь, а потом оказывается, что мог и не думать, просто ткнуть пальцем в один из вариантов выбора, результат был бы ровно таким же.

— Вот-вот! — оживленно проговорил Парицкий. — Я тоже обратил на это внимание. Собственно… еще в школе. Я с раннего детства любил числа. Все время что-то с чем-то складывал, умножал… Вундеркиндом, кстати, не был, в уме считал плохо, постоянно ошибался. По математике у меня до десятого класса были тройки, а по тригонометрии как-то даже жирная единица, потому что мне совершенно не давались формулы тройных углов. Но я не о том. Меня заворожили простые числа. Не знаю почему. Однажды я вот так же оказался сражен картиной в Эрмитаже. Нас привели на экскурсию — в девятом классе, помню как сейчас. Я никогда не интересовался живописью. Да и скульптурой тоже. И уж совсем был равнодушен ко всяким украшениям, которых в Эрмитаже видимо-невидимо. Шел со всеми из зала в зал, думал о чем-то и неожиданно, как из пещеры на воздух, вышел в зал, в дальнем конце которого висела небольшая картина в раме. Рама, кстати, была больше самого полотна, и почему именно эта картина привлекла мое внимание, я не имею ни малейшего понятия. Но я направился прямо к ней, встал и стоял так, пока меня не начал искать наш учитель истории. Оказывается, класс мой давно ушел, а я этого и не заметил.

— Что же это была за картина? — с любопытством спросил я.

— Не поверите! Портрет какой-то старухи, вовсе не королевских кровей, и автор неизвестный, там так и было написано: «Неизвестный автор XVIII века». Но что-то было в этом портрете… Не могу объяснить. Тогда не мог и сейчас не могу. Вот так и с простыми числами. Про-

сто понял однажды, что это не математический казус, а очень большая человеческая проблема. Сейчас простым числам нашли практичное применение — в криптографии. Двадцать лет назад теория простых чисел была совершенно абстрактной областью… А о том, как я женился на Лене, вы, конечно, не знаете? — неожиданно перешел он к совсем другой теме, и я смутился, потому что меня всегда раздражали упорные попытки журналистов копаться в интимных сторонах жизни людей, хоть сколько-нибудь известных. Наверно, публике интересно знать, сколько жен было у актера В. и почему пьет горькую режиссер Н., но я никогда таких статей не читал, хотя, если на то пошло, чтобы быть в курсе, достаточно просматривать одни только заголовки, а от этого бедствия даже я не мог себя оградить — какую страницу в Интернете не откроешь, сразу наткнешься на баннер вроде: «У политика Ф. три загородных дачи». Ну, три, мне-то какое дело?

Я знал, что жену Парицкого звали Еленой, я не мог этого не знать, потому что половина интернетовских материалов о «математическом скандале» выходила под заголовками вроде: «Елена Метельникова, бывшая жена гениального математика Парицкого, сказала, что…» Мне было совершенно не интересно, что говорила эта женщина. Я невзлюбил ее уже за то, что она могла сказать что-то не очень лестное о человеке, которого наверняка не стоила.

Я так и ответил, а Парицкий в ответ широко улыбнулся и налил мне новую чашку кофе — какой-то странный сорт или странный способ приготовления, напиток оказался солоноватым и должен был, по идее, быть невкусным или просто отвратительным, но выпил я его тремя большими глотками и удивился, что чашка уже опустела.

— Понравилось? — спросил Парицкий, но повторять не стал. — О нашей с Леной свадьбе писали столько… Я думал, вы знаете.

— Нет, — отрезал я.

— Дело было так, — заговорил Олег Николаевич, глядя в пространство, будто видел в воздухе голографическое изображение события, о котором шла речь. — Я шел на работу, повернул с Суворовского на Невский, время было раннее, улица пустая, шесть утра, да еще январь, кто же выходит так рано и в такую погоду?..

Действительно, — хотел сказать я, — кто? Вы-то почему шли на работу в такую несусветную рань?

— И вижу, — продолжал Парицкий, — навстречу идет девушка. Длинная, как спичка, в огромных очках, абсолютно не мой тип, мне всегда нравились толстушки, но ведь это на самом деле не имеет значения — кто нравится. Многим мужчинам нравятся красавицы-блондинки, а женятся они на уродинах-брюнетках и живут счастливо — я вам потом скажу почему. А тот день, точнее — утро, был у меня уже выделен и просчитан, так что на самом деле выбора не было, я не мог поступить иначе. Это журналисты потом понапридумывали… но вы не читали, верно? И хорошо. Когда мы поравнялись, как корабли в море, и должны были разойтись встречными курсами, я сказал: «Девушка, прошу прощения, выйдите, пожалуйста, за меня замуж». Понимаете, если бы я сказал что-то другое, то Лена успела бы отойти на пару шагов, оборачиваться не стала бы… А эта фраза заставила ее остановиться. Не знаю, что испытывают девушки, когда им так запросто на улице предлагают замуж. Говорят, замуж хотят все, и когда слышат это слово, оно как-то действует на подкорку… Мне-то было решительно все равно, что она ответит. В тот момент существенным был сам факт принятия решения, понимаете? Любого решения, потому что это было важно и для моей жизни, и для жизни Лены. Да или нет.

— И она сказала «да»? — поразился я.

— Она не сказала «нет», — поправил меня Парицкий. — Мы стояли посреди тротуара, притоптывали от холода, и в конце концов нас стали толкать прохожие, потому что оказалось, что уже девятый час, представляете, на работу торопился уже весь город, а мы загораживали… Без десяти девять, когда надо было срочно расходиться, чтобы не опоздать, она сказала «хорошо, я подумаю», что, как вы понимаете, было эквивалентно положительному ответу.

Кстати, твердое «да» Лена сказала только в загсе, когда служащая спросила ее, согласна ли она взять в мужья стоящего рядом Парицкого Олега Николаевича.

— Очень романтично, — пробормотал я.

— При чем здесь романтика? — воскликнул Парицкий. — Терпеть не могу романтику! В ней нет ни грана расчета! Это не математика, это…

Он выразительно пожал плечами. Минут пять мы оба молчали — я думал о том, что человек, даже самый умный, знает себя хуже, чем какой-нибудь дотошный журналист, впервые пришедший брать интервью. Не романтик он! А кто же, кроме неисправимого романтика, может остановить в шесть утра девушку и, даже не спросив имени, предложить ей выйти за него замуж? Если это он называет расчетом…

— Почему вы назвали это расчетом? — спросил я. — И если это был расчет, то почему он оказался неправильным? То есть, я хочу сказать, решение этого уравнения…

— Это не было уравнением, в том все и дело, — вздохнул Парицкий. — Теория простых чисел только показывает момент, а выбор…

Я покачал головой. Слова Олега Николаевича не имели смысла. О чем он хотел сказать?

В тот вечер я так этого и не узнал, потому что направление разговора опять изменилось, и лишь много дней спустя я понял, что Парицкий продолжил тогда все ту же тему, просто я еще был не в курсе и воспринимал сказанное не так, как следовало бы. О женитьбе больше не было сказано ни слова, и, вернувшись домой, я не удержался, отыскал какой-то сайт, где рассказам о жизни знаменитостей были посвящены практически все материалы, и прочитал довольно гнусную, на мой взгляд, статейку о том, как великий математик обошелся с несчастной девушкой Еленой Метельниковой. Поскольку Парицкого называли великим, ясно было, что статью журналист (точнее, журналистка, хотя фамилия ее была Приходько, и то, что это женщина, можно было понять только из контекста) написал уже после скандала с премией. Оказывается, великий математик сделал Лене ошеломившее ее предложение, поскольку с детства обожал длинноногих девчонок (а вовсе не толстушек) и всегда дергал их за косы. Лена же сказала «да» потому, что, оказывается, сразу почувствовала в этом странном человеке огромную внутреннюю силу, ту самую, которой не обладает абсолютное большинство современных российских мужиков.

Как бы то ни было, прожили они вместе четыре года, во время которых было все: от безумной (по словам Лены) страсти до безумной же ревности, для которой у Парицкого (по словам все той же Лены) не было никаких оснований. На самом деле (этот вывод можно было сделать по многочисленным намекам журналистки) оснований для ревности у Парицкого было более чем достаточно, но он никогда не ревновал, потому что ему было решительно все равно, чем занималась его жена. Интересовала его одна лишь математика, и вот к ней-то Лена в конце концов взревновала сама, да так страстно, что однажды отхлестала мужа по физиономии (этот процесс был описан госпожой Приходько в изысканно французском стиле, явно скопированном с ранних рассказов Мопассана) и выставила из… Нет, она не могла выставить Парицкого из его квартиры, в которой они жили, а потому собрала свои вещи и покинула дом в неизвестном (для побитого мужа) направлении.

Что ее больше всего возмутило: Олег Николаевич не сделал ни малейшей попытки отыскать беглянку и сказать ей: «Ты, только ты, и никакой математики!»

Тогда она сама подала на развод и отсудила у будущего лауреата половину жилой площади и кое-что из мебели, хотя ни то, ни другое ей, в общем-то, было совершенно не нужно. Свою половину квартиры Лена несколько месяцев спустя с выгодой продала бывшему мужу, а мебель попросту ему подарила, чем тоже чрезвычайно гордилась.

И никакой романтики.

* * *

Новостные сайты были переполнены сообщениями о трагической гибели известного математика. В каждой заметке непременно содержался какой-нибудь намек на то, почему утонул Парицкий, — все без исключения были совершенно фантастическими, никому из журналистов и в голову не пришло, что Олег Николаевич бросился в полынью, чтобы спасти человека. И слава Богу. Не будут, по крайней мере, приставать с расспросами к Наталье Никитичне, у которой и без того жизнь, как я ее себе представлял, была далеко не сахарной.

Посидев утром за компьютером, после полудня я отправился в участковый пункт милиции. Звонить Веденееву мне почему-то не хотелось, не умею я и не люблю разговаривать по телефону, а погода выдалась хорошая — ни ветерка, низкие тучи так и не смогли разродиться снегом и висели над головой подобно тяжелым мокрым, будто постиранным, одеялам, — и я отправился пройтись, а заодно посмотреть, горит ли свет в кабинете участкового. Если нет, то пройду мимо, а если да… То, возможно, тоже пройду.

Свет горел, и через заиндевелое стекло я видел сидевшего за столом Веденеева. Он курил и читал газету. Если бы участковый работал — писал что-нибудь или принимал посетителя, — я бы прошел мимо и больше никогда не стал бы заговаривать с представителем власти.

— А я вас ждал, Петр Романович, — сказал Веденеев, когда я постучался и, услышав громкое «войдите», оказался в просторной, хорошо протопленной комнате, с десятком стульев вдоль стен, Т-образным столом (как положено в уважающем себя присутственном месте) и непременным портретом президента, под которым сидел хозяин кабинета и с газетой в руках похож был на знаменитую в прошлом картину «Ленин читает газету «Правда».

— Ждали? — удивился я, оглядевшись.

— Один я тут, — правильно истолковав мои взгляды, сказал участковый. — Думали, у меня секретарша и пара рядовых на подхвате? Не положено по штату, Петр Романович. Так что… Садитесь сюда. Вы уже подумали?

Я сел, придвинул стул ближе к столу и представил, как на этом месте сидит какой-нибудь правонарушитель и соображает, сколько дать менту, чтобы не открывал дела или не обращал внимания на живущих без регистрации мигрантов. Наверняка ведь Веденеев брал и, может быть, по-крупному, но думать об этом мне было неприятно, и я сказал:

— Хоронить Парицкого, наверно, будут из института?

— Понятия не имею, — Веденеев пожал плечами. — Меня больше интересует, кто из родни будет претендовать на квартиру.

— Бывшая жена, наверно, — предположил я. — Мать вряд ли.

— …И еще, — продолжал Михаил Алексеевич, — почему Парицкий именно в этот час оказался именно в этом месте. Я об этом просил вас подумать, а вы…

— Что, собственно, вас смущает? — спросил я, потирая переносицу: почему-то от резкого перехода к душному теплу кабинета у меня разболелась голова. — Погода была хорошая, Олег Николаевич любил гулять…

— Любил, да, — прервал меня Веденеев, — летом. Я его много раз у пруда видел. А зимой — никогда. Вы сами ходите к пруду в такую погоду?

— Я? Нет, я вообще редко выхожу из дома. Не люблю мороз. Раньше любил, а сейчас… Возраст.

— Вот видите! Вы часто виделись с Парицким в последнее время?

Зачем ему нужно это знать? Нет, не часто. Мы виделись с Олегом Николаевичем тогда, когда кому-то из нас было что сказать или хотелось послушать компетентное мнение. Летом

встречались каждый день, осенью — хорошо, если раз в неделю, а когда начались холода, так и вовсе были друг у друга два или три раза. Три. Точно. Я мог даже назвать числа, если Веденеева это так интересовало.

— Три раза, — сказал я. — Это с ноября, как снег выпал.

— Три, — повторил Михаил Алексеевич. — Не часто. Соседи говорят, что он почти не выходил из дома, как и вы. В магазин, на почту. Иногда — не каждый день, только если погода была тихая — гулял вокруг квартала. Бывало, ездил куда-то на автобусе. А тут... Что, черт побери, понесло его к пруду? Должна была быть какая-то причина!

— Увидел в окно, как Ася...

— И пошел следом? Вы сами верите тому, что говорите?

— Нет, — признался я.

— К тому же, — продолжал участковый, — Асе, чтобы попасть к пруду, совсем не нужно было проходить мимо дома Парицкого. Это раз. Во-вторых, вы же видели: к полынье Ася шла с противоположного берега. Туда же потом побежала, не соображая, а Парицкий шел по короткой дороге...

— Тогда не знаю, — сказал я. — Мало ли почему человек может... Да и какое сейчас это имеет значение?

— Для отчета — никакого. Отчет я уже написал и отправил, — зачем-то сообщил Веденеев, — так что с делом этим покончено. Трагическая случайность. Но...

Михаил Алексеевич выбрался из-за стола и принялся ходить по комнате кругами, то и дело оказываясь у меня за спиной, отчего мне приходилось вертеть шеей, это было неудобно, и я сказал раздраженно:

— Вы сказали «но». И вы хотели, чтобы я подумал — не знаю над чем. Что, собственно, вас смущает на самом-то деле?

Веденеев сел рядом со мной, придвинул свой стул ближе к моему и заговорил напряженным голосом:

— Я вам скажу, Петр Романович. Я хочу знать, почему Парицкий пошел на пруд, хотя не был там с осени. Я хочу знать, почему вы не хотите говорить мне то, что известно вам. И я еще хочу знать, кто там был, кроме Аси и Парицкого.

— Кроме Аси и Парицкого? — удивился я. — Разве там был еще кто-то? Мы же с вами вместе...

— Да-да. Это вчера. А сегодня я был там без вас. Снег не шел с прошлой недели. Ветра тоже почти не было, а в лесу его вовсе не чувствовалось. Короче, все следы сохранились прекрасно — не на тропе, конечно, где ледяная корка. И не там, где натоптали ребята. Я обошел пруд кругом. На холмике, сразу за поворотом тропы, кто-то стоял. Судя по следам — довольно долго. И выглядят следы не новыми. Может, это было позавчера, может, еще раньше. Может, следы не имеют отношения к этому... событию. А может, имеют самое прямое.

— Вы хотите сказать, что кто-то стоял на холмике и видел, как тонула Ася, и как Олег Николаевич...

— И не двинулся с места, — мрачно кивнул Веденеев. — И на помощь не позвал. И никому не сообщил.

— Но вы сами говорите, что это могут быть старые следы!

— Могут, — согласился Веденеев. — Но я хотел бы поговорить с этим человеком.

— И кто это был, по-вашему?

— Думаете, я Шерлок Холмс? Откуда мне знать? Могу сказать только, что человек был в зимних ботинках, размер сорок второй или сорок первый. Ботинки импортные, на подошве фирменный знак, но какой — непонятно, след успел расплыться…

— Половина поселка ходит в импортных ботинках, — заметил я. — Вот и у меня тоже…

Я замолчал и с подозрением посмотрел на Веденеева.

— И у вас тоже, — повторил он. — Так почему вы не хотите мне рассказать о своих последних встречах с Парицким?

— Господи, с чего вы взяли? — воскликнул я. — Какое отношение наши разговоры могут иметь к тому, что…

Я замолчал. Не было смысла говорить с Веденеевым о вещах, в которых он ничего не понимал, и в лучшем случае интерпретировал бы наши с Олегом Николаевичем беседы как пустопорожнюю болтовню двух съехавших с катушек научных работников…

— Отчего же вы замолчали, Петр Романович? — вежливо спросил участковый и зачем-то придвинул к себе стопку исписанных бумаг, а сверху положил авторучку.

— Мы о науке с ним говорили, — пояснил я. — Точнее — о теории чисел. Еще точнее — о распределении простых чисел на бесконечной числовой оси.

— Наука меня не интересует, — отмахнулся Веденеев. — Но вы же не только о числах беседовали. Не понимаю, как вообще можно столько времени говорить о каких-то числах, ну да ладно. Но ведь не только о науке! Вот я и прошу вас вспомнить… Может, имя Аси как-то в разговоре упоминалось?

Вот он куда клонил, оказывается. Мог быть Парицкий знаком с девушкой? Мог завлечь ее на пруд под каким-то предлогом? Зачем? Неужели Веденееву пришла в голову нелепая мысль, что Олег Николаевич сам столкнул Асю в полынью — хотел избавиться? — а потом в нем заговорила совесть, он бросился спасать и…

Чушь какая-то. И при чем здесь тогда таинственный незнакомец, стоявший на берегу неизвестно в какое время и видевший… или не видевший…

— Имя Аси, — сказал я, — в разговоре между мной и Олегом Николаевичем упоминалось дважды.

— Ну-ну! И что говорили? Когда?

— В первый раз, — припомнил я, — это было в начале осени, в сентябре, кажется. Мы обсуждали проблему тихого коллапса… есть такая проблема в астрофизике, я ею как-то занимался и думал, что Олег Николаевич поможет мне справиться с кое-какими математическими трудностями…

— При чем здесь… — нетерпеливо начал Веденеев.

— Вот и я говорю, что ни при чем. У нас кончился сахар, а я не пью без сахара, привычка… В общем, мы пошли в магазин, от дома Олега Николаевича это в двух кварталах. И около магазина встретили Асю. Я тогда о ней не знал ничего, девушка показалась мне странной, и Олег Николаевич видел, как я на нее посмотрел. «Это Ася, — сказал он, — странный у нее взгляд, верно?» «Странный», — согласился я. Видите ли, она шла по улице, но смотрела не перед собой, а куда-то внутрь, если вы понимаете, что я хочу сказать. Она вряд ли видела, куда идет, и могла натолкнуться на столб или попасть под машину, переходя дорогу. Я так и сказал Олегу Николаевичу, а он мне объяснил, кто такая Ася, и что дорогу она знает лучше, чем кто бы то ни было, может и с закрытыми глазами… Зрение ей, мол, нужно не для того, чтобы смотреть по сторонам, а чтобы видеть то, чего не видит никто другой. Честно говоря, меня удивил такой, я бы сказал, мистический взгляд совершенно не романтического человека, и я спросил… А Олег Николаевич ответил, что мистикой никогда не увлекался, а вот в интуицию верит, потому что

именно интуиция помогает ему в решении таких задач из теории чисел… Потом наш разговор опять перешел в область, вам совершенно не интересную. Я хочу сказать, что об Асе мы больше не говорили. Купили сахар, вернулись домой…

— Понятно, — перебил меня Веденеев. — А второй раз? Вы сказали, что было два случая.

— Второй… Это уже зимой, да. Я даже число могу назвать — седьмое января. Было Рождество, народ праздновал. Вы сами помните, как… Олег Николаевич пришел ко мне, было часов шесть вечера, говорили мы о… кажется, о том, что слава Хокинга несколько преувеличена, в последнее время он говорит вещи вполне банальные, но каждое его слово все равно ценится на вес золота.

— Хокинг — это физик, который сидит в коляске и говорит при помощи синтезатора? — проявил свою осведомленность Михаил Алексеевич.

— Вот-вот, — пробормотал я. — Только это все о нем и знают. Будто для науки это обстоятельство имеет хоть какое-то значение. Сам-то он наверняка хотел бы, чтобы о его болезни не вспоминали, и относились к нему, как… Неважно.

— Вот именно, — согласился Веденеев. — При чем здесь Ася?

— Да, Ася… Стемнело, погода была хорошая, ясно, морозно, мы вышли подышать воздухом и посмотреть на звезды. Почему-то Олегу Николаевичу захотелось, чтобы я показал ему созвездия. Не Орион или Большую Медведицу, а малоизвестные — Дракона, скажем, или Кассиопею, о которой все слышали, а как она выглядит, мало кто знает. Мы вышли на улицу, но там уже зажгли фонари, и небо было тусклым, я не смог различить даже Андромеду. Мы направились в сторону леса и по дороге встретили Асю. Она медленно шла…

— Из леса? — быстро спросил Веденеев.

— Нет, почему… Со стороны станции, по-моему. А может, просто прогуливалась вдоль крайних улиц. Понятия не имею. Шла и смотрела в небо — как и мы. Мы чуть не столкнулись… «Здравствуй, Ася», — сказал Олег Николаевич, и, помню, я удивился, мне казалось, что они не знакомы. То есть, он-то знал, кто она, а девушка — вряд ли. Она, кстати, ничего не ответила и продолжала идти, задрав голову. Прошла мимо нас, и Олег Николаевич сказал, глядя ей вслед… Что же… Вот: «Это она на Орион смотрит?». Вопрос был ко мне, я пригляделся и ответил: «Нет, скорее в сторону Пегаса, видите — немного искривленный квадрат?» «Интересно, — сказал Олег Николаевич, — что она различает в этих знаках? Что для нее звезды? Неужели то же самое, что для меня числа?» Я спросил, что он имеет в виду. «Вы не понимаете? — удивился Олег Николаевич. — Она же не знает… Развитие у нее, как у трехлетней… Что понимает, о чем думает трехлетний ребенок, глядя на звезды? Что это дырочки в небе? А взрослая девушка, у которой организм уже настроен на другое, а мозг тот же… что видит она? Для нее это уже знаки. Символы. Может, она хочет их прочесть»…

Я замолчал, потому что окончание того разговора начисто испарилось из памяти. Я точно помнил слова Парицкого о символах, а потом…

— И что же дальше? — подтолкнул меня Веденеев, окончательно сбив с мысли.

— Не помню, — сказал я с раздражением. — Потом мы, кажется, опять перешли к проблеме тихого коллапса. Больше я Асю не видел… до того дня.

— А Парицкий?

— Откуда мне знать?

— Да, — пробормотал Веденеев, — действительно.

— Что вы все-таки хотите узнать, Михаил Алексеевич? — спросил я, решив поставить, наконец, точки над «i». — Вы думаете, что они оба не случайно оказались позавчера на пруду? Договорились? И что тот человек на холме был я? Вы на это намекаете?

— Вы?! — искренне удивился участковый. — Ну и фантазия у вас, Петр Романович! Как это могли быть вы, если, когда это все произошло, вы в Репино ездили?

— Позвольте! — воскликнул я. — Откуда вы это знаете? Меня вы об этом не спрашивали!

— Соседи сказали, — буркнул Веденеев. — Вас в окно видели, как вы выходили из автобуса.

— Вы опрашивали соседей? Значит, все-таки думали, что на пруду мог быть я?

— Проработать надо все версии, верно? — многозначительно сказал Веденеев, повторяя, по-моему, фразу, сказанную пару дней назад в телевизионных новостях каким-то то ли прокурором, то ли следователем.

— И какая же у вас была версия, в которой я стоял на холме и наблюдал, как тонет Парицкий? — спросил я, совершенно забыв о том, что с представителями наших славных правоохранительных органов не следует говорить в ироническом тоне.

— Об этом вам знать совершенно не обязательно, — отрезал Веденеев, глядя куда-то в сторону. Смотреть мне в глаза он не хотел и, значит, версию свою, в чем бы она ни состояла, не отбросил, как бессмысленную, а только припрятал до поры до времени — пока не выяснятся какие-нибудь дополнительные обстоятельства, например.

Напрасно я с ним откровенничал, толку совсем никакого. Он только укрепится в своих нелепых подозрениях вместо того, чтобы понять, что произошло на самом деле.

А что произошло на самом деле? Оба мы это уже знали — некто, стоявший на холме, интересовал, возможно, Михаила Алексеевича, но не меня. Участкового, вероятно, занимали проблемы права и ответственности, преступления (которого не было) и соучастия (что еще следовало доказать). А я думал только о естественно-научной стороне дела, и здесь мне все было ясно, будто я сам присутствовал, когда Парицкий выключил компьютер, посмотрел на часы и быстро оделся, чтобы в нужное время оказаться в нужном месте.

Если бы он еще знал, что его там ждет... И какой именно предстоит выбор...

— Вы что-то сказали, Михаил Алексеевич? — пробормотал я.

— Я сказал: странно вы себя ведете, Петр Романович. Что-то вы от меня скрываете, я это чувствую. Зачем — не пойму. К смерти Олега Николаевича вы не причастны. Никаких обвинений никто вам предъявлять не собирается, иначе... Иначе вы бы не здесь сидели и не со мной сейчас разговаривали. Но вы почему-то молчите...

— ...И создаете помехи следствию, — заключил я, хотя уже дал себе слово не говорить лишнего.

— Какому следствию? — рассердился Веденеев. — Нет никакого следствия. И дела никакого не существует.

— Михаил Алексеевич, — решился я, нарушив в который уже раз самому себе данное слово, — домик Олега Николаевича... он сейчас опечатан?

— С чего это? — искренне удивился Веденеев. — Нет, закрыт на ключ, а ключ у меня в сейфе... Вас что-то интересует в квартире? — догадался Веденеев и сразу насторожился.

— Олег Николаевич работал, — пояснил я. — Эти исследования не должны пропасть.

— Но вы вроде не математик, Петр Романович, — продолжал недоумевать участковый. — Вы астроном...

— Астрофизик.

— Все равно. Вам-то зачем эти исследования? Парицкий вам что-то по этому поводу рассказывал?

— Не беспокойтесь, Михаил Алексеевич, — сказал я, — не собираюсь я зарабатывать свой миллион на трудах Олега Николаевича.

— Я вовсе не об этом…

Ну, как же, так я и поверил.

— В теории чисел я полный профан, вы правы. Но если кто-нибудь по глупости уничтожит то, что записано на диске, современная наука ему этого не простит.

Господи, какой пафос! Я представил, как бы сейчас весело рассмеялся Олег Николаевич, услышав мои слова, и, должно быть, тоже непроизвольно улыбнулся, вызвав у Веденеева еще большее недоумение.

— Ко мне уже обращались из института, — сказал он. — Спрашивали про компьютер, обещали прислать официальную бумагу, хотят забрать винчестер… Значит, ничего вы мне больше не хотите сказать, Петр Романович?

Я покачал головой. Я мог сказать кое-что еще. Только зачем?

— До свиданья, — сказал Веденеев, — заходите, когда что-нибудь вспомните. Или звоните, я не так уж часто здесь сижу. Больше хожу, работа такая…

— Всего хорошего, — вежливо попрощался я.

* * *

Глупо было, конечно, надеяться, что Веденеев отдаст или одолжит мне ключ от дома Олега Николаевича, да если бы и одолжил по каким-то своим соображениям, все равно глупо было думать, что я, с моим недостаточным математическим опытом и знаниями, смог бы разобраться самостоятельно в том, чему Парицкий посвятил жизнь. Он был гением, а я… Он справился с проблемой, о которую сломали зубы десятки лучших математиков, это была не его проблема, и столкнулся он с ней только потому, что хотел решить другую задачу, а для этого нужно было понять, что странного в рядах Мерсенна. Он понял и пошел дальше… отбросив ногой с дороги злополучный миллион, потому что… Да, это тоже был выбор, очень важный выбор, и Олег Николаевич сделал его в точном соответствии с собственной концепцией, никто этого поступка не понял, честно говоря — я тоже, потому что объяснение Парицкого меня не то чтобы не убедило… просто я решил бы иначе, вот и все.

В биологии я тоже полный профан, как, впрочем, и Олег Николаевич. Он просто обязан был обратиться за консультацией к биологам, точнее, к генетикам, а еще точнее — к тем из них, кто изучал строение человеческого генома, составлял карту расположения генов и мог, следовательно, сказать, есть ли в молекуле ДНК (или где там хранится генетическая информация) нечто такое, что Парицкий мог использовать, как независимое доказательство своей теории. Вряд ли он мог обойтись сугубо математическими методами там, где требовалось знание совершенно другого рода. Нет, я понимаю, конечно, математика — царица наук, без математического обоснования ни одна теория не может считаться доказанной, все так, но ведь до самой-то математики дело доходит лишь во вторую очередь, когда понятно, о чем речь идет в физическом, астрономическом, биологическом или каком угодно общенаучном смысле. Чем мне, скажите, могла помочь математика, когда я лет тридцать назад обнаружил на фотографии планетарной туманности М 57 странные волокнистые структуры, располагавшиеся поперек красивого правильного кольца? Сначала нужно было придумать, отчего эти структуры могли в принципе возникнуть, потом понять, какие процессы привели к тому, что ударные волны начали распространяться поперек основного поля расширения, а уже потом, конечно, невозможно было обойтись без математики, только она могла дать ответ на все остальные вопросы — но для того, чтобы эти вопросы задать, нужно было проявить физическую, а вовсе не математическую интуицию!

Я мог бы подумать, что консультантом у Олега Николаевича была Елена Метельникова, так странно, на мой взгляд, отреагировавшая на гибель бывшего мужа. Впрочем, что странного? Они расстались больше трех лет назад, характер у Лены был, как я понял, довольно склочный, если она могла спорить с Парицким из-за вещей, которые, судя по его словам, ему же и принадлежали до их свадьбы… Не знаю, после того разговора, когда я сообщил Лене о смерти Олега Николаевича, а она деловито поинтересовалась, где находится его тело, мне не очень хотелось еще хоть раз в жизни разговаривать с этой женщиной. С другой стороны, у нас с Парицким никогда не заходил разговор о том, где работала его бывшая супруга, кто она по профессии, и если я хоть как-то был прав в своих рассуждениях, Лена должна была быть именно биологом, генетиком, иначе концы с концами не сходились — не только в моих рассуждениях, кстати, но и в словах самого Парицкого.

Предлог, чтобы позвонить Лене, у меня, конечно, был — она-то уж точно должна была знать, когда состоятся похороны и будет ли автобус от института; вполне естественно, что знакомый ее бывшего мужа, тем более человек, живший с ним в одном поселке, звонит и интересуется…

Трубку, впрочем, подняла не Лена, а какой-то мужчина, и я, понятно, не стал спрашивать, кем он ей приходится.

— Слушаю вас, — степенно произнес глубокий красивый баритон. Если правда, что женщины любят ушами (моя жизнь с Софой заставила меня усомниться в этом определении — она любила не ушами и уж, конечно, не глазами, она любила душой, и понимали мы друг друга без слов и даже без взглядов, на расстоянии), так вот, если женщины все-таки любят ушами, то любая должна была бы влюбиться в этого человека, однажды услышав, как он произносит голосом с огромным количеством обертонов: «Слушаю вас»…

— Могу я поговорить с Еленой… — я сделал паузу, надеясь, что обладатель баритона поймет ее правильно.

— Лена! — крикнул он в пространство. — Тебя! Какой-то мужик. Наверно, опять похоронами интересуются.

Естественно. Не я один такой…

— Слушаю вас, — подражая, похоже, своему новому мужу (или сожителю?), произнесла Лена вовсе не печальным голосом.

— Это Амосов, — сказал я. — Я вам звонил насчет…

— Да, я вас узнала, — прервала меня Лена. — Если вас интересует, когда состоятся похороны Олега, то это пока неизвестно. В институте хотят устроить панихиду, значит, хоронить будут не раньше вторника, чтобы в понедельник люди смогли попрощаться, а завтра только суббота, два дня нерабочих, так что если и вы захотите попрощаться с Олегом, то можете поехать в Стекловский институт в понедельник после десяти утра.

Должно быть, она уже в сотый раз произносила сегодня эту тираду, в которой в результате многократных повторений не осталось ни одного лишнего слова. После такой информации мне, по идее, следовало поблагодарить за информацию и положить трубку. Вместо этого я сказал:

— Извините, Лена, как ваше отчество, а то неудобно разговаривать…

— Геннадиевна, — сказала она с недоумением в голосе: зачем, мол, вам это понадобилось?

— Елена Геннадиевна, — продолжал я. — Вопрос, возможно, покажется вам странным… или нетактичным… но я хочу спросить: кто вы по специальности?

— Социолог, а почему вас это интересует?

Мимо. Зачем нужен был Парицкому социолог? Абсолютно не нужен. Разве что для последующей обработки результатов наблюдений за обществом, но до этого было так далеко, когда он подошел к девушке на улице… Предлагая ей стать женой, Олег Николаевич не мог знать, кто она по профессии. Должно быть что-то другое…

— Видите ли, Елена Геннадиевна, — сказал я, — мы с Олегом Николаевичем много разговаривали… О его работе, в частности. Я имею в виду: о проблеме выбора с точки зрения теории простых чисел.

Я сделал паузу, чтобы понять по реакции, знала ли хоть что-нибудь об этой теории бывшая жена Парицкого. Социологу Олег Николаевич мог и не говорить того, что она могла не понять или понять превратно.

— Вот как? — спросила она неожиданно напряженным тоном. — Он вам об этом рассказывал?

Значит, знает. Уже легче.

— Да… И я подумал… Извините, что задаю вопрос в такое время…

— Сейчас еще не поздно, — сказала Елена Геннадиевна, — только десятый час.

— Нет, я не это время имел в виду…

— Да, я поняла… Продолжайте.

— Если вы знали, чем он занимался в последнее время…

— Не только в последнее, — прервала она меня. — Всю жизнь. Знала, конечно.

— То у него должен был быть знакомый биолог…

— Ах, вот оно что! — сказала она с явно слышимым облегчением в голосе. — Да, конечно. Не знакомый, а знакомая. Женя Буданова. Хотите с ней поговорить?

— Да, если это…

— Пожалуйста. Запишите номер ее мобильного…

Я записал номер на листке бумаги и спросил:

— Как ее звать? Не могу же я…

— Евгения Ниловна. Можете звонить ей прямо сейчас, она поздно ложится.

— Она не…

— Она не замужем, если вы это хотели знать.

Я хотел знать вовсе не это, но не стал спорить, а вежливо попрощался. Наверно, я мог узнать все, что мне было нужно, и у самой Елены Геннадиевны, если она, по ее же словам, была в курсе того, чем занимался ее бывший муж, но мне почему-то совершенно не хотелось продолжать разговор: не нравился ее тон, не нравилось ее отношение к погибшему (никакое, если честно), и голос ее нового мужа, кем бы он ей ни приходился на самом деле, мне тоже не понравился. Не люблю красивых мужских голосов, есть в них что-то искусственное, не настоящее. Петь нужно красивым голосом, а разговаривать — обычным. Жизнь все-таки не опера.

Время было действительно не такое уж позднее, и я набрал продиктованный Еленой Геннадиевной номер.

— Здравствуйте, Петр Романович, — произнес мягкий женский голос, низкий, но не прокуренный, как это обычно в таких случаях бывает, а такой, каким могла бы петь россиниевская Золушка, я как-то слышал эту партию в исполнении Зары Долухановой, и у меня почему-то в сознании отложилось, что в жизни оперная Золушка должна была разговаривать именно таким низким, печальным, обнимающим слух голосом. И не нужно ловить меня на противоре-

чии: мол, сам сказал, что опера и жизнь — не одно и то же. Конечно, не одно, если говорить о мужских голосах. Женские — иное дело. Совсем иное, и я не стану объяснять, в чем разница, если вы ее сами не понимаете.

Впрочем, меня не голос удивил, а обращение.

— Вы меня знаете? — спросил я довольно глупо вместо того, чтобы хотя бы поздороваться.

— Олег рассказывал мне о ваших встречах и дал номер вашего телефона на тот случай, если… В общем, на всякий случай. Судя по тому, что вы мне звоните, вы много думали сейчас об Олеге и о его…

Она замолчала и, по-моему, тихо всхлипнула, но это могли быть и помехи в эфире.

Парицкий никогда не говорил мне об этой женщине. Почему? Она должна была играть очень важную роль в его системе ценностей. Или, может быть, не она сама, а только ее профессия, и тогда действительно можно было понять, почему Олег Николаевич ни словом о Будановой не обмолвился.

— Я… — пожалуй, мне нужно было лучше подготовиться к разговору, а не мекать, придумывая на ходу необходимую фразу. — Мне хотелось бы поговорить с вами об Олеге Николаевиче. Если у вас есть свободное время…

— Приезжайте, — просто сказала она. — Если хотите — прямо сейчас.

Я растерялся. Ехать на ночь глядя в Питер? Да я только до Финского вокзала доберусь хорошо если к полуночи, а дальше-то что? Уж не предлагает ли она мне заночевать у нее?

— Я вообще-то живу в…

— Знаю. А я в Репино, вы можете быть у меня через полчаса, если успеете на автобус, выходящий в четверть одиннадцатого. А обратно на последний — в одиннадцать сорок пять.

Вот оно что. Репино, надо же! Наверняка Парицкий уже пользовался этими поздними рейсами. Интересно, какие между ними все-таки были отношения. И ведь он мне ни разу…

А почему он должен был мне об этом рассказывать?

— Хорошо, — сказал я. — Так и сделаю. А ваш адрес…

На автобус я успел, когда водитель уже закрывал двери.

* * *

Я ожидал увидеть женщину лет тридцати пяти — того же возраста, что и Парицкий, — а дверь мне открыла старушка-божий одуванчик, и я, растерявшись, спросил:

— Могу я видеть Евгению Ниловну?

— Проходите, Петр Романович, — пригласила старушка знакомым голосом, и я смутился так, что не смог переступить порога, стоял на лестничной площадке, а хозяйка повернулась ко мне спиной и направилась в глубину квартиры, полагая, что я, конечно, иду за ней. Должно быть, со слухом у нее были проблемы или…

— Петр Романович, — сказала она, не оборачиваясь, — что же вы там стоите? Проходите в комнату. Пальто — на вешалку, пожалуйста. Тапочки под вешалкой, поухаживайте за собой сами, а я пока приготовлю чай.

Я поухаживал. Когда минуты через три я вошел из прихожей в большую комнату, обставленную старой, шестидесятых годов, как мне подсказывала память, болгарской мебелью, на круглом столе, покрытом цветастой клеенкой, уже стояли на блюдцах наполненные чашки, от

которых поднимался пар, и лежал на большой тарелке аккуратно нарезанный магазинный кекс.

Я попробовал оценить на глаз, сколько лет хозяйке, усевшейся в покрытое бордовым покрывалом кресло и показавшей мне на один из стоявших около стола стульев. Семьдесят? Больше. Семьдесят пять? Восемьдесят? Могло быть и восемьдесят, у Евгении Ниловны была тонкая кожа со множеством прожилок, но почти не видно морщин, а голос молодой, и бывшая жена Парицкого назвала ее по телефону Женей — не могла она так небрежно говорить о человеке вдвое (если не больше) старше себя!

— Что вы так меня изучаете, Петр Романович? — поинтересовалась Евгения Ниловна, разглядывая меня, в свою очередь, так пристально, будто хотела по внешнему виду определить не только причину моего интереса к Парицкому, но и всю мою жизнь от рождения до текущего момента.

Понятно, я не нашелся, что ответить, и потому задал свой вопрос, надеясь сразу направить разговор в нужное русло:

— Олег Николаевич обращался к вам за консультациями по вопросам генетики, верно?

— Конечно, — кивнула Буданова. — Олег — гений в математике, но в биологии разбирался на уровне читателя научно-популярных журналов.

— Вы давно…

— Я работала до пенсии в институте генетики и селекции… Берите кекс, Петр Романович, он свежий, сегодня купила. Олег как-то пришел на наш институтский семинар, я делала доклад по расшифровке генома. Не человека, о человеке тогда речь не шла, я рассказывала о кольчатых червях. Он подошел ко мне после семинара и сказал: «Вы можете ответить мне на несколько глупых вопросов?» Это было лет… да, двенадцать лет назад, через год меня отправили на пенсию, потому что с финансами в институте… Чему вы улыбаетесь, Петр Романович?

— Да так, — я передернул плечами. — Сам ушел недавно на пенсию при схожих обстоятельствах.

— Ну, это со многими…

— Странно, — сказал я, отпив несколько глотков, чай оказался вкусным, я хотел добавить сахара, но сахарницы на столе не было, и мне почему-то стало неловко просить.

— Странно, — повторил я, — что до вас не добрались журналисты. Они ведь после истории с премией кого только не спрашивали — Олег Николаевич молчал, а им было интересно, отчего он все-таки отказался от миллиона, и они искали…

— Друзья, — неожиданно твердым голосом сказала Евгения Ниловна, — должны быть ограждены от лишнего внимания.

У меня были в этом сомнения, но я не стал их высказывать.

— Я ожидал… — сказал я в некотором смущении. — Елена Геннадиевна назвала вас по телефону Женей, и я подумал…

— Ах, Ленка, — всплеснула руками Буданова. — Это в ее стиле. Мы все называли друг друга по именам, у Лены иначе не получалось, она в принципе не способна назвать человека по имени-отчеству, у нее из-за этого всегда на работе проблемы с начальством, не знаю уж, как она с этим справляется. И чтобы избавить вас от лишних вопросов, Петр Романович, скажу, что я живу в Репино уже четверть века, даже больше, почти тридцать лет. Олег потому и купил себе после развода домик в поселке, чтобы ко мне ближе. А я оказалась на его пути случайно, что бы он ни говорил сам по этому поводу, на моем месте мог быть любой наш сотрудник, потому что в то время Олег еще ничего не понимал в генетической структуре счетчика, у него было рассчитано только само сгущение, и приблизительно он знал — точнее, думал, что

знал — день, вот и выбрал именно тот, когда у нас шел семинар, чтобы увеличить вероятность верного выбора… Я вижу, вы не очень понимаете то, что я говорю…

— Напротив! — воскликнул я. — То, что вы говорите, подтверждает то, о чем я все время думал. И то, о чем мне рассказывал Олег Николаевич.

— Но вы так на меня посмотрели…

— Нет, я просто подумал: как могли бы развиваться события, если бы в тот день доклад делали не вы, а…

— А, скажем, профессор Чудинов, который заболел, и потому на то заседание перенесли мой доклад, который я должна была делать на следующей неделе? Знаете, Петр Романович, мы с Олегом много об этом спорили. Ведь выбор не от него зависел, и следовательно, в его последовательность укладываться не мог, тут получилось пересечение двух числовых последовательностей, Олег считал, что и в этом есть какая-то скрытая пока закономерность, а я спорила, потому что на самом деле: ну что могло быть общего в генетических счетчиках Олега и нашего дорогого профессора? Но я вижу, вы опять не очень понимаете…

— Напротив! — воскликнул я еще раз. — Именно так я и подумал, когда вы упомянули профессора…

Евгения Ниловна поставила на блюдце свою чашку, вытерла салфеткой углы рта и сказала:

— Давайте начистоту, Петр Романович. Расскажите, что вы знаете, что Олег вам сказал, и как вы все это поняли. Если вы в чем-то ошиблись, я вас поправлю. На вопрос, почему Олег оказался именно в тот день и час на том злосчастном пруду, мы с вами ответим, а вот на вопрос, почему он сделал именно такой выбор… Боюсь, что ни математика, ни генетика…

— Нет, — сказал я. — На второй вопрос, по-моему, ответить как раз легче легкого. У Олега Николаевича просто не было выбора. Меня интересует не это. Меня интересует: почему он все-таки пошел в тот день на пруд, зная, что выбора у него не будет. Ведь он знал это, да?

— Я налью вам еще чашку? — спросила Евгения Ниловна. — Вам сделать крепче или слабее?

— Хороший чай… — пробормотал я, досадуя на то, что ответить на мой вопрос Буданова не пожелала.

— Тогда я принесу сюда оба чайника, и наливайте себе сами, — постановила она, с трудом поднялась из кресла (все-таки ей было ближе к восьмидесяти, чем к семидесяти) и пошла на кухню. Не оборачиваясь, сказала:

— Об этом и я все время думаю. Знал или нет.

* * *

— Как я, собственно, понимаю случившееся… — начал я, налив себе вторую чашку и все-таки попросив сахарницу. Я положил себе две ложки, как обычно, и Евгения Ниловна сказала что-то о вреде сахара для здоровья, на что я ответил, что было бы здоровье, тогда никакой сахар не повредит. — Олег Николаевич рассказал мне о своих исследованиях по теории простых чисел, когда мы уже вдоволь наспорились о происхождении маломассивных черных дыр и о том, существовала ли на самом деле сингулярность в момент Большого взрыва. Знаете, я не ожидал… То есть, не ожидал от математика такого знания довольно частных проблем космологии — я сам не читал некоторые работы, которые довольно точно цитировал Олег Николаевич… Это было недели через две после нашего знакомства. Я чувствовал, что Олегу Николаевичу интереснее обсуждать проблемы астрофизики, чем математики, а об истории с премией он и вовсе говорить не хотел. У меня, знаете, сложилось впечатление, что он и в поселок пе-

реехал, и из института ушел, потому что математика ему надоела до чертиков, он в ней разочаровался и решил все бросить... Вообще-то я был уверен, что такое невозможно — чтобы научный работник (терпеть не могу, кстати, слово «ученый», оно мне напоминает о коте, бродящем по цепи кругом) вдруг бросил заниматься делом. Была какая-то иная причина, о которой я не спрашивал, конечно...

Так вот, сидели мы за полночь, пора было уже расходиться, как вдруг Олег Николаевич посмотрел мне в глаза и сказал:

«Завтра вам лучше не выходить из дома. Посуетитесь здесь, в квартире, подумайте, нужно ли ставить на зиму вторые рамы, ну, что-нибудь нейтральное...»

«А что такое?» — забеспокоился я. Почему-то вспомнил, что на завтра намечено какое-то мероприятие, в поселке соберется много народа, а может, милиция будет кого-то ловить, глупая идея, но мало ли что приходит в голову, когда тебе неожиданно объявляют, что лучше посидеть дома.

«Просто... — протянул Олег Николаевич. — Вы ведь родились третьего апреля сорок восьмого? Значит, завтра будет двадцать две тысячи четырехсотый день вашей жизни».

«Может, и так, — согласился я. — Никогда не считал дни, а у вас это быстро получилось. В уме?»

Он покачал головой:

«Нет, счетчик из меня плохой. Посчитал на калькуляторе и решил вас предупредить. Береженого Бог бережет, знаете...»

«Вы увлекаетесь нумерологией?» — поразился я, мне показалось, что Олег Николаевич произвел какие-то манипуляции с датой моего рождения, что-то к чему-то прибавил.

«Нет, — сухо сказал он. — Просто на завтра приходится у вас очень сильное сгущение простых чисел, и следовательно, велика вероятность принятия неверного решения, поскольку в том, какое именно решение вы должны будете принять, я вам никак помочь не могу».

Я продолжал смотреть на него, не очень понимая сказанное.

«Я вам расскажу, — сказал он неуверенно и посмотрел на часы, — но, может, не сейчас? Все-таки уже первый час... Завтра вечером...»

«Почему не сейчас? — настаивал я. — Засыпаю я плохо, спать не хочется...»

«Хорошо, — сказал он. — В конце концов... Да. В общем, ладно. Идею-то я могу изложить в двух словах, но вы, будучи научным работником, мне, конечно, не поверите на слово, а вот доказывать что к чему, мне придется долго, это уж точно не сегодня... Началось с того, что еще в школе я вычитал в «Кванте» задачку по теории чисел — о том, как рассчитать многозначное простое число. Мне казалось, что это легко, и я с удивлением узнал, сколько больших математиков потратили лучшие годы жизни, чтобы вывести алгоритм расчета простых чисел. Стало интересно, я нашел какие-то книги... Узнал, что на числовой оси простые числа располагаются не равномерно, а сгущениями... идет длинный ряд чисел, где нет ни одного простого, и вдруг — как остров в океане — сразу несколько десятков простых чисел почти подряд, есть даже числа-близнецы, одно всего на двойку больше другого... А потом опять длинный просвет... Это очень интересно, я стал копать дальше и начал обнаруживать такие удивительные веши... Собственно, прочитать о свойствах простых чисел можно в любом вузовском учебнике, но для меня-то это было откровением! И я бы, наверно, уже в институте стал заниматься именно простыми числами, если бы не другая мысль, которая пришла в голову тогда же и заставила принять иное решение...

Наверно, только мальчишке, помешанному на арифметике, такая мысль вообще могла прийти в голову. Будь я старше, и знай я то, что узнал в институте... Но мне было пятнадцать, я запоем читал фантастику, все в моей голове перемешалось: числовые ряды, полеты к звез-

дам, генетика, в которой я ничего не понимал, но в фантастике было тогда много рассказов о преобразовании организма… Подумал я вот что: человеческая жизнь конечна, и за семьдесят с чем-то лет сердце человека успевает сделать сколько-то ударов, легкие успевает сделать сколько-то вдохов и выдохов, вы успеваете пройти конечное число шагов и провести во сне некоторое, вполне поддающееся расчету, число часов, минут и секунд. В общем, вся наша жизнь — это, с точки зрения теории чисел, некоторое количество счетных множеств, описывающих все факторы нашего существования».

Тут я его прервал, потому что, как мне показалось, увидел в рассуждениях слабое место.

«А смысл какой? — сказал я. — Ну, узнают мои родственники после моей смерти, что я за свою жизнь успел сделать сколько-то миллионов вздохов и сколь-то шагов. Что им даст такое знание?»

«Дело совсем не в этом, — сказал Олег Николаевич, посмотрев на меня с сожалением. — Подобные глупости могут заинтересовать только любителей собирать всякие числа независимо от того, есть ли в них какой-то смысл. Вроде тех, кто удивляется истории Людовика XVI: ему предсказали, что он умрет двадцать первого числа, и он всю жизнь в этот день месяца не покидал своей спальни. Но 21 июня 1791 года Людовика и Марию-Антуанетту арестовали, 21 сентября 1792 года во Франции провозгласили республику, а 21 января 1793 года короля казнили. Почему столько совпадений?»

«Действительно, почему?» — спросил я, но Олег Николаевич не стал на этот вопрос отвечать, только рукой повел: не нужно, мол, отклоняться от темы.

«Каждый день, — продолжал он, — каждую минуту, а порой и ежесекундно мы принимаем какое-то решение — важное или неважное, простое или сложное. Это как дыхание, понимаете? Человек не может не дышать, он умрет. И жить, не производя каждую минуту тот или иной выбор, человек не может тоже. Иначе он застынет, как буриданов осел меж двух охапок сена. И умрет — не от голода, а от мыслительного ступора. Число решений, количество сделанных нами в течение жизни актов выбора — оно тоже конечно, как конечно число ударов сердца. Но! Биение сердца, вздохи, движения — все это процессы бессознательные, вероятность их равна единице на протяжении всей числовой оси, связанной с нашей жизнью. Или нулю — если сердце останавливается и жизнь прекращается. Бессознательные процессы можно описать функцией, которая обратна известной дельта-функции, вы же знаете: она равна нулю во всех точках, кроме одной, но в этой единственной точке…»

«Да-да, — быстро прервал я, — продолжайте».

«А принятие решения — процесс сознательный и этим отличается от всех прочих процессов, связанных с жизнедеятельностью. Решаем мы сами. Да или нет. Пойти или остаться. Ударить или подставить вторую щеку. Это наш сознательный выбор. Число таких решений, принимаемых нами в течение жизни, ограничено, как число сердечных сокращений. Но, в отличие от последних, вероятности принятия тех или иных решений равны не единице или нулю, а какому-то числу между этими значениями».

«И вы решили вычислить…»

«Нет, это слишком сложно… То есть, представлялось мне слишком сложным тогда, в пятнадцать лет. Я подумал о другом. Если число принимаемых нами решений ограничено, то можно считать за нуль все решения, принимаемые бессознательно — до какого-то возраста, у всех по-разному, но, в среднем, как я потом выяснил, начитавшись медицинской литературы, до девяти-десяти месяцев. А потом в организме включается счетчик: вы начинаете принимать осознанные решения — первое, второе, третье… энное… эн плюс первое… Но ведь все принимаемые вами решения, каждый ваш выбор — это в принципе, те или иные события в вашей жизни. Важные, неважные, очень важные, круто все меняющие и не меняющие практически ничего. И у каждого такого выбора есть свой порядковый номер, как у ударов сердца. Эти числа должны тоже отличаться друг от друга своими свойствами! Для меня — а я был уже тог-

да помешан на теории чисел — это представлялось совершенно очевидным. Вы утром решили выпить стакан молока вместо того, чтобы налить себе чаю. Это решение номер сколько-то миллионов, сколько-то тысяч... А на другой день вы решили поступать не на мехмат, а на физический. И у этого решения тоже есть номер. Но ведь решения эти неравнозначны в вашей жизни! Следовательно — я принял это, как лемму, которая не требовала в тот момент доказательств, — и числа, соответствующие номерам принимаемых решений, тоже должны отличаться друг от друга. Обладать некими отличными от прочих свойствами. Понимаете? Это оказалось так увлекательно — выяснить, чем эти числа отличаются! Образуют ли они числовые ряды? Какие? С какими свойствами? Если да, то это могло бы означать, что человек сможет принимать важные решения в соответствии с номером...»

«То есть, — вмешался я, — вы хотите сказать, что решения, скажем, связанные с риском для жизни, принимаются в соответствии, например, с факториальным числовым рядом, а решения, связанные, допустим, с какими-то приобретениями, — с рядом Фибоначчи?»

«Не совсем так, но вы, в принципе, верно уловили основную идею! — воскликнул Олег Николаевич. — Все-таки как много значит»... — он осекся, посмотрел на меня, улыбнулся и не стал продолжать, но я продолжил за него:

«Физико-математическое образование, вы имеете в виду?»

Он покачал головой:

«Нет, не столько образование, сколько образ мысли. Можно быть математиком и не увидеть в этой идее ровно ничего... а можно... вы ведь к звездам своим относитесь не как к газовым шарам с политропным распределением плотности? Признайтесь, звезды для вас...»

Он замолчал, приглашая меня продолжить, и я сказал:

«Гм... да. К звездам у меня с детства отношение было скорее иррациональным. Умом я понимаю, что это плазменные шары с показателем политропы пять третьих, но на самом деле они... ну, как дракон для Ланселота, если вы понимаете, что я хочу сказать...»

«Понимаю, — кивнул он, — и очень рад тому, что мы с вами оказались в одной точке пространства в одно и то же время».

«Вы... — сказал я. — Я не видел ваших работ по этим числовым рядам. Я имею в виду — по рядам принятия решений».

«У меня нет таких работ, — покачал он головой. — Я даже в пятнадцать лет понимал, что... нет, пожалуй, я не понимал очень многого, но чувствовал... знаете, Петр Романович, математика, особенно теория чисел, это скорее чувство, интуиция, попытка понять себя... так вот, я чувствовал, что об этом лучше молчать. Пока не пойму, как с этим всем управляться. Если в организме есть счетчик наших решений, и если решения можно классифицировать и — вы правы! — описывать разными числовыми рядами... Нужно сначала этот счетчик найти, нужно эти ряды описать...»

«Простые числа, — сказал я, — вы занялись ими не потому, что...»

«Господи, теперь вам это понятно! Конечно, к простым числам я пришел, поскольку понял, что именно последовательность простых чисел играет самую важную роль в нашей жизни. Это было чисто интуитивное прозрение. Потом я все доказал, но идея сначала была чисто интуитивной».

«И вы полагаете, что завтра мне лучше сидеть дома, — вернул я наш разговор к его началу, — потому что посчитали, какой завтра в моей жизни по счету день, сравнили с последовательностью простых чисел...»

«Примерно... В эти дни у вас сильное сгущение таких чисел. Остров в океане...»

«Но если я буду сидеть дома и не принимать никаких решений вообще, — сказал я, — то

счетчик будет стоять и включится, когда я все-таки выйду... Все равно что-то важное нужно будет решить, верно? От судьбы не уйдешь...»

«Но есть шанс опустить уровень решений до бытовых, — возразил Олег Николаевич. — Счетчик будет щелкать, но решения вы будете принимать простые — включить ли телевизор, поставить ли чайник...»

«А потом выйду в народ, и все равно нужно будет что-то решать, ведь внешние события от того, что я пересижу время дома, никак не изменятся, и то, что должно случиться, случится все равно!»

«Но тогда решение будете принимать не вы», — мягко сказал Олег Николаевич.

«Да... — протянул я. — Наверно. Не уверен, что это правильно».

«И это тоже ваше решение, — кивнул он. — За номером сколько-то миллионов, сколько-то тысяч...»

«Простое число», — сказал я.

«Может быть»...

И я ушел. На следующий день... Не то, чтобы я сразу согласился с аргументами Олега Николаевича, я много об этом думал и понял тогда, во-первых, что он не был бы со мной так категоричен, если бы не знал точно, где находится биологический счетчик, и, во-вторых, поскольку сам он мало разбирался в биологии, то должен был у него быть помощник... Впрочем, эти соображения не помешали мне на следующий день поехать в Питер, потому что мне нужно было взять кое-какие вещи в городской квартире. И во дворе случайно столкнулся с соседом из второго подъезда, который неожиданно предложил мне квартиру продать, потому что она находится встык с его, и он хочет... В общем, мне пришлось быстро принимать решение, я вспомнил Олега Николаевича, подумал, что лучше бы мне действительно сидеть дома... и отказался. До сих пор не уверен в том, что поступил правильно.

* * *

— Понимаю... — протянула Евгения Ниловна. — Олежек говорил мне, что никому не... Для вас, я вижу, сделал исключение. Интересно, почему?

Мы уже допивали по третьей (а может — четвертой) чашке, Евгения Ниловна молча слушала, не вставила ни слова, а когда я закончил, подняла на меня взгляд и задала этот вопрос, на который я и сам не мог найти ответа. Может, ему в кои то веки понадобился благодарный слушатель? Вообще-то, насколько я понимал характер Парицкого, ему было решительно все равно, что о нем думали коллеги и современники, он был самодостаточен настолько, что мог работать над своими числами на полярной станции или на борту звездолета, отправившегося в полет без возвращения. Лишь в крайних случаях Олег Николаевич обращался к людям — и чаще не за помощью, а чтобы поставить очередной числовой эксперимент, о котором «подопытные» не подозревали. Буданова ему оказалась нужна, потому что в какой-то момент он не смог двигаться дальше и вынужден был принять важное для себя решение: учиться на генетика самому (и вызвать таким образом нездоровый интерес среди коллег, рискуя открыть прежде времени суть решаемой им задачи) или найти специалиста, который не только сумел бы с ним сработаться, но еще и не требовал бы немедленной публикации результатов. Что до меня...

— Не знаю, — ответил я на вопрос после долгого молчания. — Действительно, не знаю. Даже не догадываюсь. Может, захотелось, наконец, поделиться? Правда, я и другого понять не могу: для чего нужна была такая скрытность? Это очень интересная работа. Очень важная. Удивительное открытие — не только в математике, но и в генетике человека. Вы... вы ведь нашли тот ген, который... Ну, счетчик.

Евгения Ниловна покачала головой.

— Нет, — сказала она. — Одной мне это не под силу. Очень сложно. Я уж не говорю, что у меня под рукой просто не было нужной аппаратуры.

— Тогда зачем…

— Какой Олегу был от меня толк? — улыбнулась она. — Сначала я думала, как вы: просто хотел с кем-то поделиться. Со мной — безопасно, и, к тому же, я могла как-то при своих связях с коллегами-генетиками… Нет. От меня ему нужно было одно: чтобы я сказала, может такой счетчик существовать или это всего лишь его досужая фантазия. Я сказала: да, может. Более того, указала группу генов, среди которых следует искать ген-счетчик. Вообще-то, будь у меня лаборатория, такая хотя бы, как у тех моих коллег в Москве, которые работали по программе «Геном человека», то выделить счетчик нам, скорее всего, удалось бы. Могу себе представить, какой резонанс произвела бы такая работа… Но это пустое. Лаборатории у меня не было. А польза, однако, получилась. Я рассказала Олегу, как мог бы работать — и как наверняка работает — такой счетчик. Мы много разговаривали, наши встречи никому не казались странными — с моей профессией никто их не связывал, даже Лена не ревновала, а она, вообще-то, ревновала Олега к каждому столбу… нет, «столб» все-таки мужского рода, правильнее сказать — к каждой юбке… но и это неправильно, женщины сейчас ходят в брюках, это я по старинке…

— Журналисты вам не докучали? — спросил я.

— Нет. Их больше интересуют коллеги Олега — математики, чем такая старуха, как я.

— Но мне все равно непонятно, — сказал я. — Для чего такая скрытность? Я понимаю: Олегу Николаевичу было плевать на общественное мнение, на то, будут ли о его работе говорить, что это бред… Но он публиковал свои исследования по теории чисел, что мешало ему…

— Могу себе представить, — насмешливо сказала Буданова. — Получают в Nature статью… Или в «Математическом журнале». Нет, в «Математический» — не по профилю. Но и в «Журнал генетики» тоже… Слишком все это… А проверена теория только на одном человеке — сам автор испытал ее на себе. Каждый день испытывал, хотел накопить статистику. Сначала думал: достаточно тысячи случаев, чтобы применить для обработки статистические методы. Тысяча решений, при том, что каждый день человек — там мы с ним подсчитали — совершает от десяти до полусотни выборов, которые фиксируются счетчиком. Значит, за месяц-другой статистика накопится, и можно… По-моему, Олег так и сделал, но получил слишком неопределенный результат, мне он сказал только, что тысячи мало, нужно минимум сто тысяч решений, я не спорила, ему виднее, верно? Сто тысяч — это восемь или десять лет. Большой срок, но в научной работе бывали и более длительные сроки. Бентли, к примеру, всю жизнь — полвека! — зарисовывал формы снежинок, а Линней…

— Вы знакомы с Олегом Николаевичем больше десяти лет? — спросил я.

— Одиннадцать. Он тогда окончил университет, его статьи уже публиковались в Mathematical Review, и решение поговорить со мной Олег принял не с бухты-барахты, это было решение из очень интересной области сгущения простых чисел, мы с моим склерозом уж и не помним, как эта область называется, по имени какого-то математика… В общем, не исключаю, что если бы в тот день доклад делал другой генетик… Но выступала я. Я о нем слышала, мол, гений-вундеркинд, и вдруг он подходит ко мне…

— Он тогда еще не был женат на…

— Вам это тоже пришло в голову! Конечно, решение жениться на Лене было принято по правилам. Олег мне рассказывал. Вам — нет? Неважно… Теперь уже неважно. На тот день пришлось какое-то сильное сгущение простых чисел. Вы же понимаете, Петр Романович: важные, судьбоносные решения нужно принимать только в дни таких особых сгущений, иначе очень легко ошибиться — не в самом решении, а во времени, ведь пока счетчик не установ-

лен, пока каждому решению не поставлено в соответствие строго определенное число, выход один — дожидаться сгущений, тогда вероятность ошибки меньше!

— Да-да, — сказал я, — это понятно. Я о Елене…

— На тот день у него выпало сгущение простых чисел, и он просто обязан был принять какое-то важное для жизни решение. Какое? В профессиональном плане это был самый обычный день. Других проблем он тоже не видел, кроме… Двадцать шесть лет, все друзья или переженились, или собираются… Знакомые девушки замужем. Он над этим и думал, когда шел по улице… Знаете, Олег очень доверял своей интуиции. Он был уверен… или убедил себя… что чувствует, когда включается счетчик и нужно что-то решить, будто что-то щелкает в мозгу… это он мне так говорил… и он понимает: нужно принимать решение. Вот и с Леной: что-то щелкнуло, когда она ему встретилась на улице. И что ему оставалось? Он подошел и сделал девушке предложение. Ей это, видимо, показалось очень романтичным, — сухо заключила Буданова. Похоже, к бывшей жене Олега Николаевича она не испытывала ни симпатии, ни сочувствия.

— Но я все равно не понимаю! — воскликнул я. — Хорошо, не в Nature. Не в «Математический журнал». Всегда можно найти издание, пусть не такое престижное. Есть, в конце концов, Интернет, там он публиковал все, что хотел! Это приоритет.

— Вы думаете, Олега волновал приоритет? — удивилась Евгения Ниловна. — Вы же его знали — пусть недолго.

— Согласен. На приоритет ему плевать. Вообще на все. На миллион. На общественное мнение. Но это очень важно для всех! Каждый принимает решения, каждый выбирает — каждую минуту, каждый день. И если знать, когда нужно! Хорошо, статистика, я понимаю — без статистики о надежности говорить нечего. Но хотя бы показать, что…

— Петр Романович, — укоризненно произнесла Буданова. — Вы правы в одном: нет ничего важнее в жизни человека, чем точное знание о том, когда нужно принимать принципиальные решения. День. Час. Когда лучше подождать, когда следует поторопиться. В результате на много порядков возрастает для каждого конкретного человека вероятность сделать правильный для него выбор. Для него лично правильный, понимаете? Люди перестанут ошибаться в принятии решений. Вы представляете, что произойдет?

— Конечно! — воскликнул я. — Я до сих пор не знаю, правильно ли поступил, не став оспаривать решение нашего директора выставить меня на пенсию! Я не знаю — может, в тот день как раз было сгущение простых чисел, и нужно было что-то предпринимать? А может, в тот день мой генетический счетчик не отметил ни одного простого числа, и я не должен был принимать никаких решений?

— Вы сами и ответили, — пожала плечами Евгения Ниловна. — Знай вы, какие числовые аномалии пришлись на тот день, вы сделали бы тот или иной выбор. И не только вы. Правильное — лично для него — решение принял бы и тот человек, которого вы считаете своим врагом. Было бы вам от этого легче? Представьте, что все люди — и хорошие, и негодяи — научились посматривать на свой счетчик и принимать верные решения в нужное время. Олег — человек, в общем-то, наивный, как все гении… то есть, — она смутилась и потерла ладонями виски, — то есть, был наивным, да… наверно, никогда не смогу говорить об Олеге «был»… но все же он понял еще в те годы, что жизнь на нашей планете станет много хуже, если…

— Да, понимаю, — пробормотал я, действительно только сейчас подумав о том, что верное решение, правильный выбор — это не этические понятия, а сугубо эволюционные, и генсчетчик озабочен не проблемами добра и зла, а лишь тем, чтобы организм, в котором он находится, принял правильное для себя, для своей сохранности и благополучия решение. А если в результате погибнет мир… что ж, закон эволюции. Борьба за выживание.

— Вижу, что поняли, — хмуро улыбнулась Евгения Ниловна. — Послушайте, Петр Романович, мы с вами мило беседуем, а, между прочим, последний автобус через семь минут. Или вы

хотите идти домой пешком?

Если бы Буданова была у меня в гостях, я предложил бы продолжить разговор, а потом постелил гостье на диване или сам лег бы в гостиной. В конце концов, не в таком мы возрасте, чтобы думать о приличиях, да и кого они, на самом-то деле, сейчас интересуют? Только начали разбираться, и у меня в голове появилась мысль, которую я бы хотел обсудить…

— Да, верно, — сказал я, бросив взгляд на часы. — Засиделись. Вы позволите еще навестить вас?

— Позволю? — воскликнула Евгения Ниловна, тяжело вставая. — Вы просто обязаны приехать еще раз завтра вечером. И пораньше, чтобы не бежать на последний автобус. Мне хочется говорить об Олеге…

— Тем более, — подхватил я, — что правды вы мне сегодня так и не сказали.

И пошел к двери, спиной ощущая, как нахмурилась Буданова, как она смотрит мне вслед, думая о том, не поторопилась ли пригласить меня на вторую беседу. Как бы еще…

У двери я обернулся. Евгения Ниловна стояла, опершись правой рукой на спинку стула, и действительно смотрела на меня — нет, не хмурым, а скорее изумленным взглядом.

— Жду вас в семь, Петр Романович, — сказала она вместо прощания.

* * *

На последний автобус я успел и домой завалился в первом часу. Давно не совершал подобных ночных прогулок, устал нещадно, что-то у меня в голове щелкало — то ли искры между ушей проскакивали (это мне мама так в детстве говорила, когда я не хотел идти в школу и жаловался на головную боль), то ли генетический счетчик отсчитывал принятые решения и сделанный выбор: повесить полушубок на вешалку или отнести сушиться на кухню (повесил на вешалку), вскипятить воду для кофе или на все плюнуть и сразу идти спать (сделал кофе и сел перед телевизором), посмотреть финал какого-то пустого концерта или ночные новости (новости, конечно, тут и выбор-то был предельно очевиден).

Буш приказал отправить в Ирак еще двадцать тысяч морских пехотинцев и авианосец — интересно, какое числовое сгущение было на его счетчике в тот день, когда он принимал решение?

И я ничего не сказал Будановой о нумерологии — идея с последовательностью простых чисел внешне напоминала древнее учение, в истории я не был силен, тем более, в истории религий, но, кажется, в иудейской Каббале много говорилось о том, что те или иные числа играют огромную роль в человеческой судьбе. Имя, вроде бы, соответствует числу, которое можно найти, сложив номера букв в алфавите. Число может оказаться хорошим или плохим, и от этого жизнь или сложится удачно, или пойдет наперекосяк. И чтобы все было в порядке, нужно выбрать себе такое имя, где сумма чисел-букв оказалась бы благоприятной для данного индивидуума. Эти числовые игры всегда казались мне если не смешными, то недостойными мыслящего человека.

А теперь… Может, в этом есть смысл? Может, древние наши предки, как и во многом другом, достигли каких-то сугубо эмпирических результатов, но физической, генетической их сути знать не могли, двигались по поверхности явления, что-то получалось, что-то нет, а потом и эти крохи накопленных знаний растворились в новых учениях и науках и сейчас воспринимаются или как божественное откровение теми, кто не хочет думать над сутью вещей, или как шарлатанство — теми, кто думать таки хочет, но истинной природы числовых последовательностей не знает и роли их в жизни человека не представляет совершенно…

Об этом надо будет поговорить с Евгенией Ниловной завтра… уже сегодня… и надо все-таки лечь, наконец, спать, а то голова с утра будет тяжелой, вставать не захочется, день будет потерян, а мне этого вовсе не хотелось.

Когда я поздно ложусь, сон долго не приходит — это давно проверенное правило. Я лежал, закрыв глаза, и вместо того, чтобы считать слонов или верблюдов, прислушивался к себе, пытаясь действительно расслышать, тикает ли где-то в каких-то молекулах ДНК невидимый глазу счетчик, отмечающий принятые мной решения. Вот я подумал: повернуться на правый бок или остаться лежать на спине — такой выбор тоже считается принятием решения? А может, счетчик подобную мелочь не отмечает? Об этом тоже надо будет спросить Буданову нынче вечером.

И главное, о чем ее нужно будет спросить: почему все-таки она была со мной не откровенна? Почему солгала?

Заснул я под утро, в который раз повторив про себя, будто слонов считал: выделила она этот ген-счетчик, выделила, как бы ни старалась уверить меня в обратном.

Но зачем ей нужно было вводить меня в заблуждение?…

* * *

Я отправился гулять мимо окон Веденеева. Звонить участковому мне не хотелось, а если бы я увидел его в окне, то мог бы зайти и задать свой вопрос. Но окна были закрыты шторами, дверь (я подергал) заперта, и я пошел гулять дальше, купил в магазине кое-что на ужин, прошел половину пути до станции и вернулся обратно, оказавшись почему-то на улице, где жила Ася со своей мамой. То есть, не «почему-то», конечно — подсознательно мне хотелось увидеть не столько девочку, сколько ее мать, не по какой-то ясной причине, а просто глянуть на это красивое лицо, каких давно не видел — не та сейчас мода на лица, и кустодиевские купчихи не часто ходят по нашим улицам.

Маму, однако, я не увидел, но, свернув за угол, лицом к лицу столкнулся с Асей и от неожиданности отпрянул. Девушка не обратила на меня никакого внимания, шла медленно, погруженная в себя, что-то шептала довольно громко, и я бы мог, наверно, расслышать — что именно, если бы пошел за ней, но этого я, конечно, не сделал, только постоял, глядя ей вслед. Странно она шла, словно пританцовывая. Может, не шептала, а напевала какую-то мелодию, под которую и двигалась, будто в танце?

Интересно, а ее-то счетчик как работает и работает ли вообще? Ася ведь тоже принимает решения: пойти туда, поднять то или это, съесть пончик или яблоко… Элементарный выбор, ничего трудного. Что для нее сгущения простых чисел, если каждый день ее жизни почти ничем не отличается от другого?

Но почему-то она отправилась на пруд и пошла по льду… Это решение было для нее осознанным или таким же инстинктивным, как большая часть прочих?

Что я вообще знал о том, как работает сознание таких людей? Может, только внешнему, непонимающему взгляду мысли Аси представляются заторможенными, поступки — рефлекторными, а решения — простенькими, как дважды два? Что понимают психологи и психиатры…

Я сам оборвал эту мысль на середине — если у психиатров и есть определенные соображения, то у меня никаких не было и быть не могло, я не специалист и фантазировать не имею права. Что сам я говорил о дилетантах, предлагавших мне свои гениальные соображения по устройству Вселенной? Вот так-то.

По пути домой я еще раз прошел мимо участкового пункта, в окне по-прежнему было тем-

но. Пошел, наконец, снег: сначала с хмурого неба падали отдельные мелкие снежинки, таявшие на носу, а когда я свернул к себе на Балтийскую, новый снег уже лежал на старом тоненьким, но вполне различимым слоем.

Дома было холодно (уходя, я открыл все форточки, чтобы проветрить помещение), мне пришлось включить еще и электрокамин, и только когда стало теплее, я снял куртку, но остался в толстом свитере, думая о том, считать ли это решение достаточно важным, чтобы его отметил мой личный генетический счетчик. Никаких числовых сгущений, по-моему, в этот день на мою долю не пришлось — до вечера я просидел у компьютера, переходя от одного сайта к другому, это был совершенно не обязательный, я бы даже сказал, случайный выбор объектов, я сам не знаю, что искал, ничего конкретного, просто хотелось знать, как генетики производят операцию, которую называют секвенированием, как выделяют тот или иной ген среди великого множества подобных молекулярных структур. Тексты были чаще всего на английском, в специальной терминологии я не разбирался, даже русские статьи оставались для меня по большей части за семью печатями, вспомнилась знаменитая фраза Шредингера из книги «Жизнь с точки зрения физики»; когда я учился в университете, слова великого физика приводились в любой популярной статье, как пример непонятного языка, на котором говорили биологи: «Рецессивная аллель влияет на фенотип, только когда генотип гомозиготен». Жуть. Я мог бы написать десяток фраз из области космологии или релятивистской астрофизики, столь же непонятных читателям глянцевых журналов. Ну и что?

А то, — подумал я, — что в биологии Парицкий вряд ли был компетентнее меня. Хорошо, не нужно быть таким категоричным. Конечно, он специально интересовался, но вряд ли тратил на изучение биологии достаточно много времени — чего-то нахватался, безусловно, но теория простых чисел была для него главным делом в жизни, не стал бы он отвлекаться на посторонние предметы. Или стал бы? Мы не говорили с Олегом Николаевичем о генетике, селекции, секвенировании или чем-то подобном. Но если он был математическим гением, а гении, говорят... нет, это о талантливых людях говорят, что они талантливы во всем, а вот гении... Гений скорее подобен космическому кораблю, летящему с субсветовой скоростью к единственной и практически недостижимой цели, которая, к тому же, не видна остальному «прогрессивному человечеству». Ракета мчится так быстро, что окружающее сливается для пилота в однообразный фон, рассматривать который нет времени...

Одно я все-таки понял. Точнее, сам себя убедил в том, что еще вчера пришло мне в голову и застряло, будто осколок снаряда. Будановой удалось выделить этот пресловутый ген-счетчик. Не знаю — как. Она работала в большом коллективе. Это эксперимент, а не теория. Она не могла скрывать свои исследования, в отличие от Парицкого. Но нигде никогда ни в каком научном издании по генетике (я поискал во всех, какие знал, поисковых системах) не был упомянут ген-счетчик принятых человеком сознательных решений. Как же тогда...

Думать об этом не имело смысла, тем более, что был еще один вопрос, который я хотел задать Евгении Ниловне (сначала Веденееву, но его я так и не застал, а потом и Будановой). Без ответа на этот второй вопрос я не мог прийти к окончательному выводу. Если бы не пошел снег, я еще мог рассчитывать... Я отправился бы к пруду... Нет, все равно ничего путного из этого не вышло бы: ни в генетике я не специалист, ни, тем более, в практической криминалистике. И не стоило ломать над этим голову.

* * *

— Я весь день думала над вашими словами, Петр Романович, — сказала Евгения Ниловна, когда я сел на старый, времен то ли коллективизации, то ли освоения целины, диван, пружины которого так скрипели, будто это был их последний миг, сейчас они лопнут, и острые концы вонзятся... я бы пересел на стул, но Буданова опустилась на диван рядом со мной, и мне стало неудобно демонстрировать свои нелепые страхи.

— Я думала, обижаться мне на ваши слова или... — она сделала паузу, предполагая, ви-

димо, что я скажу нечто вроде «да я ничего в виду не имел, на что же обижаться?». Я, однако, молчал, думая больше о том, как разместиться, чтобы сидеть не на пружине, а где-нибудь в промежутке.

— И решила, что, наверно, вы правы, — продолжала Буданова. — Не знаю, что по этому поводу сказал бы Олег, и уже не спросишь… А вы все равно додумаетесь сами, только времени больше уйдет, я правильно понимаю?

Я промолчал.

— Молчание — не всегда знак согласия, чаще оно означает взаимное непонимание, — задумчиво проговорила Евгения Ниловна, и тогда я задал свой вопрос, над которым — а вовсе не над тем, секвенировала ли она ген-счетчик, — размышлял весь день:

— Вот что я хотел знать. Человеческая жизнь не бесконечна, к сожалению. И число принимаемых за всю жизнь решений тоже бесконечным быть не может, это большое число, может, десять миллионов, может, больше, это зависит… ну, вы понимаете… Но это конечное число. А числовая ось бесконечна. И простых чисел бесконечное множество. Значит, где-то среди простых чисел существует такое… или такие, их тоже может быть много… которое определяет или как-то фиксирует наш конец. Последний в жизни выбор. Когда-то счетчик щелкнет в последний раз, и больше вы не сможете принять ни одного осознанного решения. Что тогда? Человек умрет? Или станет похож на растение? Может, ген старости и ген-счетчик — одно и то же? Или действуют вместе? Или…

Буданова встала. Ей пришлось упереться в диван обеими руками, и я видел, как ей тяжело поднимать свое старое тело. Кажется, ей было даже больно; может, кости у нее болели, может, что-то еще, она поморщилась, но уже стояла на ногах и неожиданно резво принялась ходить вокруг стола — против часовой стрелки, — на ходу поправляла чашки, переставляла блюдца, наверно, чтобы думать, ей нужно было непременно двигаться, как мне для того, чтобы мысль не сбивалась, нужно непременно сидеть перед компьютерным экраном и держать пальцы на клавишах, а раньше, когда не было компьютеров, я непременно должен был, чтобы подумать, раскрыть свою портативную «Эрику», вставить лист бумаги, непременно один, без копирки, потому что мысль не копируется, мысль может появиться только раз, она уникальна…

— Да, — сказала Евгения Ниловна, неожиданно остановившись, но не передо мной, а с противоположной стороны стола, и смотрела она не на меня, а в какую-то точку в центре этого круга. — То есть, нет. Вы правы, Петр Романович: число решений, принимаемых человеком в течение жизни, ограничено, это ясно. И ген старения… Несколько лабораторий уже сообщали о том, что такой ген выделен, но пока это оказывалось… ну, я бы сказала — преувеличением. Но вы неправы, когда обвиняете меня… или это не обвинение, а, как вы полагаете, констатация факта?.. В общем, когда вы говорите, что я обнаружила ген-счетчик. Я не могла. Хотела, да. Очень. Это было бы… Я не честолюбива, знаете ли. Но Олег меня буквально зажег… Как поджигают фитиль у пороховой бочки. Мне очень хотелось, но… Если бы у меня была своя лаборатория. И оборудование, как в Ливерморской группе. Или хотя бы, как в Москве. Но у меня не было ничего — только купленное пятнадцать лет назад, когда у нас еще были деньги, уже устаревшее оборудование, на котором мы все-таки сумели сделать кое-что и для программы «Геном человека». Но… Послушайте, Петр Романович, мы тут разговариваем, а вы, наверно, голодны? У меня есть борщ и котлеты, давайте я это разогрею?

Переход был таким неожиданным, что я не сразу перестроился и ответил «нет, спасибо», прежде чем действительно почувствовал голод — ел я днем и рассчитывал здесь не на плотный ужин, конечно, но хотя бы на пару кусков магазинного кекса.

— То есть, я хочу сказать — да, я бы не против…

— Тогда посидите немного в одиночестве, — сказала Евгения Ниловна, — и пока я все принесу, подумайте вот над каким вопросом: как поступили бы вы сами, обнаружив в литера-

туре вполне определенные доказательства того, что ген-счетчик выделен — не вами, конечно, а вашими более продвинутыми коллегами, — но интерпретируют они его совершенно неправильно? Неправильно с вашей точки зрения, но если вы свою точку зрения выскажете, то неправильной сочтут именно ее, и большинство коллег вас просто…

Она не договорила фразу, поджала губы, бросила в мою сторону взгляд, скорее растерянный, нежели гневный, и вышла в кухню, откуда послышались звон посуды, стук дверцы шкафа и еще какие-то звуки, свидетельствовавшие о том, что Буданова определенно принимала решения и в соответствии с ними совершала действия. А счетчик в ее организме отсчитывал простые числа, приближаясь к концу шкалы, за которой… Она ведь старая. Под восемьдесят? Может, пойти помочь?

Тоже решение. Элементарное, но осознанное. Щелк.

— Вы будете со сметаной? — спросила из-за двери Евгения Ниловна.

— Да! — крикнул я. Щелк.

— Помогите мне принести тарелки!

Борщ оказался в точности таким, какой я всегда любил и который не ел с того времени, как заболела Софа и не имела больше сил заниматься хозяйством. Я бы и добавки попросил, но Евгения Ниловна поставила передо мной тарелку с котлетами, гарниром к которым оказался картофель, прожаренный именно так, как всегда жарила Софа — крупными ломтями и с коричневой корочкой. Мне не нужно было принимать решений — есть это или не есть, — за меня решал организм, и счетчик наверняка стоял: ужиная в обществе Евгении Ниловны, я удлинял свою жизнь…

— Спасибо, — произнес я первое за полчаса слово, — удивительно вкусно!

— Пожалуйста, — грустно сказала Буданова, складывая тарелки одна на другую. — Ваша жена хорошо готовила? Не отвечайте, я вижу…

Я не ответил. Почему-то именно сейчас мне показалось, что мы с Евгенией Ниловной не можем не понять друг друга — как понимали мы друг друга с Софой. Мне почему-то именно сейчас стало казаться, что я выплываю из летаргии, в которую впал, когда ушла Софа, будто не мыслительная деятельность, а какие-то борщ с котлетами, еда совершенно непритязательная, играли главную роль в моей жизни. Это было странное, новое для меня ощущение, мне нужно было его осознать, и я, как привязанный, пошел следом за Евгенией Ниловной в кухню, понес тарелки, хлебницу с хлебом, на плите стояли кастрюля и большая закопченная сковорода, от которых шел такой запах… Я поспешил выйти, потому что на глаза навернулись слезы, и я совсем не хотел, чтобы Буданова это увидела. Я здесь не потому, черт возьми, чтобы…

Я сел на пружину, и мне показалось, что меня подбросило в небо катапультой. Ну и пусть. Я не стал искать место удобнее, а Евгения Ниловна присела рядом.

— Ну вот, — сказала она, — вы подумали?

— Да, — кивнул я. — Счетчик уже обнаружен, но интерпретирован не так, как следовало бы, а вы не опубликовали свои возражения, полагая, что коллеги вас не поймут.

— Я пыталась, — сказала Евгения Ниловна. — Посылала статьи в наш «Вестник» и в международный «Биологический журнал». Год дискутировала с рецензентами. Олегу ничего об этом не говорила, знала, что он мне посоветует.

— Что? — вырвалось у меня.

— Ну как… Плюнуть, конечно. Повесить статьи в Интернете — и будь что будет. Знаете, какой у Олега был девиз в жизни?

Я покачал головой.

— Помните адмирала Нельсона: «Делай что должно, и будь что будет»?

— Вы считаете, — сказал я, тщательно подбирая слова, — что тогда… третьего дня… Олег Николаевич сделал то, что должен был сделать?

— В тот раз, — сказала Евгения Ниловна, не глядя в мою сторону, — у него и выбора не было. Счетчик…

— Да?..

— Я не знаю, что именно Олег успел вам рассказать…

— Немного. О счетчике — ничего. Много говорил о теории простых чисел, о том, как мы выбираем, как принимаем решения, какие числовые ряды и сгущения простых чисел этому соответствуют… Говорил о том, что решениям определенного типа можно поставить в соответствие определенного типа простые числа, и что это очень сложная, но интереснейшая задача — найти здесь статистическую зависимость. Но этим он, как я понял, заниматься не собирался. Во-первых, потому что математическая статистика была не его специальностью, он ее не то чтобы плохо знал, но… не нравилось ему это, мне вот не нравилось заниматься — а одно время приходилось — расчетами переноса массы в двойных системах… А во-вторых, даже если бы Олег Николаевич этим занялся, на такое исследование нужно было угрохать многие годы — статистика длиной в жизнь, а жизнь эта…

В голове у меня мелькнула мысль, как далекий огонек, как искорка в ночи, и я замолчал, потому что мысль была вроде и нелепой, но показалась в тот момент очень точной.

— Да? — сказала Евгения Ниловна. — Вы говорили…

— Говорил, — пробормотал я, — и вдруг подумал…

— Я вижу, — спокойно сказала Буданова. — Статистика длиной в жизнь, сказали вы и подумали о жизни, и у вас мелькнула мысль о том, что жизнь имеет предел, а числовые ряды бесконечны.

— Нет… Вы сказали, что выбора у Олега Николаевича не было. То есть, он знал, что…

— Вы тоже что-то чувствовали? — голос Евгении Ниловны неожиданно стал напряженным, этот вопрос был для нее почему-то важен, и я сказал, вспоминая:

— Иногда мне казалось, что он… ну, он вел себя, как человек, которому врач сообщил, что у него рак и жить ему осталось год или полгода, не знаю, но какой-то не такой уж большой срок. Я… Мне казалось, что это депрессия или душевный кризис, у таких людей, как Олег Николаевич, это распространенное явление — душевное одиночество, я имею в виду. Гении всегда одиноки, Парицкий был гением, с этим вроде бы никто и не спорил, и потому мне не казалось странным, что он… Сейчас я вдруг понял истинную причину. То есть, мне кажется, что эта причина была истинной. Если сложить все элементы мозаики…

— Да? — настойчиво повторила Евгения Ниловна и положила свою сухую руку мне на колено. Легкая ладонь, но мне показалось, что меня придавило прессом.

— Почему он отказался от миллиона? Почему вдруг переехал из города, ушел из института, отказался от дискуссий с коллегами?

— Да?..

— Числовые ряды бесконечны, — сказал я, — а жизнь человеческая имеет предел. Число принимаемых человеком в его жизни решений определяется емкостью генетического счетчика. Щелкает в последний раз, и все — жизнь кончена. Да? Вы это знали, и он это знал. Вы это посчитали для него, и оказалось…

Евгения Ниловна отдернула руку, будто мое колено неожиданно оказалось горячее раскаленной плиты. Сцепила ладони так, что побелели костяшки пальцев.

— Да вы что? — сказала она с изумлением в голосе. — Вы действительно подумали, что я могла…

— Но ведь он знал, что тот день… четверг… был для него последним в жизни?

Буданова молчала.

— Значит, знал, — констатировал я. — А кто, кроме вас, мог ему это сказать?

— Никто. И я не могла. В отличие от Олега, мне далеко до гениальности, знаете ли. Я выяснила, какой ген является счетчиком, да. Мне не нужно было самой заниматься экспериментами, сейчас столько лабораторий ведут аналогичные исследования, столько публикуется очень подробных материалов… достаточно следить за публикациями и, главное, знать, что ищешь.

— Я и говорю: кроме вас, никто не мог сказать ему…

— И я не могла, — повторила Буданова. — Вы слушаете меня или себя, Петр Романович? Да, я определила ген.

— Конечно! Взяли у Олега Николаевича — и у себя, вероятно, тоже — пробы крови… или что там надо взять, чтобы провести генетический анализ…

— Капли крови достаточно, — сухо сказала Евгения Ниловна.

— Ну вот, вы сами говорите! — я больше не мог усидеть на этой проклятой пружине, мне показалось, что меня посадили на кол, или что я бабочка на игле натуралиста, я встал и принялся, как недавно Буданова, ходить вокруг стола, а она смотрела на меня, и голова ее, будто цветок подсолнуха, поворачивалась за мной, как за солнцем.

— Вы сделали анализ и определили полное число решений, которые может принять в своей жизни Олег Николаевич… и вы тоже! Вы определили емкость ваших счетчиков. И значит, приблизительно могли назвать время… день… вряд ли час, но день — наверно… когда счетчик остановится, и…

— И почему вы решили, что это конец? — с любопытством спросила Евгения Ниловна. — Счетчик остановится, да. Человек больше не сможет принимать осознанных решений, тем более — важных для его жизни. Помилуйте, Петр Романович! Сколько людей живут после этого еще годы и годы! Ничего не решают. Ничего в жизни не выбирают сами. За них выбирают подсознание, рефлекс, привычка… Старики на лавочке…

— Инсульт, — сказал я.

— Что? — нахмурилась Буданова.

— Инсульт, — повторил я. — Счетчик переполняется, и это как-то сказывается на мозговом кровообращении, в организме все связано… Маленький тромб, и конец разумной жизни. Человек может прожить еще годы, как растение…

— Да, — кивнула Евгения Ниловна. — Послушайте, Петр Романович, перестаньте ходить, как лошадь на корде, простите за сравнение.

Я остановился.

— Извините… Да какая разница! — вспылил я неожиданно для себя. — Это, по-вашему, жизнь? Растение! Лучше уж… Вы определили, что счетчик Олега Николаевича переполнится пятнадцатого февраля…

— Я? — Буданова тоже, похоже, вышла из себя, ударила ладонью по дивану, и пружины издали такой надрывный стон, будто в этот момент действительно оборвалась чья-то жизнь. — Я же вам сказала: нет!

— Но он знал!

Евгения Ниловна встала — тяжело, со стоном, — подошла ко мне почти вплотную и подняла на меня взгляд: изучающий, понимающий, пристальный, не знаю какой еще, что-то было в этом взгляде, чего я не смог бы определить при всем желании.

— Знал, — сказала она. — Знал, конечно, вы правы. Но я здесь ни при чем. Я же вам сказала: гений он, а не я. Я провела анализ в нашей лаборатории, да. Но не смогла точно определить... Тогда он... Это было весной, в марте...

— До того, как ему присудили премию.

— Да, за месяц до. Он сказал: «Женя, вы просто не хотите мне говорить». «Ну что вы, Олег, — сказала я. — Я бы сказала, но я действительно не знаю. То есть, знаю, как счетчик работает, знаю емкость, но это лишь непроградуированные биологические часы, вы должны понимать! Надо еще поставить показания в соответствие с каждым нашим выбором. Точно, а не приблизительно. Я не могу». «Ах, — сказал он, — всего-то? С этим я и сам справлюсь, это не генетика уже, а математика. Покажите, что у вас получилось».

— И вы показали.

— Да. Почему нет? Я была уверена, что если мне, биологу, не удалось, то ему, математику, — подавно.

— А он смог.

— Вы сами сказали: он был гением.

— Гением, — пробормотал я. — Что такое гений? Слово.

— Когда сообщили, что Олег отказался от французской премии и ушел из института, я поняла, что у него получилось. Позвонила ему — на городской-то квартире у него был телефон, — и он приехал. Мы всю ночь сидели за этим столом, он показывал мне свои вычисления, в которых я ничего не понимала, но в биологии-то я разбираюсь и могу сказать: он все сделал правильно.

— Он уже тогда знал...

— Приблизительно. Это невозможно рассчитать точно задолго до... Потому что есть неопределенность числа ежедневных решений. Там, конечно, тоже можно ориентироваться по сгущениям, по определенным рядам, Олег это умел, а я в математике не разбиралась... Но все равно: срок определяется тем точнее, чем ближе вы к нему подходите.

— Ну да, — сказал я, — сходящиеся ряды, естественно.

— Вот видите... Вам это понятно, мне — нет.

Мне хотелось задать ей вопрос, но я не решался. Старый человек. Женщина.

— Он и для меня рассчитал, — сказала Буданова с какой-то странной улыбкой — я ожидал, что это будет улыбка горечи, растерянности, а она улыбнулась как-то очень светло, радостно даже, будто рассчитал ей Парицкий еще полвека разумной человеческой жизни. — Но не сказал. То есть, сказал только, что времени у меня еще много, особенно если я не буду суетиться и по каждой мелочи принимать жизненно важные решения. В общем: живи по-старушечьи, и протянешь еще лет десять. Так я это поняла.

— А вы...

— Я так и живу в последнее время... Мало куда выхожу, мало кого вижу, все обо мне забыли, а после смерти Олега так и совсем... Счетчик, да. Но не только число принятых решений определяет, сколько мы будем жить. Болезни. Это от нас не зависит. Аварии. Несчастные случаи. Природные катастрофы... Господи, в мире столько всяких случайностей, в том числе нелепых, от которых зависит жизнь... И так часто жизнь одного человека зависит не от его собственного выбора, а от решений кого-то другого, о ком он никогда и не слышал. Пьяный води-

тель решил проехать на красный свет и врезался в другую машину. Сам отделался испугом, а человека убил. Кто в этой ситуации сделал выбор, важный для жизни? На чьей числовой оси оказалось сгущение простых чисел? Тот, кто погиб… он вообще в тот момент не принимал решений — ехал по правилам, думал о своем…

— Вы об этом говорили с Олегом Николаевичем?..

— Конечно. Об этом тоже. Видите ли, Петр Романович, чем больше я об думала… а здесь, в одиночестве, я думала об этом почти постоянно… тем больше убеждала себя в том, что генсчетчик вовсе и не важен… я имею в виду, не важен для определения даты смерти. Точнее, счетчик действительно ограничивает время, которое сможет прожить данный человек, оставаясь разумным существом, способным принимать решения. Он может жить и потом, но в растительном состоянии… инфаркт, инсульт, болезнь Альцгеймера… не знаю. Но может умереть и раньше, так и не успев сделать окончательный выбор… Вот я… Живу, да. Мой счетчик, наверно, отсчитывает последние возможности, и я экономлю, я решаю только проблемы типа «накормить гостя ужином или только чаем с печеньем», и так оттягиваю свой конец… К счастью — или к несчастью, не знаю, — серьезных болячек у меня нет, но…

— Получается, — сказал я, прервав — возможно, грубо, — рассуждения Будановой, она была права, конечно, но не это меня сейчас интересовало, — получается, что если у человека смертельная болезнь — рак, к примеру, — а на счетчике у него еще есть место, то он может продлить себе жить, просто решив жить… если в нужное время, когда сойдутся какие-то числовые ряды, примет нужное решение? Заставит организм подчиниться?

— Что? — переспросила Евгения Ниловна, думала она о своем, не могла сразу отрешиться от собственных мыслей. — Извините, я прослушала.

— Я говорю: человек может победить смертельную болезнь просто своей силой воли, если его счетчик…

— Ах, вы об этом… Да, конечно. Именно. Но нужно, чтобы на счетчике сошлись определенные ряды простых чисел… Олег этим занимался, у него наверняка остались какие-то расчеты.

— Наверняка, — повторил я. — Знаете, Евгения Ниловна, я пытался… попросил нашего участкового… у него сейчас ключ от квартиры Олега Николаевича. Не знаю, какие права у его бывшей жены…

— У Лены? Никаких, могу вам сказать точно. Олег купил эту квартиру уже после того, как они развелись, так что юридически она прав не имеет.

— Ну, хоть это не станет препятствием, — пробормотал я.

— Препятствием к чему?

— Компьютер Олега Николаевича, — пояснил я.

— Что это вам даст? — пожала плечами Буданова. — Вы специалист по теории простых чисел?

— Нет, но я все-таки…

— Физик, да. Но не математик, а Олег залез в такие дебри, что его многие коллеги не могли понять. История с этой французской премией… Он разобрался с проблемой, с которой не могли справиться… сколько лет? Сто? Больше? А вы думаете, что вам… Боюсь, с этим уже никто… или пока никто не справится.

Я промолчал. Возможно, мне и не справиться. Почти наверняка. Но нужно хотя бы попытаться.

А зачем? — подумал я неожиданно. Почему-то этот вопрос не возникал у меня прежде. Я думал о том, что работа не должна пропасть, о том, как необходимо, чтобы об исследовании

Парицкого узнали, наконец, все… Зачем? Чем поможет людям знание о том, что в их организме находится ген-счетчик, и тикают часы жизни, приближающие конец?

— Вот видите, — сказала Евгения Ниловна. Вряд ли она умела читать мысли — скорее всего, сама думала об этом, — вы понимаете, что счастливее люди от этого не станут.

— Наука, — сказал я довольно неубедительно, — вовсе не о счастье чьем-то заботится, а о знании. Разве научные достижения когда-нибудь приближали человечество к счастью? Наука и счастье — две вещи несовместные, как гений и злодейство.

Буданова подняла на меня удивленный взгляд.

— Вы действительно так думаете? — спросила она.

— А вы — нет? В глубине души.

Она покачала головой, но промолчала — значит, в глубине души была со мной согласна. Правда, я сам был не согласен с тем, что сказал, я сам мог возразить себе, но не стал бы, поскольку сам же прекрасно знал и все возможные возражения. Но сейчас мне нужно было получить у Евгении Ниловны ответы на два моих последних вопроса.

— Олег Николаевич, — сказал я, — был все-таки математиком, а не генетиком. Он занимался числовыми рядами, а не строением клетки. Ряд простых чисел бесконечен. Олег Николаевич обязан был прийти к заключению о том, что человек, в принципе, бессмертен. Бессмертен…

Возможно, я повторил это слово несколько раз — Буданова кивала головой, а потом положила ладонь мне на колено, будто нажала на клавишу, чтобы остановить тикающий механизм, и сказала:

— Да. Вы правы. Он считал именно так. Это была его идефикс в последнее время, и я не смогла его переубедить. Он был неправ. Даже гении ошибаются. Эйнштейн, к примеру, ошибался, когда пытался создать единую теорию поля.

— Нет, — возразил я. — Он не ошибался, отнюдь. Просто в его время еще не было нужного аппарата, нужных знаний, экспериментов. Сейчас единая теория поля — банальность, сейчас физики обсуждают единую теорию Всего. Конечно, Эйнштейн был прав, просто он жил слишком быстро, он знал, что такая теория появится непременно, но хотел создать ее сам. И Олег Николаевич прав — и тоже занялся этим слишком рано. Занялся ведь, верно?

— Бессмертие, — пробормотала Евгения Ниловна. — Тут бы свой век прожить… Знаете, что он отвечал на мои возражения? Я говорила ему: да, простых чисел бесконечное множество, и число потенциальных решений тоже может быть бесконечно большим, и, значит, бесконечно может продолжаться жизнь разумного существа. Животного — нет, растения тоже, а разумное создание способно, в принципе, жить вечно, и этим, в частности, человек отличается от неразумной природы… Но счетчик-то ограничен в объеме! Мало ли что в природе возможно в принципе? В принципе можно летать к звездам с субсветовыми скоростями, но нет такого горючего, чтобы разогнать звездолет, так какой прок от принципиальной возможности?

— Сегодня нет, а…

— Да-да, завтра придумают! Олег мне то же самое говорил. Мол, когда заполнится молекула-счетчик, тут же подключится другая, потом третья… И мы сможем прожить две жизни, три, десять… Только человек, не знакомый с генетикой, мог говорить такие вещи!

— Только человек, не знакомый с принципиальными отличиями электромагнитного и гравитационного полей, мог в середине прошлого века пытаться создать единую теорию поля!

— Господи! Не повторяйте того, что Олег…

— Значит, он приводил вам те же аргументы.

— А других у него не было!

— Хорошо, — сказал я, — не будем спорить. Я не специалист ни в теории чисел, ни в генетике. Но вы меня обрадовали.

— Обрадовала? — сказала она с недоумением.

— Конечно. Олег Николаевич — вы это подтверждаете — был уверен в том, что человек — существо, в принципе, бессмертное.

— Толку-то… — вздохнула она. — Будто бессмертие принесет кому-то счастье.

— Не о счастье речь, — отрезал я, — а о науке.

Буданова передернула плечами.

— Еще один вопрос, — сказал я, — и мне, пожалуй, пора идти, а то я не успею на последний автобус…

— И вам придется заночевать у меня, — улыбнулась Евгения Ниловна, — а вы, конечно, не можете нанести такой ущерб моей репутации.

— Я не…

— Шучу. Я вовсе не собираюсь вас задерживать. Что вы хотели еще спросить?

— Вы знаете, Евгения Ниловна. Знаете, верно? В тот день у Олега Николаевича не было выбора. Что это означает?

Буданова мяла в пальцах платье на коленях, ей не хотелось говорить об этом. Точнее — нет, хотелось, конечно, ей очень хотелось выплеснуть и это свое знание, не оставаться с ним наедине, но она сомневалась, стоит ли говорить об этом со мной. Кто я? Чужой, в общем-то, человек, могу не так понять, могу не то сделать… Я пришел ей на помощь.

— Он определил — с вашей помощью — объем своего счетчика и рассчитал, когда придет его последний день. День последнего решения. Верно? Дальше — тишина… Он не хотел тишины. Если человек теряет способность принимать решения, выбирать что-то в своей судьбе… Зачем жить? Да? Но почему… он же молод… был молод. Неужели его счетчик… эта дурацкая молекула… неужели от нее действительно зависит, сколько раз мы выберем в жизни между красотой и уродством, между одной женщиной и другой, между любовью и предательством, между…

Что-то меня заклинило. Я продолжал перечислять эти «между-между», я говорил, говорил, я уже сам не понимал себя, количество альтернатив в нашей жизни так велико, что, просто перечисляя их, можно прожить годы, я хотел, чтобы Буданова остановила меня, прекратила это, сам я не мог, то есть, мог, конечно, нужно было всего лишь закрыть рот, но тогда пришлось бы произнести то, ради чего я начал разговор, и что произносить не хотел, и я говорил, я даже вспомнил свой детский выбор «между железным паровозом и деревянным Буратино», тогда я выбрал паровоз, мама мне его купила, и я в тот же день уронил игрушку себе на пальцы мог, а это был тяжелый паровоз, совсем, как настоящий, это потом стали делать игрушки из пластмассы, а тогда… было очень больно, и я, должно быть, впервые в жизни пожалел о том, что сделал неправильный выбор.

— Да, — сказала Евгения Ниловна, как отрезала, стукнула кулачком себе по колену, и это движение отозвалось во мне. Я, наконец, замолчал, ощущая, что язык пересох, в горле першило, я поднялся, пошел на кухню, налил в стакан теплой воды из остывшего чайника и выпил, морщась, несколькими большими глотками.

Когда я вернулся, Евгения Ниловна сказала:

— В чем-то вы с Олегом очень похожи, Петр Романович. Для вас тоже невыносимо думать, что когда-нибудь… может, завтра… решения за вас будет принимать кто-то другой. Врач, например. Или сын. Или священник.

— Я неверующий, — отрезал я.

— Неважно, — пожала она плечами. — Если вы не можете больше решать за себя, вы не можете решать и кто будет теперь за вас принимать решения.

— Да, верно. — пробормотал я. — Мы похожи, да… Если я буду знать, что завтра мой счетчик остановится…

— Вы захотите, чтобы ваше последнее в жизни решение стало действительно последним.

— Он это знал…

— Сначала с точностью до месяца, — кивнула Евгения Ниловна. — Большая точность не получалась, потому что… ну, вы должны понимать…

— Конечно, — я постарался сесть так, чтобы не попасть на пружину, но не получилось, диван заскрипел, заворочался подо мной, и я уперся в его поверхность обеими руками, заставил эту проклятую мебель замолчать.

— Конечно, — повторил я. — В расчете самая трудно определимая величина — оценка числа решений, принимаемых в течение одного дня…

— Нет, — покачала головой Буданова. — Нет, это как раз оказалось просто… счетчик, видите ли, содержит биологические метки, отделяющие определенные промежутки времени один от другого… Это не точно сутки, не двадцать четыре часа. Не сразу удалось определить интервал… Нет, не это было главным. Точно не получалось, потому что… ну, вы должны понимать: каждое решение влечет за собой другое. Есть независимые решения, есть решения связанные. Вы что-то делаете, и это действие влечет за собой цепь других, часто от вас не зависящих действий.

— Мы должны предвидеть результаты своих поступков, — пробормотал я. — Каждый в ответе за каждого.

— Ну, за каждого — это слишком! За многое — да, ответственны.

— Вы хотите сказать, — медленно проговорил я, — что счетчик отмечает и эти…

— Конечно. Обратные связи. Семь раз отмерь — один отрежь. Да. Думай о последствиях того, что выбираешь. Это вносит неопределенность. Олег даже нашел какой-то числовой ряд, который фиксирует не сами наши решения, а их косвенное влияние. Я вам уже говорила — в этом я не понимала ничего… Олег утверждал, что чем на более долгий срок мы продумываем последствия своих поступков… Как в шахматах — чем больше ходов способен предвидеть игрок, тем точнее он знает будущее, а тут… тем точнее можно оценить работу счетчика. Понимаете?

— Да, — кивнул я.

— А я не понимала, — плечи ее поникли, она застыла, опустив руки.

— Конечно, — сказал я. — Внутреннюю неопределенность создавали числовые ряды, описывающие дальние последствия принимаемых решений. Да, это понятно. Значит, Олег Николаевич смог определить, когда его счетчик достигнет предела, только за несколько дней до… Или за день? Наверно, так: за месяц число определяется с точностью до недели, за неделю — с точностью до дня. За день — с точностью до часа. За час…

— С точностью до минуты, — кивнула Евгения Ниловна.

— Значит, на прошлой неделе…

— Он пришел и сказал, что пятнадцатого или шестнадцатого что-то с ним случится. Инсульт? Что-то. Я пыталась его переубедить — в конце концов, говорила я, это всего лишь теории, математика, кто на себе проверял, как это действует на самом деле… Наверно, не нужно было этого говорить. Неправильное решение. Мое.

— А он сказал «Вот я на себе и проверю», да?

Она кивнула.

— Я и тогда не верила. Глупо. Здоровый мужчина. Он весной проходил обследование в поликлинике, никаких отклонений. Никаких тромбов. Нормальное давление. Какой инсульт? О чем он говорил? Я сталась его убедить, но…

— Никто не мог его в чем бы то ни было убедить, — сказал я, — когда дело касалось математики. Никто. Никогда.

— Я знаю, — сказала она. — Но это была не математика, а генетика. То есть, я старалась убедить Олега именно в этом.

— Математика, — повторил я. — Числовой ряд. Он его вычислил, и ему оставалось только проверить правильность вычислений. В четверг утром он уже знал час. Да? Да, можете не отвечать. Он позвонил вам и сказал…

— Нет. Он приехал, я только встала… У него же не было телефона, а звонить из автомата Олег не хотел. Выглядел он каким-то… растерянным. Я спросила, хорошо ли он себя чувствует. Может, болит голова. «Нет, — сказал он. — Я чувствую себя прекрасно. Но в два часа девочка пойдет на пруд…»

— Он так сказал? — поразился я. — Он знал, что… Откуда? Как? Это ведь было не его решение!

— Элементарно, Ватсон, — сухо сказала Буданова. — К сожалению, уж это совсем элементарно. Только вы, похоже, не знаете ничего об Асе. В поселке девочка известна каждому. Она предсказуема, как восход солнца. И это в определенной степени счастье для ее матери, иначе ей пришлось бы с дочерью совсем туго… Каждый день в одиннадцать Ася приходит в магазин, держит в кулачке деньги, и ей дают бутылку кефира и пакет молока. Каждый день примерно в час Ася обходит вокруг своего квартала, и вид у нее при этом такой, будто она проверяет, не могут ли в дом забраться воры. И каждый день — кроме ненастий, когда Наташа запирает дверь и не выпускает дочь из дома, отчего та плачет и пытается распахнуть окно, которое давно заколочено… Так вот, примерно в два Ася идет на пруд и обходит его кругом, по часовой стрелке, а потом — против. И возвращается домой. Вечером она опять совершает обход вокруг дома…

— И Олег Николаевич пошел на пруд, — сказал я. — Но он не мог предвидеть, что девочка захочет пойти по льду, а лед проломится, и…

— Не мог? — горько произнесла Евгения Ниловна. — Разве так трудно сопоставить? Утром он знал, в каком часу остановится его счетчик.

— В два…

— В четырнадцать с минутами. Последнее решение. Вероятности тех или иных событий…

— Да, я понимаю, — сказал я. — Наверно, он шел за ней следом? Она пошла вдоль пруда, как обычно, а потом, уже на той стороне, вдруг решила вернуться по льду.

— Видимо, так.

— А он пошел за ней.

— Наверно.

— И когда лед проломился… это было как раз то самое время… последний щелчок.

— Теперь вы понимаете, почему у него не было выбора?

— Был, — сказал я. — Не между жизнью и смертью Аси, а между собственной разумной жизнью и…

— Наверно.

Я встал. Повернулся и посмотрел на Евгению Ниловну сверху вниз.

— Вы говорите: «видимо» и «наверно». Почему? Вы ведь все видели своими глазами!

Она встала. Она даже не оперлась руками, поднялась быстро, как молодая.

Мы стояли и смотрели друг на друга. Из уголков ее глаз вытекли слезинки, и она отвела взгляд.

— Откуда вы…

— Веденеев сказал: кто-то стоял на холме, откуда видно… Стоял и ушел. Пока участковый не связал это с… несчастным случаем. Он не смог определить время — когда этот человек стоял на холме. Может, намного раньше… Но ему это не дает покоя…

— Что я смогу сказать? Что он поймет? Да и не будет он…

— Скорее всего, нет, — согласился я. — Оно ему надо?

— Да, — сказала Евгения Ниловна, наклонилась, и мне пришлось ее поддержать, обнять за плечи, так мы и стояли в этой странной позе, будто…

— Да, — повторила она, прижавшись лицом к моей груди, и я ее плохо слышал, скорее догадывался о том, что она говорила. — Я поехала к нему после обеда… Сердце прихватывало, я положила под язык валидол… Так мы и шли. Впереди Ася, за ней метрах в десяти Олег, а еще дальше я, и все время боялась, что он меня увидит, и я помешаю ему выполнить последнее решение.

— Вы не собирались…

— Это было его решение, ведь так? Только его. Последнее. Я думала… если что, вызову «скорую», мобильник у меня с собой… Так мы дошли до пруда, и я поднялась на холмик, чтобы лучше видеть и, если что…

— Вы видели.

— Это произошло так быстро! Ася вдруг свернула с тропинки и пошла по льду. Треск. Олег помчался большими шагами. И… В общем, потом я ушла.

— Вы так и не позвонили в «скорую»!

Она оттолкнула меня обеими руками, отступила на шаг. Слез на ее лице не было.

— Я решила неправильно?

Я молчал. Неправильно. Конечно. Она бы вызвала «скорую» и осталась ждать. Врачи только и смогли бы, что фиксировать смерть, а потом… Как вы здесь оказались? Что видели? Милиция. И нужно было бы или молчать, вызывая никому не нужные подозрения, или рассказать все, вызывая никому не нужное недоверие. А потом понаехали бы журналисты, уж от них точно не избавишься, и пришлось бы…

Как поступил бы я сам?

У нее не было ни малейших шансов спасти обоих. Или одного. Или одну. Выбора не было. И у Парицкого не было выбора. Значит…

Или выбор был? Есть ли вообще у человека выбор в такой ситуации? Разве он выбирает в этот момент с помощью разума? Или действуют только инстинкты, которые у всех разные: один бросается на помощь, рискуя собой, другой отступает. Решения эти бессознательны, и значит… Значит, счетчик не щелкает. Нет выбора — нет щелчка.

Но тогда… Значит, это не могло быть последним решением Парицкого в его жизни! Что-то должно было произойти раньше! Раньше должен был раздаться последний щелчок счетчи-

ка, раньше должен был Олег Николаевич принять окончательное решение, а потом — одни инстинкты… как у парализованного, каким он никогда не хотел быть.

— Я решила неправильно?

Буданова хотела, чтобы я ответил.

— Вы могли его остановить… до того, как он побежал. Крикнуть. Позвать.

— Это было бы правильно? — настойчиво повторила она.

— Нет, — сказал я.

На лбу Евгении Ниловны выступили капельки пота, в комнате было довольно тепло, но не настолько, чтобы… Она стояла, пошатываясь, я подхватил ее под руку и отвел на диван. Пружины на этот раз охнули разом, вразнобой.

— Где ваше лекарство? — спросил я.

— Там… на тумбочке.

Я вытащил из пакета пластинку валидола, оторвал таблетку, дрожащими пальцами Евгения Ниловна положила лекарство под язык и затихла, глядя в потолок.

Я сел рядом на стул. Как она жила здесь — одна? Старая женщина. А если приступ? Телефон всегда под рукой, но если боль сильная — и не дотянуться?

А я-то? Мне тоже не двадцать, не сорок и даже не пятьдесят. И каждую минуту может… Сколько еще тикать моему счетчику? Сколько решений я еще смогу принять в жизни?

— Идите, Петр Романович, — сказала Буданова слабым голосом. — Вы опоздаете на последний автобус.

— Я не могу сейчас…

— Со мной все будет в порядке, — едва заметно улыбнулась она. — Мой счетчик еще…

— Вы знаете? — вырвалось у меня.

— Не с точностью до дня, конечно.

— Вы знаете… — пробормотал я.

Она хотела кивнуть, но лежа не получилось, голова Евгении Ниловны странно дернулась.

— Не надо, — сказал я. — Полежите спокойно.

Минуту в комнате было так тихо, что, казалось, было слышно, как за окнами падают снежинки и ложатся на землю с тихим звоном, будто крохотные осколки хрусталя.

— Не думайте об этом, Петр Романович, — неожиданно произнесла Евгения Ниловна и посмотрела мне в глаза. — Не нужно вам знать. Никому не нужно. Потому что…

— Я понимаю, — сказал я. — Когда знаешь, начинаешь принимать решения чаще, чем обычно. Да? Приближаешь конец.

— Нет, — сказала она. — То есть, наверно, и поэтому тоже. Но главное в другом. Когда знаешь… Хочешь, чтобы твои последние решения были значительны. Не размениваться на мелочи. И тогда…

Она хотела что-то сказать, но передумала. Мне показалось, что я понял ее мысль. Эта мысль мне не понравилась. Она была… неправильной? Может, и правильной, но — неверной. Парадокс?

— Вы хотите сказать, — медленно произнес я, — что свое последнее решение — спасти Асю, если что-то с ней случится — Олег Николаевич принял еще тогда, когда пошел за ней сле-

дом? Еще по дороге? Его счетчик зашкалило и… И если бы не его решение, Ася не свернула бы с тропы на лед? Она не поступала так прежде. Но это же вообще чепуха! Телепатия? Вы хотите сказать, что он сам ее толкнул? Сам?

Должно быть, я кричал. Не знаю. По-моему, я не произнес ни слова, только думал вслух, и в этом даже не было парадокса.

Евгения Ниловна положила руку на мою ладонь.

— Ну да, — сказала она тихо, и мне пришлось наклониться, чтобы расслышать. — Конечно, чепуха. Он ее толкнул? Вы действительно могли так подумать?

— Нет, я…

— Мне кажется, — сказала Евгения Ниловна, — Олег принял последнее свое решение по дороге, да, и выбора у него больше не было. Но вы, наверно, замечали в жизни… Как часто ваш выбор зависит от выбора другого человека? Вроде бы вы не договаривались, но кто-то делает что-то, и вы…

Ей было трудно говорить.

— Когда Софе стало плохо, — вспомнил я, — я был на работе… Почему-то захотелось что-то делать. Встать. Выйти на улицу. Бежать. Я не понимал. Сколько решений я принял в эти минуты? Десять? Больше? Я места себе не находил. А потом позвонил Вадик… это наш сын… и сказал, что мама упала на кухне…

— Не нужно, — сказала Буданова. — Не вспоминайте. Вы меня поняли.

— Как это происходит? — воскликнул я.

— У Олега на этот счет была идея. Ряды простых чисел… их множество… их, вообще-то, тоже бесконечно много, этих рядов… они пересекаются, обгоняют друг друга или отстают… числа… они связаны…

— Но счетчик у каждого свой! — воскликнул я. — При чем здесь…

Буданова едва заметно покачала головой. Она не знала. Она была генетиком; математика, теория чисел были ей чужды, это был другой мир, в котором жил Олег Николаевич Парицкий, а она только смотрела со стороны и помогала, как могла…

— Вы опоздаете на автобус, — сказала она.

Да, я опаздывал. Если задержусь еще на пару минут…

Евгения Ниловна повернулась на правый бок, достала из кармана халата и положила рядом с собой мобильник.

— Не бойтесь принять это решение, — сказала она уже довольно бодрым голосом. — Мне лучше, а такие приступы случаются со мной… ну, скажем, довольно часто. Поезжайте, Петр Романович. Я позвоню, если что. И вы звоните. Хорошо? Я поздно не сплю. Вы, наверно, тоже?

— Да, — сказал я и встал. — Вы уверены, что…

— Уверена. Все будет хорошо. Я же сказала вам: мой счетчик еще не дотикал.

Когда я был у двери, она села на диване, облокотилась о валик и сказала:

— Мы с вами не математики, Петр Романович. Вы ничего не поймете в заметках Олега, даже если вам позволят… А я — тем более. Может, не нужно?..

Она не договорила и, помахав мне рукой, закрыла глаза.

— Дверь просто защелкните, хорошо?

Автобус опоздал, и я едва не превратился в сосульку, ожидая на остановке. Снег, который, похоже, падал весь вечер, пока мы разговаривали, теперь прекратился, зато ударил мороз, и я вполне мог себе представить, что водитель застрял где-то в дороге, и придется мне возвращаться к Евгении Ниловне, проситься на ночлег... Почему-то мне очень этого не хотелось, и в это время в ночи вспыхнули фары, подкатил, фыркая, автобус, в салоне которого даже оказалось несколько пассажиров...

От остановки я шел домой осторожно, ноги немного скользили, фонари на улице горели через один, снег скрипел, небо висело низко, как потолок в тюремной камере.

— Гуляете? — спросил знакомый голос. Я не узнал сразу, не ожидал встретить Веденеева в такое время в таком месте. Он что, ждал меня?

— Люблю гулять перед сном, — объяснил участковый, поняв, наверно, о чем я подумал. — А вы? Тоже?

— Был в гостях, — сказал я, не вдаваясь в подробности.

— Хорошее дело, — одобрил Веденеев. — Вы знаете, что похороны Парицкого послезавтра? Выносить будут из института, все время забываю название.

— Имени Стеклова, — сказал я. — Был такой математик.

— Ага, — кивнул Михаил Александрович. — Вы поедете?

— Не знаю, — сказал я. — Подумаю. Не так просто принять решение.

— Да? — удивился Веденеев. — Я думал: вы дружили.

Он не понял, конечно, какое решение я имел в виду.

— Вы... — я помедлил. — Помните, говорили о следах на холме? Будто кто-то стоял там...

Веденеев махнул рукой.

— Вы серьезно? — удивился он. — Мало ли кто мог... Да и занесло следы давно. Глупости, не берите в голову, Петр Романович.

— Я и не...

— И не надо. Вы читали в газете: «Известный математик спас девушку» и все такое?

— Нет, — сказал я. — А как же... Я хочу сказать: его работы...

— Тут я пас, — усмехнулся Веденеев. — Приезжали сегодня из института, принесли официальную бумагу, компьютер Олега Николаевича я передал под расписку, они там люди умные, специалисты, разберутся.

— Понятно, — сказал я. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Петр Романович, — кивнул Веденеев. Возможно, мне показалось, что в его голосе прозвучали какие-то угрожающие нотки? Конечно, показалось, с чего бы...

Дома было холодно, батареи грели слабо, я включил масляный обогреватель, стоявший у постели. Позвонил Евгении Ниловне, голос ее звучал бодро, она, похоже, действительно оправилась.

— Вы на самом деле не можете посчитать, сколько натикало на моем счетчике? — спросил я вроде бы в шутку, но на самом деле...

— Спокойной ночи, Петр Романович, — ответила Буданова. — Заезжайте в гости, когда будете в Репино.

— Непременно, — пообещал я.

Лучше не знать, — думал я, лежа под одеялом, а левую руку положив на обогреватель, по ней в тело вливалось тепло, тот самый теплород, которого на самом деле не существует в природе.

Если Асин счетчик, и счетчик Парицкого… если одинаковые ряды простых чисел вызывают к жизни одинаковые или взаимно согласованные решения… кажется, я уже засыпал, потому что мысль то всплывала, то погружалась, то расплывалась, то превращалась в яркую точку… если Вселенная и есть бесконечная числовая ось, на которую нанизаны судьбы… если… ряды простых чисел бесконечны… значит, человек все-таки бессмертен, и нужно только понять, как соединяются гены-счетчики… нужно…

Должно быть, я все-таки уснул, потому что знал, что сплю, и думал: решения, которые мы принимаем во сне, они щелкают на нашем счетчике? Живем мы в снах или…

Не помню, что я решил по этому поводу. Я плохо запоминаю сны.

ПРИГЛАШАЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ

Активнее включаться в литературную жизнь журнала

Высылайте свои письма, литературные опыты, статьи, критические замечания по адресу:

ebooks@people-publishing.com